

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ: ПОНЯТИЯ, СМЫСЛЫ, ПРАКТИКИ

Учебное пособие

Пермь
2023

УДК 323.22/.28(075.8)

ББК 66.6

П 49

Рецензенты:

М. М. Мчедлова, д-р полит. наук, проф., зав. кафедрой
сравнительной политологии Российского университета дружбы народов;
А. П. Романова, д-р филос. наук, проф., директор Института проблем юга России
и Прикаспия ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет
им. В. Н. Татищева»

Коллектив авторов:

Л. А. Фадеева, д-р ист. наук, проф., Пермский государственный национальный
исследовательский университет (отв. редактор);
И. С. Семенов, д-р полит. наук, чл.-корр. РАН, зам. директора Института
мировой экономики и международных отношений РАН;
Е. В. Морозова, д-р филос. наук, проф., Кубанский государственный университет;
М. Ю. Мартынов, д-р полит. наук, проф., Сургутский государственный университет;
Н. В. Борисова, д-р полит. наук, декан историко-политологического факультета
Пермского государственного национального исследовательского университета;
М. В. Назукина, канд. полит. наук, доц., Пермский государственный
национальный исследовательский университет;
Д. С. Плотников, канд. полит. наук, доц., Пермский государственный
национальный исследовательский университет

Политика идентичности: понятия, смыслы, практики. Учебное
П 49 пособие / отв. ред. Л. А. Фадеева. – Пермь: ИЦ «Титул», ФГБОУ ВО
«ПГНИУ», 2023. – 216 с.

Авторы учебного пособия дают развернутое описание понятийного аппарата, субъектов и технологий политики идентичности, объясняют процессы ее формирования и роль патриотизма в этих процессах, рассматривают приоритет и направления политики идентичности в современной России. Векторы трансформации политики идентичности на постсоветском пространстве охарактеризованы на примере Беларуси и Молдовы. Значимость политики идентичности в международных отношениях обосновывается и используется с помощью понятия секьюритизации.

Издание предназначено для бакалавров, обучающихся по направлениям подготовки «Политология», «История», «Международные отношения», а также адресовано всем интересующимся проблематикой политики идентичности в современном мире.

УДК 323.22/.28(075.8)

ББК 66.6

*Издается по решению ученого совета историко-политологического факультета
Пермского государственного национального исследовательского университета.
Допущено методическим советом Пермского государственного национального
исследовательского университета в качестве учебного пособия для студентов,
обучающихся по направлению подготовки бакалавров «Политология»,
«История», «Международные отношения».*

ISBN 978-5-905546-88-4

© Коллектив авторов, тексты, 2023

© ПГНИУ, 2023

© ИЦ «Титул», макет, 2023

Содержание

Введение. <i>Л. А. Фадеева</i>	4
Глава 1. Разберемся с понятиями. <i>И. С. Семененко</i>	9
1.1. Идентичность	9
1.2. Политическая идентичность	12
1.3. Национальная идентичность	16
Глава 2. Политика идентичности: понятие, субъекты, направления	21
2.1. Как определяется политика идентичности. <i>И. С. Семененко</i> ...	21
2.2. Кто определяет политику идентичности. <i>И. С. Семененко, Л. А. Фадеева</i>	27
2.3. Что значит патриотизм для политики идентичности. <i>М. Ю. Мартынов</i>	32
Глава 3. Политика идентичности: страновые кейсы и варианты	43
3.1. Российская идентичность: дискурсы и практики. <i>Л. А. Фадеева</i>	43
3.2. «Состязательное поле» постсоветской идентичности. <i>Л. А. Фадеева, Д. С. Плотников</i>	47
3.3. Приоритеты и направления политики идентичности в современной России. <i>Л. А. Фадеева</i>	55
3.4. Политика идентичности: белорусское измерение <i>Д. С. Плотников</i>	63
3.5. Проблемная идентичность Молдовы: новые «бои за прошлое». <i>Л. А. Фадеева, Д. С. Плотников</i>	76
Глава 4. Политика идентичности во внешнеполитическом контексте. <i>Л. А. Фадеева</i>	88
4.1. Что объясняет понятие «секьюритизация политики идентичности»	88
4.2. Как политика идентичности становится внешнеполитическим инструментом	93
4.3. Кому угрожает «китайская мечта» Си Цзиньпина?	97
Глава 5. Разнообразие измерений политики идентичности	108
5.1. Символические аспекты политики идентичности. <i>М. В. Назукина</i>	108
5.2. Языковая политика в контексте политики идентичности. <i>Н. Б. Борисова</i>	122
5.3. Политика памяти. <i>Л. А. Фадеева</i>	134
5.4. Политика идентичности в региональном и локальном измерениях. <i>Е. В. Морозова, М. В. Назукина</i>	143
5.5. Политика идентичности в цифровой среде. <i>Е. В. Морозова, Л. А. Фадеева</i>	160
Материалы для чтения. Фрагменты статей. <i>И. С. Семененко, М. М. Мчедлова</i>	172
Библиографический список	207

Введение

Обычно утверждают, что как только понятие обретает смысл и становится популярным, возникают дискуссии по поводу потенциала его использования. Так произошло с понятием идентичности, которое приобрело популярность в науке и публицистике к концу 1990-х гг. и сразу подверглось критике. Одни критики говорили о «неудобствах с идентичностью», другие предлагали выйти «за пределы идентичности». Можно сказать, что категория идентичности в целом испытывает на себе вызовы и трудности, с которыми сталкивается научное понятие, введенное в широкий публичный оборот. С одной стороны, нарастает вал публикаций (поисковый запрос в интернете на слово «идентичность» выдает около 6 млн результатов), с другой стороны, обостряется критика относительно содержания понятия, которое приобретает чрезмерную многозначность. Расширительность трактовок ведет к публицистичности в изложении материала.

За последние десятилетия проведен ряд масштабных исследований, результаты которых обсуждались на научных мероприятиях и в публичных дискуссиях, были представлены в монографиях и статьях. Российские ученые активно участвуют в развитии идентитарных исследований. В профессиональной организации политологов – Российской ассоциации политической науки – с 2012 г. действует Исследовательский комитет по политической идентичности (координатор – чл.-корр. РАН, д-р полит. наук И. С. Семененко), функционирует Сеть по исследованию идентичности, которая объединяет специалистов из разных областей социогуманитарного знания, университетских и академических центров из разных регионов России¹.

При этом сохраняется состоятельность концептов и интерпретаций. В особенности это относится к политике идентичности, которая выстраивается, конструируется, трансформируется в социальных взаимодействиях и является неотъемлемой частью политического процесса.

¹ Сеть по исследованию идентичности. Режим доступа: <http://identityworld.ru/>

Большинство российских исследователей трактуют политику идентичности как целенаправленную деятельность субъектов политического процесса, направленную на формирование различных общественно значимых идентичностей, и продвигают позитивную оценку ее потенциала как нематериального ресурса развития и средства поддержания социальной солидарности в обществе.

Политику идентичности необходимо оценивать в контексте реальных социально-политических процессов и их результатов, с учетом характера социокультурной динамики сообщества, в котором она реализуется. Такая политика может быть целевым образом направлена на формирование общественно значимых идентичностей, находить отражение в социальной политике, в образовательной сфере, в символической политике и политике памяти, в языковой политике. Политика идентичности как целенаправленная деятельность может способствовать и закреплению реалий разделенных сообществ.

В современном мире активно идут процессы политизации неполитического с использованием идентичности, идентичность становится фактором и (или) инструментом такой политизации. Глобализация и деглобализация, распад одних и появление других государств, создание наднациональных образований, трансформация современного миропорядка – акторы всех этих процессов апеллируют к системе ценностей, национальной, цивилизационной, конфессиональной идентичностям. И тогда политика идентичности приобретает иное звучание и значение, становится ключевым фактором мировой политики.

Президент России Владимир Путин неоднократно говорил о важности социокультурного ядра российской идентичности: Россия – «уникальная полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром» (2012)², «Россия – открытая страна и при этом самобытная цивилизация. В этом утверждении нет никакой претензии на исключительность и превосходство. Но это цивилизация наша – вот, что главное. Ее нам передали предки, а мы должны сохранить ее для наших потомков

² Путин В. В. Россия: национальный вопрос. Режим доступа: https://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html?print=Y

и передать дальше» (2023)³. Идентичность является основанием культурного суверенитета страны и консолидирующим основанием общества.

Когда китайский лидер Си Цзиньпин заявляет в качестве цели строительство «богатого, мощного, демократического, цивилизованного, гармоничного, социалистического и модернизированного государства», в этом есть определение специфики Китая, политической, социальной, цивилизационной идентичности, обосновывающей роль КНР как глобального игрока в мировой политике. «Хиндутва», означающая расовую, этническую, религиозную принадлежность к «родной святой земле Индии», используется премьер-министром Индии Нарендрой Модой для укрепления позиций Индии как глобальной державы и задействована в качестве элемента мягкой силы.

Замысел этого учебного пособия состоит в том, чтобы познакомить читателя с разработанным российскими учеными подходом к политике идентичности как теоретической категории и политической практике во внутривнутриполитическом и международном контексте. Авторы высоко ценят первый учебник по теории и практике политики идентичности⁴ и предлагают развитие этого направления. Данное учебное издание, по нашему замыслу, призвано стать одним из компонентов системы научных и учебных знаний о политике идентичности.

Выводы, представленные в учебном пособии, сделаны на основании научных исследований авторов, которые работают в содружестве над проблематикой идентичности уже более 15 лет; подготовили ряд совместных научных публикаций (сборников, научных монографий)⁵; способствовали формированию сообщества исследователей проблематики в России. Публикация в 2017 г. энциклопедического издания «Идентичность:

³ Послание Президента Федеральному Собранию. 21 февраля 2023 года. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/70565>

⁴ Каницын В. С. Теория и политика идентичности. М., 2018.

⁵ Идентичность как предмет политического анализа / отв. ред. И. С. Семененко, Л. А. Фадеева. М.: ИМЭМО РАН, 2011; Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / отв. ред. И. С. Семененко. М.: РОССПЭН, 2011; Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / отв. ред. И. С. Семененко. М.: РОССПЭН, 2012.

личность, общество, политика»⁶ стала важной вехой на этом пути, продемонстрировала интерес широких научных кругов к данной проблематике.

Первая глава посвящена ключевым понятиям – идентичность, политическая идентичность, национальная идентичность. Читатель получит представление о существующих в мировой науке подходах и концептах, что позволит ориентироваться в проблематике, чтобы понять предложенные отечественными учеными подходы к анализу политики идентичности и использовать их для осмысления современной сложной реальности.

Во второй главе как аналитическая категория рассматривается политика идентичности. Представлена интерпретация политики идентичности, которая стала определяющей в российской политической науке. Субъекты политики идентичности охарактеризованы преимущественно (но не исключительно) с фокусом на государственных акторов. Авторы считают важным продвижение в научном дискурсе позитивных, этически мотивированных ориентиров и ценностей, позитивного образа будущего для нынешних и будущих поколений. В связи с этим принципиально важно включение в главу по теоретическим аспектам политики идентичности проблематики патриотизма как основы *социальной консолидации российского общества*.

Первостепенное внимание уделено анализу политики идентичности в России: в третьей главе рассматривается деятельность политических акторов по выстраиванию и продвижению повестки дня политики идентичности, факторы внешнеполитического характера, направления и инструменты политики идентичности в современной России. Выбор Белоруссии и Молдовы обусловлен значимостью влияния разнонаправленных факторов, как внутренних, так и внешних, на политику идентичности стран постсоветского пространства.

Четвертая глава помещает политику идентичности в международный контекст, в котором идентичность и безопасность взаимосвязаны. Категория «секьюритизация политики идентичности» позволяет понять, как такая политика становится

⁶ Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. чл.-корр. РАН И. С. Семененко. М.: Весь Мир, 2017. – 992 с.

внешнеполитическим инструментом продвижения национальных интересов на мировой арене.

В пятой главе раскрыто многообразие структурных компонентов политики идентичности в содержательном и технологическом плане (символическая политика, языковая политика, политика памяти), а также в пространственной перспективе (на региональном и локальном уровнях, в интернет-пространстве).

Учебное пособие содержит вопросы для обсуждения, дидактические разработки для интерактивных занятий, списки рекомендованной литературы по темам и библиографический список.

Глава 1.

РАЗБЕРЕМСЯ С ПОНЯТИЯМИ

1.1. Идентичность

Само слово «идентичность» пришло из латыни. Прилагательное *identicus* (от лат. *idem* – то же, тот же) сохранило корень в современных европейских языках (ср. англ. *identical* и франц. *identique* – одинаковый, тождественный, равнозначный, сходный). В русском языке слово «идентичный» в значении «тождественный», «равнозначный», «совершенно одинаковый» и производное от него существительное «идентичность» были зафиксированы в начале прошлого века в ряде изданных тогда же словарей иностранных слов, вошедших в состав русского языка.

Трактовку идентичности в ее индивидуальном измерении отличает внутренняя смысловая многомерность: она указывает не только на тождественность (соотнесенность с кем-то и чем-то, кто/что задает значимую для носителя идентичности референтную систему координат) и отличия от «других», но и на «самость» («кто я»). Этот «парадокс» идентичности задан раздвоением ее понимания как «тождественности» (*idem*) и как «самости» (*ipse*). Французский философ Поль Рикёр сформулировал эту двойственную сущность идентичности в ясной и лаконичной форме как проявление диалектического взаимодействия и связанности двух ее ракурсов. Как формы отражения субъективных представлений о себе и о других, утверждающиеся в ходе соотнесения себя со значимыми «другими», идентичности существовали всегда, но люди не осмысливали свой жизненный опыт в таких многослойных смысловых категориях.

Пионерные исследования идентичности стали ответом психологической науки на потребность в объяснении мотивации поведения человека в социальной среде, возникшей в контексте развития психоанализа. После выхода в свет работы Эрика Эриксона о становлении идентичности и психологии взросления сформулированное им понятие «кризиса идентичности» получило всеобщее признание. Оно стало широко применяться в тех областях исследований, которые занимались изучением содержательных

характеристик человеческой индивидуальности, механизмов ее формирования и включения «я» в систему социальных связей общества. Это, в первую очередь, психология и социальная педагогика, психиатрия, этнология и антропология. Концепт социальной идентичности был обоснован спустя полвека американскими учеными Г. Тэджфелом и Дж. Тёрнером¹ для объяснения природы межличностных и групповых взаимодействий и их взаимовлияния. Он получил развитие в разработанном этими авторами понятии самокатегоризации как процесса определения себя через принадлежность к группе «себе подобных».

Острая потребность в аналитической категории, которая могла бы отразить психологические и социальные характеристики субъективной реальности в их взаимосвязи, была осознана в социогуманитарных исследованиях в последние десятилетия XX в. Нынешний взрыв интереса к идентичности стал ответом на усложнение институциональных основ и стремительный рост многообразия общественной среды, на появление новых угроз экзистенциальным основаниям жизни человека. Выявление мотиваций социальной деятельности и оценка перспективных траекторий и альтернатив общественного развития стали самыми актуальными исследовательскими задачами. Понимание развития как совокупности нелинейных процессов, идущих в разном для разных обществ и сообществ социальном времени, стимулировало поиски «общих знаменателей» происходящих стремительных перемен в сознании, культурных нормах и институтах взаимозависимого мира. Одним из таких «знаменателей» стала идентичность. Динамика идентичности стала рассматриваться как один из значимых маркеров социальных трансформаций. Ее отражают изменения в ценностных ориентирах, в жизненных приоритетах и в мотивациях поведения человека в публичной сфере.

Будучи в этом смысле сущностной категорией (т. е. категорией, адекватно описывающей представления человека о себе и о других и проявления этих представлений в социальных практиках), идентичность является и аналитическим концептом, т. е. способом репрезентации субъективной реальности в научном дискурсе.

¹ *Tajfel H. (ed.) Social Identity and Intergroup Relations 1982. Cambridge: Cambridge University Press.*

В этом качестве концепт идентичности решает задачу смыслового синтеза оснований социальной деятельности:

- ценностных, определяемых духовными ориентирами и нравственными установками человека;
- эмоциональных, заданных его психическим складом;
- рационально мотивированных интересами и потребностями.

В нем соединены индивидуальный (Я-идентичность) и коллективный, групповой (Мы-идентичность) срезы социального опыта, зафиксировано состояние (какая идентичность определяет выбор приоритетов моего поведения сейчас) и одновременно отражается динамика представлений человека о себе и своем месте в мире (какие ориентиры для меня жизненно важны, как они соотносятся с тем, что я выбираю сейчас). Из разрывов между этими срезами рождается кризис идентичности, который многие исследователи считают сущностной характеристикой процессов самоидентификации.

В политической науке концепт идентичности утверждался в процессе расширения предметного поля политических исследований и самого понятия «политического». Категория идентичности оказалась достаточно емкой для того, чтобы соединить на уровне социальных групп и сообществ разной природы и конфигурации – от профессиональных до национально-государственных – индивидуальный и надындивидуальный срезы сознания и поведения в политической сфере. В результате появилась возможность преодолеть системные ограничения политико-институционального анализа, расширить границы знаний о природе политических коммуникаций, стимулировать политическое воображение. Категория идентичности позволила отразить одновременно состояние и динамику общественных настроений, сопряженную с ними рефлексию их носителей и отображение такой рефлексии в дискурсивных практиках и в политическом действии. Таким образом, *идентичность – это аналитический концепт, отражающий комплекс представлений человека о себе и о своем месте в системе социальных взаимодействий, и сущностная категория, определяющая приоритеты и мотивации таких взаимодействий и их изменения под влиянием индивидуальных (мировоззренческих, психологических и эмоциональных)*

характеристик и факторов воздействия социальной (политической, культурной) среды.

Задача теоретико-методологического характера, которую необходимо решать при обращении к этому концепту, – необходимость каждый раз определять уточняющие категорию идентичности координаты в соответствии с предметом анализа. Сегодня в социальных науках эта система координат строится вокруг идентичностей «с прилагательными». Аналогичные трудности возникают, впрочем, и в отношении других категорий, которые рассматриваются как базовые для понимания современного общества: неслучайно умножение демократий, капитализмов или национализмов «с прилагательными». В анализе современных политических процессов ключевыми категориями являются понятия *национальной идентичности, гражданской идентичности, политической идентичности и политики идентичности.*

1.2. Политическая идентичность

Политическая идентичность представляет собой *комплекс идейно-политических ориентаций и предпочтений, которыми субъекты политического процесса наделяют себя и друг друга в процессе коммуникации, и предполагает отождествление носителя политической идентичности с тем или иным политическим сообществом.* Она утверждается во взаимодействии с политическими институтами и проявляется в публичной сфере. Коллективные субъекты политики разного уровня формируют свою политическую идентичность на основании соотнесения себя с другими субъектами политики – носителями «иной» идентичности – и размежевания с ними в борьбе за влияние на политические решения. В этом контексте политическая идентичность как совокупность представлений об идейных ориентациях, политических притязаниях и интересах политических акторов служит маркером политической субъектности, легитимирует ее.

Политическая идентичность конституируется на коллективном уровне и задает ориентиры индивидуального и группового политического поведения. Политическая идентичность индивида формируется в процессе освоения сферы политических идей и интересов и утверждается путем соотнесения себя с референтным

коллективным участником политического процесса и самоопределения относительно идейных позиций и интересов других носителей политической идентичности. Понятие политической идентичности вбирает характеристики ценностей и мотиваций участников. Предполагается та или иная степень вовлеченности индивида в политический процесс как путем активных действий, так и посредством рефлексии о политике и политическом и выбора тех или иных идей и взглядов, самопозиционирования в политическом поле (я – консерватор, либерал, социал-демократ, анархист и т. п., либо я не разделяю никаких известных политических установок, что тоже является политическим выбором).

Понятие политической идентичности впервые появилось в работах американских авторов (Пай, Нортон и др.) еще в 1960-е гг., но до сих пор оно используется ограниченно. Это связано с многозначностью самого термина, неопределенно широким его применением в социальных науках. Наиболее распространенное в общественной дискуссии и публичной политике толкование приравнивает политическую идентичность к идентичности национальной, предваряя само понятие относительными прилагательными (например, французская политическая идентичность, баскская политическая идентичность). Это понимание распространяется и на характеристику макрополитической идентичности сообществ, которые в политическом дискурсе выделяются по стержневому признаку, имеющему политическую проекцию. Например, религиозных сообществ (исламская политическая идентичность) или политико-институциональных (европейская политическая идентичность, имея в виду идентичность граждан стран ЕС). Идеино-политические позиции и партийная принадлежность вовлеченного в политический процесс индивида могут описываться в категориях политической (само)идентификации².

Как категорию политического анализа политическую идентичность можно рассматривать в узком и в широком измерениях. Первое предполагает *соотнесенность граждан с политическими институтами и их вовлеченность в политико-институциональное*

² См.: Попова О. В. Политическая идентификация в условиях трансформации общества. СПб.: Изд. СПбГУ, 2002.

взаимодействие в рамках государственно-политической общности, т. е. характеризует политическое, в том числе электоральное, поведение и объясняет его мотивации. В этом случае выделение политической идентичности дает основания рассматривать ее носителей как участников политического процесса и, соответственно, говорить о наличии разных политических (идейно-политических и партийно-политических) идентичностей (во множественном числе).

Широкое измерение политической идентичности включает проекции национально-цивилизационных, этнонациональных, расовых, религиозных и конфессиональных, территориальных, поколенческих, гендерных, социокультурных и иных составляющих социальной идентичности в политическую сферу. Политическая идентичность формируется в процессе политизации этих идентичностей, вовлечения их носителей в отношения, связанные с реализацией политических интересов. По сути, любая коллективная идентичность, будучи социальной по природе, может быть наделена политическим качеством. Вместе с тем политический потенциал у разных идентичностей, очевидно, далеко не одинаков, его определяет фокусирование на значимых для политико-управленческой сферы вопросах. Например, на выборах или на приоритетах гражданского активизма.

Как категория политической практики политическая идентичность утверждается в процессе соотнесения представлений индивида о приоритетах общественного развития и своих интересах в публичной сфере с идейными ориентациями и целями акторов – носителей коллективных (групповых) идентичностей – партий и политических элит, социальных движений и гражданских организаций, групп интересов. Эти акторы наделяют политической идентичностью воображаемые сообщества (нации, классы, этнические группы), продвигая от их имени политические интересы. Для продвижения таких интересов используются средства символической политики, которая вырабатывает разделяемые членами группы символы, мифы и ритуалы и выстраивает вокруг них пространство политической коммуникации. Характер вовлеченности государства в такие взаимодействия составляет одну из базовых характеристик политического режима.

На основании самосоотнесения с политически значимым актором (и в противостоянии значимым «Другим») происходит трансформация индивидуальных идейно-политических предпочтений в политическую идентичность, которую олицетворяют референтная группа и ее лидер. Одна из ее опор – членство в политической партии, но партийная самоидентификация не является основным конституирующим и тем более обязательным ее признаком. Участие в массовом волонтерском движении может быть проявлением гражданской патриотической позиции – свидетельством наличия сформировавшейся политической идентичности, как показала организация масштабной помощи российским воинам – участникам специальной военной операции.

Таким образом, политическая идентичность индивида опирается на:

- ценностный выбор в поддержку общественно значимых целей и потребность его реализации в политическом участии;
- самоидентификацию с конкретными субъектами политического процесса и их идейными позициями и размежевание («различение») с носителями иных политических идентичностей;
- эмоциональную вовлеченность в сферу политики;
- соотнесенность с политическими институтами, выражаемую в категориях доверия/недоверия;
- самоопределение в идейно-политических категориях.

В рамках современной политики политическая идентичность структурируется демократическими политическими институтами на основе политического участия и обретает качества гражданской идентичности – основания политического самоопределения индивида. В традиционных обществах политические идентичности могут замещаться клановыми, кастовыми, племенными и подобными формами групповой квазиполитической самоидентификации. В процессе модернизации происходит политизация таких групповых идентичностей, их трансформация в политические идентичности.

Приоритетной проблемой общественного развития оказывается нахождение соответствующего каждому конкретно-историческому периоду баланса между самоорганизацией и регулированием, между инновацией и традицией, между социальностью

и индивидуальностью – состояния, поддержание которого требует постоянных, активных и целенаправленных усилий со стороны всех вовлеченных в политическое взаимодействие субъектов. Идентичность современного «человека политического», вовлеченного в такие взаимодействия, отличает стремление к освоению нового социального опыта, к утверждению гражданской идентичности в солидарном обществе на основе мотивированного и конструктивного, ориентированного на развитие идейно-политического образа.

1.3. Национальная идентичность

Понятие *национальной идентичности* используется в публичном и научном дискурсах для обозначения *коллективной идентичности государственного сообщества, которое отождествляется со страной, и характеризует самосознание его граждан как членов такого сообщества*. Если понятие идентичности используется в публичной политике «по умолчанию», без прилагательных, то обычно речь идет именно о национальной идентичности как осознании принадлежности гражданина к большому политическому сообществу, которое имеет характеристики, отличающие его от других подобных сообществ, и которые его члены разделяют.

Национальная идентичность опирается в том числе на эмоциональное переживание человеком своей сопричастности нации как значимому для самоидентификации сообществу и на воплощение такого переживания в повседневных социальных практиках. В обыденном сознании объектом самоидентификации может быть страна или иная очерченная реальной или воображаемой границей территория, с которой связывается судьба нации как социальной общности. Поэтому в качестве синонима иногда используется также понятие национально-государственной идентичности, в частности, в том случае, если подчеркивается важность идентификации граждан именно с сообществом, отождествляющих себя с государством как политическим институтом.

Национальная идентичность имеет, таким образом, коллективную проекцию, характеризующую разделяемые членами сообщества представления о себе как о нации и их воплощение в политическом и культурном дискурсе, и индивидуальную проекцию

(«Я-идентичность», определяющая принадлежность человека к сообществу). Это многозначный концепт, в котором пересекаются политическая, гражданская, территориальная, этническая, языковая составляющие идентичности.

Содержательные характеристики национальной идентичности конкретного сообщества определяются как качеством политических институтов и характером политической культуры сообщества, так и сложившимся в нем пониманием нации и «национального». Формирование национальной идентичности – исторический процесс, связанный со становлением национальной государственности и национального самосознания как консолидирующего национальное сообщество основания. Ее несущая конструкция – идея нации, которая может принимать разные воплощения в индивидуальном сознании, но всегда обозначает значимый для человека «Мы-образ».

Национальная идентичность маркирует принадлежность человека к нации как воображаемому политическому сообществу: «Члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев по нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности»³. Но такое сообщество осознается как реально существующее: в современной политике оно «по умолчанию» опирается на территорию в определенных границах, на разделяемые культурные нормы, политико-правовую общность и общие политические институты, на равенство граждан перед законом и гражданскую культуру. Сама нация воплощает такую общность, «национальное сообщество», которая имеет в представлениях членов этого сообщества общие характерные отличительные черты. Она стремится к «идеалам автономии и единства» и рассматривается как «общественное благо», как «состояние, которое нужно поддерживать, сохранять и передавать»⁴. Эти характеристики в общественном сознании составляют родовые черты нации, пусть и не всегда осознаваемые членами национального сообщества.

³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. С. 31.

⁴ Smith A. D. National Identity and Vernacular Mobilization in Europe // Nations and Nationalism. 2011. Vol. 17. № 2. P. 231.

В системе самоидентификации гражданина нация, страна, государство и гражданство выстраиваются как рядоположенные, но не тождественные категории. Соответственно, национальная идентичность (*national identity*) и национальность (*nationality*) как принадлежность к нации (в том числе не имеющей собственной государственности) могут не совпадать с государственно-гражданским правовым статусом (гражданством – англ. *citizenship*).

«Нации без государств» демонстрируют высокий уровень самоидентификации, основанной на противостоянии государству, в границах которого они существуют, как носителю чуждой, инонациональной идентичности. Стремление к созданию собственной государственности, закрепляющей статус суверенной нации, стимулирует рост политического сепаратизма (пример – курды). В государствах, где региональные образования представляют интересы автохтонных народов и наделены в той или иной форме политической субъектностью (Шотландия, Страна Басков), все более широкое распространение получает двойная национальная идентичность, не исключающая, впрочем, сугубой приверженности части граждан только «своей» этнонации. Борьба за право на политическую субъектность принимает форму «борьбы за идентичность» (движение за суверенизацию канадского Квебека, за воссоединение Северной Ирландии с Ирландской республикой и др.), вплоть до этнополитического конфликта.

В современном российском научном дискурсе утвердились понятия *государственно-гражданской* или *национально-гражданской идентичности*. Эти понятия включают «не только лояльность государству, но и отождествление себя с гражданами страны, представления об этом сообществе, ответственность за судьбу страны и переживаемые людьми в связи с этим чувства (гордость, обида, разочарование, пессимизм или энтузиазм)»⁵.

Перспективы национального самоопределения России определяет осмысление национальной идентичности в историческом

⁵ Дробижewa Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости. Россия Реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 218; Российская идентичность в Москве и регионах / отв. ред. Л. М. Дробижewa. М.: Институт социологии РАН; МАКС Пресс, 2009.

контексте развития российской государственности. Национальная идентичность в своей основе имеет духовные, культурные основания, формирующие национальный характер и национальную картину мира. В массовом сознании национальная идентичность не только и не столько рефлексруется, сколько представляется в доступных и способных вызывать общие переживания формах праздников и памятных дат, в памятниках, в визуальной культуре и других возможностях символической репрезентации идентичности в публичном пространстве. В современном научном дискурсе широкое хождение имеет понятие «банального» (или повседневного) национализма, введенное британским исследователем Майклом Биллигом⁶ для объяснения важности для индивида самоидентификации с национальным сообществом и для понимания значимости эмоциональной составляющей в формировании таких идентификационных ориентиров.

В странах разных историко-политических традиций «удельный вес» самосоотнесенности с государством в трактовке национальной идентичности в публичном дискурсе и ее усвоении индивидом (интериоризации) заметно различается. Смысловое наполнение понятия тесно связано с особенностями политической культуры страны, определяющими роль государства и образ власти в массовом сознании, а также паттерны политического поведения граждан. Как эмоциональное переживание своей принадлежности к национальному политическому сообществу национальная идентичность опирается на положительное восприятие исторического опыта и перспектив развития страны. Изучение опыта ее конструирования на примере разных стран доказывает особую роль в этом процессе практик формирования общего исторического дискурса о нации. В рамках конструктивистского подхода утвердилась роль политики памяти как важнейшей составляющей политики идентичности, формирующей национальную идентичность. Ключевую роль играют здесь общие культурные практики, в первую очередь, язык – видимый признак со-общественности, поддерживающий общее культурное и политическое пространство.

⁶ Billig M. Banal Nationalism. London: Sage, 1995.

Вопросы для обсуждения:

1. Чем объясняется терминологическая многозначность в определении идентичности?
2. В чем разница между национальной и политической идентичностью?
3. Какие основания идентичности могут способствовать развитию, какие – поддерживать социальную разобщенность?

Литература

1. Борьба за идентичность и новые институты коммуникации / под ред. П. В. Панова, К. А. Сулимова, Л. А. Фадеевой. М.: РОССПЭН, 2012.
2. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семененко. ИМЭМО РАН. М.: Весь Мир, 2017. – 992 с.
3. Капицын В. С. Теория и политика идентичности. М., 2018.
4. Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / отв. ред. И. С. Семененко. Редколлегия тома: И. С. Семененко, В. В. Лапкин, Л. А. Фадеева. М.: РОССПЭН, 2011. – 208 с.
5. Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения / отв. ред. И. С. Семененко. Редколлегия тома: И. С. Семененко, В. В. Лапкин, Л. А. Фадеева. М.: РОССПЭН, 2012. – 471 с.
6. Попова О. В. Политическая идентификация в условиях трансформации общества. СПбГУ, 2002.
7. Фадеева Л. А. Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность. М.: Новый хронограф, 2012.
8. Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия = Identity: The demand for dignity and the politics of resentment. М.: Альпина Пабlisher, 2019. – 256 с.

Глава 2.

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ: ПОНЯТИЕ, СУБЪЕКТЫ, НАПРАВЛЕНИЯ

2.1. Как определяется политика идентичности

В современной политической науке утверждается широкое толкование политики идентичности, опирающееся на анализ субъектов и практик, которые формируют идентичности политических сообществ. Оно связывается с деятельностью государства и его институтов по поддержанию общих ценностных оснований принадлежности к политическому сообществу и общих ориентиров его развития, общих представлений о «нас» как нации, стране, государстве, регионе, территории. *Под политической идентичностью в этом контексте понимается деятельность вовлеченных в политический процесс субъектов по формированию и поддержанию национальной (национально-государственной), гражданской и иных форм идентичности больших сообществ.* Такая идентичность оказывается объектом целенаправленного воздействия и взаимодействия государства и групп интересов на путях формирования общих ценностей и ориентиров развития политического (национального, территориального) сообщества и групповых солидарностей внутри этого сообщества, поддержания чувства личной принадлежности к нему.

В зарубежном научном и политическом дискурсе политика идентичности традиционно ассоциируется с борьбой за признание социально ущемленных групп интересов, отстаивающих «право на идентичность». Сам термин «политика идентичности» (*identity politics*) утвердился в англоязычной научной литературе в рамках конструктивистской парадигмы анализа социально-политических изменений (в русле подходов, разработанных французским социологом Пьером Бурдьё). Его вызвал к жизни в 1960-е гг. подъем движений за права дискриминируемых социальных групп: в результате общественные науки «повернулись лицом» к осмыслению значения целенаправленного формирования идентичности как направления публичной политики, а «борьбы за идентичность» – как важного условия обеспечения электоральной

поддержки. На такой поддержке выстраивают сегодня свои программы популистские партии и движения. Монополизация такими силами повестки дня политики идентичности оборачивается рисками дестабилизации политических систем ввиду продвижения интересов одних групп в ущерб другим, меньшинств – в ущерб большинству.

Понятие «**политики идентичности**» стало широко использоваться в англоязычной литературе для описания отстаивания ущемленными в социальном статусе меньшинствами и группами (расовыми, этническими, конфессиональными, гендерными и др.) права на общественное признание и легитимность именно в качестве носителей определенной идентичности, значимой для их консолидации как участников политического процесса. Субъектами политики идентичности в этом понимании выступают группы интересов, объединяющиеся на аскриптивных (т. е. предписанных ввиду происхождения и воспринимаемых их носителями как таковые, например расовых, этнических, языковых) и (или) идейных, мировоззренческих основаниях. Их члены отстаивают свою «особую» идентичность перед лицом общества и государства и в процессе самоорганизации консолидируются в протестные сообщества на основе утверждения культурных различий с «большинством». Политика идентичности стала механизмом самоорганизации новых субъектов политики в рамках их борьбы за политико-правовое признание права на инаковость. Она нацелена не только на общественное признание «особости» той или иной группы в контексте культурного (в широком смысле) разнообразия, но и на ее закрепление средствами государственной политики, в том числе путем законодательного регулирования.

Государство – ключевой актор политики идентичности в этом поле: оно использует институты социализации (систему образования, воинскую службу) и инструменты публичной политики для легитимации властных институтов и для организации взаимодействия социальных субъектов вокруг определенной повестки дня, для вовлечения граждан в такие взаимодействия. Как сфера публичной политики, реализуемой от имени государства, политика идентичности включает такие направления, как:

- символическая политика;

- политика памяти;
- политика языка;
- образовательная политика, вбирающая элементы этих трех направлений.

В этом арсенале важное место принадлежит школьному учебнику истории, художественным произведениям, создающим образы национальных героев и память о героических событиях в истории страны и на их основе – общее историческое сознание политической нации. Неотъемлемая часть дискурса идентичности – политика в сфере культуры, поддержание общего культурного пространства с помощью национальных культурных нарративов (в таком контексте пропагандируется, например, творчество А. С. Пушкина в России, В. Шекспира в Великобритании, М. Сервантеса в Испании). Особое место в этом арсенале занимают персонифицированные культурные символы, на основе которых выстраивается региональная (территориальная) идентичность, а также брендинг территорий. Конструирование таких брендов – узнаваемых символов города или региона – призвано создавать и поддерживать привлекательный образ территории, но далеко не всегда бренды-«новоделы» работают на формирование общего политического пространства. Что касается политического бренда (например, конкретного политика или движения), то его положительное восприятие опирается сугубо на узнаваемые образы. Таким брендом в принципе «может стать любое политическое явление, институт, субъект и даже деятельность, имеющая ценностную значимость для индивида на уровне самоидентификации».

В политике идентичности упор может делаться на поддержание различий или же, напротив, на укрепление групповых и надгрупповых солидарностей. В определенном смысле можно говорить о политике идентичности одновременно и как о политической борьбе (за признание статуса групп, меньшинств, сообществ, т. е. *politics*), и как о конкретных политических практиках, политическом курсе (т. е. *policies*). Но всегда в центре такой политики – целеориентированная деятельность по формированию идентичности (своего сообщества или того, кто является объектом соответствующей политики) и продвижению отражающих разные

идентичности ценностей, интересов и приоритетов в политическую повестку дня.

Отличительная черта политики идентичности в современном демократическом обществе – ее многосубъектность. В поле такой политики на национальном уровне вовлечены представители политической элиты («политического класса») и «публичные интеллектуалы», формирующие дискурс национальной идентичности. Их ряды пополняют работающие в поле социогуманитарного знания исследователи, представители экспертных структур, авторитетные журналисты и известные в личном качестве в национальном масштабе и в мире авторы научных и околонуточных трудов, посвященных проблемам общественного развития. Площадкой политики идентичности становятся сетевое информационное пространство и социальные сети.

Свой вклад в повестку дня политики идентичности вносят религиозные организации (как социально ориентированные, так и фундаменталистского толка), работающие на поле формирования мировоззрения и идентичности, и их светские «контрагенты» – группы гражданского общества, конструирующие альтернативные модели самоидентификации и политического поведения (не только прогрессистской ориентации, но и праворадикального толка). В информационном обществе политика идентичности выходит за национальные границы, формируя в медийном пространстве транснациональные идентичности и новые групповые солидарности. К такой политике подключаются и представители бизнес-сообщества, выступающие на поле продвижения положительного образа страны и национальных брендов.

В трансформирующихся обществах политика идентичности во многом подменяет национальную идеологию, компенсируя идiosинкразию в отношении жестких идеологических моделей. Но упор при этом делается на конструирование национально-государственной идентичности на цивилизационных основаниях, на формирование ее национально-цивилизационной опоры. Эффективность политики идентичности во многом предопределяет сегодня экономический успех, фактор динамичного социального развития. В таком качестве *политика идентичности становится нематериальным ресурсом развития*. Так, сравнительные эмпирические

исследования развития «успешных» и «неуспешных» сельских территорий в Краснодарском крае РФ выявили потенциал такой политики как фактора социальной консолидации сообщества и формирования позитивной идентичности.

Ресурсы идентичности могут обернуться и серьезными рисками для национально-государственного сообщества и для его граждан: в отсутствие объединяющего начала в ходе «борьбы за идентичность» и ее политизации усиливаются фрагментация и отчужденность носителей разных ценностей, культурных норм и стилей жизни, распадается привычная социальная ткань современных обществ. В условиях глобального геополитического противостояния вызовом социально-политического развития современного мира становится качество универсалистских оснований политической идентичности и содержание повестки дня политики идентичности, степень ее ориентации на саморазвитие личности и на нравственно-этические нормы, поддерживающие социальную солидарность во всех сферах общественной жизни.

Неоднозначной оказывается сегодня оценка возможностей политики идентичности в сфере этнонациональных отношений. Преференциальная политика и «позитивная дискриминация» (*affirmative action*) противоречат, как считают одни влиятельные теоретики, самим принципам демократии: чем больше предпринимается усилий по поддержанию различий, тем больше такие действия стимулируют углубление различий. Если публичная сфера не остается нейтральной по отношению к культурным различиям независимо от их природы, то поддержка одних может обернуться ущербом для других на индивидуальном уровне. Однако на практике позитивная дискриминация в отношении представителей разных групп меньшинств может вести к углублению социальных и культурных размежеваний, закреплять состояние «разделенных обществ». А агрессивно внедряемые принципы политкорректности зачастую привносят элементы абсурда в социальные взаимодействия и могут работать на утверждение «диктатуры меньшинств».

Другие влиятельные публичные интеллектуалы видят в политике признания и поддержания различий действенный механизм обеспечения равных возможностей и социальной справедливости. При этом политика различий должна быть ориентирована на нужды

конкретных групп, на вовлеченность носителей разных культур в общую культурную среду и не восприниматься как абстрактный принцип либеральной демократии. На это делают упор сторонники модели «активного гражданства». Лицом к активной политике идентичности как инструменту консолидации гражданской нации поворачиваются управленческие практики на местном уровне: упор здесь делается на общих для национальной повестки дня и развитии местных сообществ проблемах. «Активное гражданство» предполагает вовлеченность в практики гражданского взаимодействия – волонтерские инициативы, благотворительную деятельность, переработку отходов и другие формы сокращения собственного «экологического следа». Если же блокируется развитие диалоговой культуры, то результатом неизбежно становится социальное отчуждение.

В долгосрочной перспективе встает вопрос о поддержании в обществе мотивации к развитию и обеспечению институциональных возможностей свободного личного выбора. На этом пути открываются горизонты *ответственного развития* на основе наращивания возобновляемых, интеллектуальных источников социальных инноваций и нематериальных стимулов жизнедеятельности. Ключевые детерминанты такого развития – способность нравственного суждения человека о своем месте в мире, утверждение ценностей социальной солидарности и позитивной, ориентированной на развитие личностной идентичности. Растущее культурное разнообразие ставит вопрос о приоритетах и мотивации развития в повестку дня политики идентичности всех вовлеченных в ее реализацию субъектов.

Вопросы для обсуждения:

1. Какие процессы обусловили появление понятия «политика идентичности»?
2. Что дало данное понятие для развития социально-гуманитарных исследований?
3. Как повлияла политика идентичности на признание прав меньшинств?
4. Почему появились новые интерпретации политики идентичности?

2.2. Кто определяет политику идентичности

В процесс формирования политически значимых идентичностей вовлечены субъекты, отстаивающие и продвигающие в публичном пространстве разные представления о политике, разные ценностные ориентиры и политические притязания. Очевидный факт, что *ключевым актором выступает государство*, которое в проведении политики идентичности использует символическую политику, языковую политику и политику памяти. Исследователи отмечают существенную роль в символической политике и политике памяти институтов, работающих в сфере культуры и образования, прежде всего, школы и учебников истории. Государственные акторы оказывают влияние на образовательную политику, включая содержательные характеристики и оценки в учебной литературе исторических деятелей, событий и процессов. Политические лидеры так активно стали использовать обращение к идентичности и к ее ценностным основаниям, что понятие «политика идентичности» распространилось в публичном дискурсе раньше, чем в научном.

К субъектам формирования политической идентичности относятся *политические партии*, функции которых выражаются в артикуляции интересов, выработке идейных ориентиров и определении политической повестки дня. Претензии политических партий на субъектную роль в политике идентичности зависят от типа политической системы, практики партийного строительства и политической конъюнктуры. Феномен «всеядных» партий (*catch-all parties*) имеет в качестве одной из причин стремление создать широкую социальную базу за счет как можно более неопределенной идейно-политической ориентации. В то же время политическая конъюнктура может диктовать четкие представления и ориентиры, в особенности, если они направлены на определяемого Другого и позволяют отождествлять партийную идентичность с государственным курсом.

Влияние на процесс формирования политической идентичности оказывают *общественные организации*, это относится в значительной мере к политике памяти: там, где публичная или коллективная память выстраивается совместно государством

и общественными организациями, она имеет более широкую базу и общественную поддержку¹. Структуры гражданского общества могут выступать в качестве инициаторов значимых тем и сюжетов публичного обсуждения, повестки дня, способствовать укреплению или оспариванию ориентиров политической идентичности. Зачастую их роль в политической идентификации становится предметом серьезных дискуссий: так, в России острые дискуссии по поводу приоритетов правозащитного движения повлекли за собой изменения в самоидентификации самих правозащитников, которые стали называться гражданскими активистами. Косвенным показателем того, насколько значимыми считают характер и приоритеты их деятельности государственные акторы в современной России, стало введение понятия «иностранный агент» и составление соответствующего реестра иноагентов.

Политические элиты выступают в качестве безусловного ключевого субъекта политики идентичности; другое дело, что элитные группы гетерогенны и позиции разных групп отличаются в том, что касается вовлеченности в конструирование политической идентичности. Влияние бизнес-элит может быть опосредованным, например через распространение концепта и продвижение практик корпоративной социальной ответственности (*corporate social responsibility, CSR*) и корпоративного гражданства (*corporate citizenship, CC*), принципов экологического, социального и корпоративного управления (*Environmental, Social, and Corporate Governance, ESG*). Образ «ответственного бизнеса» поддерживает существующую модель развития. Идентичность может стимулировать развитие отдельных отраслей бизнеса, ориентированных на удовлетворение потребительских запросов отдельных групп, например этнического бизнеса.

Особая роль в «боях за прошлое» и «борьбе за идентичность» принадлежит *публичным интеллектуалам и интеллектуальным сообществам*. Понятие «публичный интеллектуал» появилось во второй половине XX в. с изменением пространства коммуникаций и возросшей в связи с этим потребностью в личностях,

¹ Идеино-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы. М.: РОССПЭН, 2011.

способных вести публичную дискуссию, адресовать свои размышления широкой публике, предлагая социально и политически значимую повестку дня. Еще более важна способность этих неординарных личностей формировать интеллектуальные сообщества, которые претендуют на субъектные позиции в политике идентичности. Правда, именно в этой среде состязательность вариантов и интерпретаций политики идентичности достигает высокой степени, нередко приводящей к накалу страстей и острому противоборству.

Политический характер могут приобретать идентичности, формируемые этническими и конфессиональными сообществами. В современном мире эти сообщества обретают особое значение, что объясняется как множественным характером идентичности, так и противоречивостью глобализационных процессов. Конфессиональная идентичность выдвигается в ряд фундаментальных оснований политической идентичности разных стран и может использоваться в качестве важного ресурса политики идентичности, проводимой их лидерами.

Следствием трансформаций в структуре миропорядка в немалой степени является и все более активная роль региональных элит в конструировании идентичности. Политика идентичности как целенаправленный курс используется региональными элитами как в партийной деятельности, так и в разных формах активности, ориентированной на широкую аудиторию. Особое место она занимает в этнорегиональных автономиях, где региональная (как измерение территориальной) и этническая (маркирующая принадлежность к группе общего происхождения и культурной традиции) идентичности переплетаются и приобретают политизированный характер.

Новым феноменом являются сетевые сообщества, которые привлекают все больший интерес исследователей. Насколько они политически ориентированы, в какой мере совпадают сетевая идентичность и политическая идентификация, кто и как формирует политические идентичности в интернете – эти вопросы носят как исследовательский, так и политически релевантный характер. Цифровая среда меняет характер политических коммуникаций, создает новые каналы и пространства, но в то же время не просто

отражает противоречивость реальных взаимодействий, но может многократно ее усиливать.

Принципиальное значение имеет то, как складывается взаимодействие акторов в публичном пространстве, обладают ли они способностью учитывать существующее многообразие идентичностей, выстроить диалог друг с другом, скорректировать свои позиции под влиянием других, является ли их конкуренция публичной и корректной либо она приобретает характер борьбы, переходящей в схватку.

«Процесс признания и преодоления прошлого определяется в первую очередь политическими интересами и интересами политических акторов; все государства предпочитают патристическую версию истории; недостаточно демократических свобод, нужны энергичные негосударственные субъекты, чтобы поднять проблему»². Представляется, что эти рассуждения в целом применимы в качестве методологического принципа анализа субъектов конструирования политической идентичности: институциональные рамки важны, но сами по себе они не создают импульсов осмысления или переосмысления идентичности; всегда и везде важна субъектная роль, на которую могут претендовать, помимо государства, сообщества, группы интересов, объединенные общей политической мотивацией, общественные организации, группы, отдельные личности, в первую очередь лидеры мнений.

Существенно и то обстоятельство, что в современном мире государству в лице его лидеров приходится вступать в конкуренцию с другими субъектами политики идентичности в формулировании ответа на вопрос «Кто мы?». Любая определенность может породить претензии со стороны тех, кто не согласен или не готов присоединиться к общности на предложенных условиях. Неслучайно в выступлениях глав государств и государственных деятелей при частоте использования местоимения «мы» его дефиниция встречается довольно редко и в особых условиях. Как правило, «мы» используется для определения дол-

² Маколи М. Историческая память и общество сограждан. *Pro et Contra*. 2011, январь – апрель.

женствования: «мы должны», «нам необходимо», «мы будем», «мы сделаем». Можно искать в этом политический умысел (политическую мотивацию), однако нужно учитывать и психологический компонент: чем определеннее сформулировано «мы», тем шире становится категория «они», и наоборот. В определении политики идентичности могут иметь значение сравнение, метафора, любой символический элемент, поскольку от символической политики до политических практик расстояние бывает очень коротким. Выбор понятий отражает избранный политиком (политическим классом) вариант практик, политический курс. Успех политики идентичности, ее эффективность во многом зависят от общественного доверия выбранному курсу.

Вопросы для обсуждения:

- 1. Как конструируют политическую идентичность государственные акторы? (Цели, методы, инструменты, каналы, результаты.)*
- 2. Каким образом негосударственные акторы могут включиться в конструирование политической идентичности? (Цели, методы, инструменты, каналы, результаты.)*
- 3. На каких уровнях может реализовываться политика идентичности?*
- 4. Назовите основные направления политики идентичности. Чем может определяться приоритетность того или иного направления политики идентичности для конкретных сообществ?*

Контрольное мероприятие

Ролевая игра в виде дискуссии на тему «На каких полях негосударственные акторы могут взаимодействовать с государственными в формировании политики национально-государственной идентичности?»

Обсуждение может быть проведено в форме публичной экспертной дискуссии, где представлены две группы экспертов, ведущий, публика, в которой есть журналисты, представители партий, НКО и т. п.

Результаты могут быть подведены в виде голосования публики по вопросу о том, позиция каких экспертов кажется им более убедительной.

Возможна подготовка совместной декларации и рекомендаций экспертов.

Литература

1. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семененко / ИМЭМО РАН. М.: Весь Мир, 2017. – 992 с.
2. Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / отв. ред. И. С. Семененко. Редколлегия тома: И. С. Семененко, В. В. Лапкин, Л. А. Фадеева. М.: РОССПЭН, 2011. – 208 с.
3. Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения / отв. ред. И. С. Семененко. Редколлегия тома: И. С. Семененко, В. В. Лапкин, Л. А. Фадеева. М.: РОССПЭН, 2012. – 471 с.
4. Попова О. В. Политическая идентификация в условиях трансформации общества. СПбГУ, 2002.
5. Фадеева Л. А. Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность. М.: Новый хронограф, 2012.

2.3. Что значит патриотизм для политики идентичности

Концепт патриотизма в теории идентичности

Обретение политической идентичности социальными общностями или политическими группами является главной предпосылкой любых форм политической активности и политической поддержки, направленных на достижение ими своих целей. Патриотизм в системе категорий, отражающих эту деятельностьную сторону идентичностей, занимает особое место.

Если провести аналогию с различием К. Мангеймом идеологий в контексте социологии знания на «частные» и «всеобщую»³, то и в политических идентичностях также можно выделить, во-первых, «частные», т. е. те, которые в политическом пространстве, объединяя одни группы, противопоставляют их другим. Например, разделяя людей в зависимости от политических, партийных предпочтений (партийная, политическая идентичность, реализуемая в политической поддержке) или от этнической принадлежности (этническая идентичность, реализуемая в националистической деятельности). Во-вторых, можно выделить общенациональную идентичность, возникающую в процессе

³ См.: Мангейм К. Избранное. Очерки социологии знания: Теория познания – мировоззрение – историзм. М.: ИНИОН, 1998.

идентификации граждан страны с данным государством. Патриотизм и является формой политического сознания и поведения, выражающей эту «всеобщую» общенациональную идентичность в виде ценностной установки на гражданское должностничество по отношению к государству, политические институты которого, в свою очередь, выражают его интересы.

Патриотизм тесно связан с понятием «любовь к Родине». Любовь к Родине – это высокого уровня нравственное чувство и психоэмоциональное состояние, глубоко укореняющее патриотизм в морали. Однако, если любовь к Родине носит примордиальный и универсальный характер, то патриотизм – это явление сугубо политического мира, и его концепт описывает, в первую очередь, отношения между гражданами и государством. Как справедливо отмечала Е. Б. Шестопа, при конструировании ценностей патриотизма важно помнить, что неполитические ценности – семьи, Родины, веры, традиций и другие – не должны подменять собой его политическое содержание⁴.

Поэтому патриотизм, в отличие от любви к Родине, не носит безусловный характер. Он выступает зависимой переменной, определяемой фактором доверия к власти (к государству), признания легитимности, уверенности в том, что деятельность государства соответствует интересам гражданина и общества.

Патриотизм как категория отечественной политической науки

В политической науке интерес к концепту патриотизма также возрастает с 2000-х гг. В работах этого периода патриотизм трактуется главным образом как важнейший инструмент воспитания подрастающего поколения.

Новый импульс исследованию предпосылок и форм патриотического сознания и поведения получило в связи с разработкой концепции национально-государственной идентичности. Идею разработки такой концепции защищал известный российский ученый В. А. Тишков, всегда отстаивавший точку зрения о российском народе как реально существующей гражданской

⁴ Шестопа Е. Б. Ценностные характеристики российского политического процесса и стратегия развития страны // Полис. Политические исследования. 2014. № 2. С. 61.

нации⁵. Однако политический консерватизм некоторых региональных элит, как подчеркивала Л. М. Дробижева, оказался серьезным препятствием развития такой трактовки⁶.

Определенный перелом произошел в начале 2010-х гг., когда в отечественной политической науке, в частности, в работах О. Ю. Малиновой, был сформирован концепт макрополитической идентичности, под которой понималась такая идентичность, которая, в первую очередь, выступает узами, скрепляющими граждан государства в общегосударственную, наднациональную общность⁷.

«Национально-государственная идентичность – это устойчивая взаимосвязь человека с национальной общностью (как этнически однородной, так и неоднородной), репрезентацией которой выступает образ “мы” как воображаемого сообщества, поддерживаемая посредством института государства и политико-культурной традиции государственности»⁸, – писал В. В. Титов.

Выступая неизменным атрибутом национально-государственной идентичности, патриотизм рассматривается в качестве ее деятельностной стороны, направленной на формирование и защиту общности граждан в рамках общенационального государства, укрепления национальной безопасности.

Помимо формирования и отстаивания общенациональной идентичности, идеи патриотизма играют существенную роль и во внутриполитических процессах, в частности, выступая важным механизмом консолидации общества. Обращение к патриотизму как основе укрепления общегражданской идентичности стимулирует поиски путей сглаживания социальных размежеваний в обществе, межнациональных конфликтов и противостояний⁹.

⁵ Тишков В. А. Что есть Россия и Российский народ? // Pro et Contra. 2007. Т. 11. № 3. С. 28.

⁶ Дробижева Л. М. Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 100–115.

⁷ Малинова О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. 2010. № 2. С. 91.

⁸ Титов В. В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М.: Типография «Ваш формат», 2017. С. 20.

⁹ Бардин А. Л. Патриотизм // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. чл.-корр. РАН И. С. Семененко. М.: Весь Мир, 2017. С. 605.

Патриотизм в политике идентичности постсоветской России

Трактовка концепта патриотизма, представленная Президентом Б. Н. Ельциным в феврале 1996 г. в ежегодном послании Федеральному Собранию РФ¹⁰, формировала идеологический тренд на модель «проработки трудного прошлого / коллективной травмы»¹¹. Однако, несмотря на масштабную кампанию по очернению всего советского, проводимую в 1990-х гг., память о достижениях недавнего прошлого на фоне развала народного хозяйства, несправедливой приватизации и обнищания широких масс населения объясняла электоральные успехи коммунистов. В первом туре выборов Президента РФ лидер КПРФ Г. А. Зюганов набрал 32,03% голосов (24,2 миллиона избирателей), а действующий Президент страны Б. Н. Ельцин – 35,28% голосов (26,6 миллиона избирателей).

Коннотации «травмы» и «покаяния» как элементов исторического сознания гражданами по большей мере отвергались. Тем самым концепт патриотизма вместо того, чтобы стать средством консолидации общества, превращался в еще одну линию идеологического размежевания.

В этих условиях российские ученые и интеллектуалы в конце 1990-х гг. начинают поиск альтернативной, нелиберальной концепции гражданской идентичности и патриотизма, получившей название «дискуссии о национальной идее».

Важны оказались не столько теоретические итоги дискуссии, сколько артикуляция общественного запроса на новые мировоззренческие смыслы.

Однако решающую роль в возвращении к «государственной» трактовке патриотизма, делающей упор на долженствовании гражданина перед государством, сыграло понимание новой российской элитой того, что, несмотря на процессы глобализации, сохранение национального суверенитета, – это необходимое условие защиты

¹⁰ Послание Президента Федеральному собранию от 23 февраля 1996 года // КонсультантПлюс: справочная правовая система. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/-/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=212270#09001948566625082> (дата обращения: 25.01.2023).

¹¹ Малинова О. Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 139.

как самой страны, так и ее собственных интересов. Тренд отставания национальных интересов, как отражение складывающейся российской идентичности, был озвучен в известной «Мюнхенской речи» В. В. Путина в 2007 г.¹²

Не меньшую роль в обращении к теме патриотизма после периода «смыслоутрат» 1990-х гг. сыграла необходимость формирования ценностных ориентиров для воспитания подрастающего поколения. Президентом В. В. Путиным был прямо сформулирован тезис о взаимосвязи воспитания чувства патриотизма с гражданской идентичностью: «Если мы хотим сохранить свою идентичность в целом, то мы, конечно, должны культивировать здоровое чувство патриотизма. Без этого страна не будет существовать. Она просто изнутри развалится, как кусок сахара, намоченный водой»¹³, – подчеркнул президент. В феврале 2016 г. президент на встрече с активом «Клуба лидеров» вновь отчетливо обозначил, что национальная идея России – это патриотизм: «У нас нет никакой, и не может быть другой объединяющей идеи, кроме патриотизма... Никакой другой идеи мы не придумаем, и придумывать не надо»¹⁴.

Необходимость решения этих задач послужила основой принятия государственных программ патриотического воспитания граждан, первая из которых появилась уже в 2001 г. Основные задачи такого воспитания документ определял в виде формирования «готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины»¹⁵. Практика создания подобных программ была продолжена и в дальнейшем.

¹² Путин В. В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности // Президент России: официальный сайт / Администрация Президента России. 2007. 10 февр. Раздел: События. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 25.01.2023).

¹³ Путин В. В. Встреча со студентами юридических вузов Москвы 2013 г. // Президент России: официальный сайт / Администрация Президента России. 2013. 3 дек. Раздел: События. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/19778> (дата обращения: 25.01.2023).

¹⁴ Встреча с активом Клуба лидеров / В. В. Путин [и др.] // Президент России: официальный сайт. 2016. 3 февр. Раздел: События. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/51263> (дата обращения: 25.01.2023).

¹⁵ О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы». Постановление Правительства РФ. 16 февр. 2001 г. № 122. Режим доступа: http://businesspravo.ru/Docum/DocumShow_-DocumID_25745.html (дата обращения: 25.01.2023).

Общественный запрос на патриотическую идею оказался настолько силен, что возникла идея патриотизма как варианта государственной идеологии.

Однако развивавшийся с 2000-х гг. дискурс патриотической идеи не был результатом индоктринации общественного сознания «сверху». Исследования показывают, что она формировалась именно «снизу» – в выступлениях, текстах общественных и политических деятелей, причем нередко как раз оппозиционно настроенных по отношению к действующей власти¹⁶. Дискурс патриотизма не конструировался «сверху», а возникал «снизу», как идеи, отражающие политическое самосознания народа. Социологические данные подтверждали массовую поддержку этой идеи в общественном сознании¹⁷. Согласно исследованиям Института социологии РАН 2015 г., в массовом сознании выделяются три смысловых измерения патриотизма: охранительное (консолидация на основе защиты России против внешней экспансии, как политической, так и культурной), гражданское (направленное на созидательную деятельность, в том числе во взаимодействии с согражданами), и эмоциональное (основанное на чувстве любви к Родине)¹⁸.

Поддержка гражданами патриотической идеи не только опиралась на традиции героического прошлого, но имела и социально-экономические предпосылки. Социально-экономические изменения, приведшие к улучшению уровня жизни в середине 2000-х гг. на фоне антисоциальных реформ 1990-х гг., были «расшифрованы» обществом как восстановление экономических и символических связей государства и граждан, которые ослабли в конце советского периода и игнорировались либеральными реформаторами. Граждане увидели в поддержке социальной сферы и усилении контроля за бюрократией восстановление государственного должествования перед обществом, что и стало

¹⁶ Мартынов М. Ю., Фадеева Л. А., Габеркорн А. И. Патриотизм как политический дискурс в современной России // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 109–121.

¹⁷ Мартынов М. Ю., Габеркорн А. И. Как нам измерить патриотизм? // Вестник Пермского университета. Политология. 2019. № 4. С. 41–43.

¹⁸ Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. М.: Весь Мир, 2015. С. 228.

объективной предпосылкой формирования патриотического сознания.

Особенности формирования патриотического сознания россиян в современных условиях

Начиная с середины 2010-х гг. Российская Федерация столкнулась с беспрецедентным давлением извне со стороны западных стран. Целью этого давления являлось установление контроля за внутренней и внешней политикой России, а в качестве средства было использовано продвижение военной структуры НАТО к ее границам. В массовом сознании российского общества, в структуре которого важную роль всегда играла историческая память, неизбежно возникли аллюзии с аналогичной агрессией фашистских стран Запада в отношении СССР в годы Второй мировой войны. Ответной реакцией большинства россиян стали рост патриотических настроений, стремление обезопасить себя и свою страну, что выразилось, в частности, и в поддержке специальной военной операции по освобождению Донбасса от власти киевского режима, начавшейся в феврале 2022 г.

Согласно опубликованным ВЦИОМ в апреле 2022 г. результатам мониторингового исследования патриотичности россиян, 92% опрошенных заявили, что считают себя патриотами страны¹⁹. Примечательно, что возросло число приверженцев трактовки патриотизма как необходимости защиты своей страны от любых нападков (44%) и признание правды о своем государстве, какой бы горькой она ни была (29%)²⁰.

Судя по исследованию ФОМ, в июне 2022 г. число россиян, идентифицирующих себя с патриотами, достигло 85%²¹. Примечательно, что это самый высокий показатель, который наблюдался среди граждан нашей страны за последние 16 лет. Для сравнения: в 2006 г. к патриотам себя причисляло 57% наших сограждан, в 2014-м – 75%, в 2018-м – 77% и в 2020-м – 82%.

¹⁹ Патриотизм сегодня: любить, заботиться и защищать. ВЦИОМ. Официальный сайт. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-segodnja-ljubit-zabotitsja-i-zashchishchat>

²⁰ Там же.

²¹ Патриотизм и патриоты. ФОМ. Официальный сайт. Режим доступа: <https://fom.ru/TSennosti/14733>

Концепт патриотизма в течение последнего десятилетия становится системообразующим понятием и в российской символической политике, что нашло отражение в принятых государственных нормативно-правовых актах.

Так, согласно Федеральному закону от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», одним из основных направлений является «воспитание гражданственности, патриотизма, преемственности традиций, уважения к отечественной истории, историческим, национальным и иным традициям народов Российской Федерации»²².

Авторы Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года считают, что «приоритетной задачей Российской Федерации в сфере воспитания детей является развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины»²³. Эти же задачи ставит Федеральный проект «Патриотическое воспитание»²⁴.

Изменения в общественном сознании россиян, актуализация патриотических мировоззренческих установок усилили интерес российских политологов к патриотизму как к объекту символической политики, направленной на формирование гражданской идентичности. Как отмечают отечественные исследователи, «в условиях кризиса однополярной модели глобализации вопросы национальной идентичности, патриотизма, суверенитета страны, места государства в системе современных международных отношений вновь обрели высокую актуальность. Дополнительными

²² Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». Режим доступа: <https://rg.ru/documents/2021/01/11/molodezdok.html>

²³ Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. Режим доступа: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=180402&dst=100018#83WNeVTu6lbiqueND>

²⁴ Министерство просвещения Российской Федерации. Режим доступа: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/>

факторами, сделавшими указанные проблемы востребованными сегодня в нашей стране, являются специальная военная операция России на Украине и реализация Западом так называемой “культуры отмены” в отношении народов Российской Федерации»²⁵.

В центре внимания исследователей феномена патриотизма чаще всего сегодня оказывается его ценностное измерение. Обращаясь к стратегиям символической политики, направленным на формирование ценностных основ патриотического сознания и поведения, многие авторы опираются при этом на эмпирический материал, полученный в ходе социологических исследований в регионах Российской Федерации. Например, в работе, подготовленной коллективом авторов Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, формирование патриотизма в России исследуется именно через призму культурно-исторических и цивилизационных смыслов, связанных с укреплением ценностей служения Отечеству²⁶.

Среди других появившихся в последние годы монографических работ, посвященных проблемам патриотизма и взаимосвязи патриотизма и формирования общенациональной идентичности²⁷, следует особо выделить коллективную монографию, представляющую научную школу Донецкой Народной Республики. Книга посвящена исследованию патриотизма, последовательно

²⁵ *Абрамов А. В., Бузов А. С. и др. Национальная идентичность и патриотизм в условиях международных кризисов // Вестник Московского государственного областного университета. 2022. № 4.*

²⁶ *Культурно-цивилизационные смыслы государственного патриотизма. [Текст]: монография / Т. В. Беспалова, Е. В. Свиридкина; отв. ред. Т. В. Беспалова; Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева. М.: Институт Наследия, 2019. – 212 с.*

²⁷ *Российский патриотизм: исторические традиции и современность / Союз городов воинской славы. Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности / А. В. Абрамов, С. Н. Богатырева, И. В. Бочарников, Е. Е. Гришнова, Ю. В. Гуськов, В. С. Емец, А. В. Манойло, О. А. Овсянникова, С. П. Поляков, В. Н. Ремарчук. Под общ. ред. И. В. Бочарникова. Грозный: [б. и.], 2016. – 266 с.; Патриотизм как фактор развития российской государственности / Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Ассамблея народов России, Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности, Московский дом национальностей. Под общ. ред. И. В. Бочарникова. М.: Московский дом национальностей, 2015. – 368 с.; Кром М. М. Патриотизм, или Дым Отечества. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – 160 с.*

рассмотренного в различных аспектах: общеметодологические проблемы концептуализации понятия; роль патриотизма в социокультурном пространстве; практический опыт воспитания патриотизма в системе образования на примере Донбасса²⁸.

В современных условиях обострения международных отношений и гибридной борьбы против России роль патриотизма как ценностной основы формирования национально-государственной идентичности будет усиливаться. Это обуславливает повышенное внимание к концепту патриотизма как феномену общественного сознания и инструменту символической политики.

Как отмечает директор Эрмитажа М. Пиотровский, «есть ситуации, когда совершенно ясно, что человек должен быть со своей страной»²⁹. Это ситуации исторического поворота и выбора пути развития.

Вопросы для обсуждения:

1. Каково смысловое наполнение понятия «патриотизм»?
2. В чем заключается взаимосвязь национально-государственной идентичности и патриотизма?
3. Какое влияние оказывает разрушение национально-государственной идентичности на патриотическую идею? Приведите исторические примеры такой взаимосвязи.
4. Какие функции выполняет патриотизм в российских политических процессах?
5. Будет ли снижаться или возрастать в дальнейшем роль патриотического сознания и поведения в общественных процессах в России? Какие факторы могут влиять на этот процесс? Аргументируйте вашу позицию.

Литература

1. Абрамов А. В. Современный российский патриотизм как маркер гражданской идентичности личности и общества // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2014. № 3.

²⁸ Патриотизм на постсоветском пространстве: фундаментальные константы исследования: монография / колл. авторов; отв. науч. ред. Г. И. Колесникова. М.: РУСАЙНС, 2020. – 164 с.

²⁹ Почему нужно быть со своей страной, когда она совершает исторический поворот и выбор. Отвечает Михаил Пиотровский. Режим доступа: <https://rg.ru/2022/06/22/kartina-mira.html>

2. Бардин А. Л. Патриотизм // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. чл.-корр. РАН И. С. Семененко. М.: Весь Мир, 2017.

3. Дробижева Л. М. Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 100–115.

4. Лубский А. В. Патриотизм и гражданственность в российском обществе, или Как преодолеть дефицит гражданственности в российском патриотизме // Гуманитарий Юга России. 2019. № 2.

5. Маленков В. В. Патриотизм, гражданственность в политике и идентичности молодежи // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 120–131.

6. Мартынов М. Ю., Фадеева Л. А., Габеркорн А. И. Патриотизм как политический дискурс в современной России // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 109–121.

7. Селезнева А. В. Патриотизм как политическая ценность: политико-психологический анализ // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: Философия. Социология. Политология. 2017. № 38.

8. Титов В. В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М.: Типография «Ваш формат», 2017.

9. Тишков В. А. Что есть Россия и Российский народ? // Pro et Contra. 2007. Т. 11. № 3.

10. Шестопал Е. Б. Ценностные характеристики российского политического процесса и стратегия развития страны // Полис. Политические исследования. 2014. № 2.

11. Яновский Р. Г. Патриотизм: о смысле созидющего служения Человеку, Народам России и Отечеству / Рос. акад. наук, Ин-т соц.-полит. исслед. М.: Книга и бизнес, 2004. – 527 с.

Глава 3.

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ: СТРАНОВЫЕ КЕЙСЫ И ВАРИАНТЫ

3.1. Российская идентичность: дискурсы и практики

В поисках Русской идеи

Под российской идентичностью мы понимаем «комплекс представлений, ценностей, установок, предпочтений, порождаемых самоотождествлением индивидов или их сообществ с Россией и россиянами»¹. Представляется, что важным методологическим принципом анализа является отмеченный автором этого определения К. Г. Холодковским колеблющийся характер российской идентичности на протяжении значительной части ее истории. В разные исторические периоды эта дихотомия проявлялась через противоречия между сознанием массовых слоев и элиты, между внутри-элитными группами, между правящими кругами и значительной частью интеллигенции. Такая дихотомия возникла в значительной степени из особого геополитического положения – между Европой и Азией – и цивилизационного своеобразия России.

В XIX – начале XX в. усугубились противоречия между сторонниками разных идейных позиций по поводу будущего России. Самая известная дихотомия в интерпретации российской национальной идентичности связана с западниками и славянофилами. К. Д. Кавелин, близкий к западникам, но с симпатией относившийся к славянофилам, отмечал совмещение и сочетание полярно противоположных начал в русском народе: «Нет, кажется, народа в истории, который совмещал бы в своей истории такие противоположности... Кроме нас, нет народа в мире, который бы так странно понимал свое прошлое и настоящее. Ни один народ не разрывается в своем сознании на две половины, совсем друг другу чуждые и ничем не связанные... Раздвоенные в народном сознании, мы не можем высвободиться от вопиющего противоречия между нашим взглядом на самих себя и постепенным величавым ходом нашей истории»².

¹ Холодковский К. Г. Самоопределение России. М.: РОССПЭН, 2013.

² Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории. Режим доступа: http://az.lib.ru/k/kawelin_k_d/text_1866_mysli_i_zametki.shtml

Противоречивость в оценке российской идентичности впервые ярко проявилась в реакции образованного общества на реформы Петра I. Для современных россиян Петр I остается одной из наиболее значимых фигур в российской истории. Но уже в XVIII в. князь Щербатов написал «потаенные записки» «О повреждении нравов», где он давал оценку влияния петровских реформ на российское общество: «...подлинно в людскости и в некоторых других вещах, можно сказать, удивительные имели успехи и исполинскими шагами шествовали к поправлению наших внешностей, но тогда же гораздо с вьщей скоростью бежали к повреждению наших нравов и достигли даже до того, что вера и Божественный закон в сердцах наших истребились, тайны Божественные в презрение впали»³. Записки Щербатова способствовали формированию обличительной тенденции в оценке петровских реформ. Однако значительно больше историков придерживались того, чтобы «прийти в изумление перед нравственными и физическими силами преобразователя, сфера деятельности которого была бы так обширна» (С. М. Соловьев). Он создал «идеал Великой России» (В. В. Зеньковский). В современных российских учебниках истории Петр I предстает как великий преобразователь и выдающаяся личность, а его реформы – как проводимые на благо страны и народа. Согласно данным ВЦИОМ, в наши дни подавляющее большинство россиян считают, что Петр I сыграл положительную роль в истории России (90%). Спустя 350 лет со дня рождения Петра Великого россияне говорят, что его достижения значительно повлияли на судьбу России, прежде всего речь идет о возрождении армии и флота (36%), сотрудничестве с Европой (13%) и основании города на Неве (9%)⁴.

Эффекты политики можно оценивать не только по историческим данным, но и по тому отклику, который она находила в сознании, по ее отражению в художественной культуре. Личности Петра и его преобразовательной деятельности посвятили свои произведения А. С. Пушкин («Медный всадник», «Арап Петра Великого»),

³ Щербатов М. М. О повреждении нравов в России. Режим доступа: http://az.lib.ru/s/sherbatow_m_m/text_1787_o_povrezhdenii_nravov.shtml

⁴ Петру Великому – 350! Аналитический обзор. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/petru-velikomu-350>

А. Н. Толстой (роман «Петр I»), Ю. П. Герман («Россия молодая»). Как писал Александр Куприн, Петр I и Александр Пушкин – это «основные упоры, неугасаемые маяки русской культуры». Пушкин так выразил свое восприятие мышления Петра I:

И думал он:
Отсель грозить мы будем шведу,
Здесь будет город заложен
Назло надменному соседу.

Цивилизационную самобытность России многие философы, писатели, мыслители определяли через поиск Русской идеи; антология Русской идеи воистину обширна⁵. Русский философ Николай Бердяев, который много размышлял о России, российском народе, российской идентичности, соединял пространство и время, историю и религию в Русской идее: «То, что Россия так огромна, есть не только удача и благо русского народа в истории, но также и источник трагизма судьбы русского народа. Нужно было принять ответственность за огромность Русской земли и нести ее тяготу. Огромная стихия Русской земли защищала русского человека, но и сам он должен был защищать и устраивать Русскую землю»⁶.

Бердяев высказывал суждение, что «русский народ с одинаковым основанием можно характеризовать как народ государственно-деспотический и анархически свободолюбивый, как народ, склонный к национализму и национальному самомнению, и как народ универсального духа, более всех способный к всечеловечности, жестокий и необычайно человечный, склонный причинять страдания и чрезвычайно сострадательный»⁷.

Преодоление противоречивости и раздвоенности происходит по мере формирования национально-государственной идентичности. В 2000-е гг. особенно актуально прозвучали идеи другого русского философа, Ивана Ильина: «Русская идея есть идея сердца. Идея созерцающего сердца... В этом главный источник русской веры и русской культуры, главная сила России и русской

⁵ Русская идея. Антология. М.: Республика, 1992. – 496 с.

⁶ Бердяев Н. Русская идея. СПб.: Азбука-Классика, 2008.

⁷ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 15.

самобытности»⁸. Ильин обосновывал этой идеей право России творить «свою особую духовную культуру: культуру сердца, созерцания, свободы и предметности». Он горячо отрицал наличие «единой общеобязательной “западной культуры”, перед которой все остальное – “темнота” или “варварство”», полагал, что «у Запада свои заблуждения, недуги, слабости и опасности. Нам нет спасения в западничестве. У нас свои пути и свои задачи. И в этом – смысл русской идеи»⁹.

Если в трактовке Русской идеи, русской самобытности, Русского пути на протяжении XIX – начала XX в. шли горячие споры между сторонниками разных взглядов и идеологических предпочтений, то был компонент российской идентичности, по которому наблюдалось больше единства, нежели разногласий.

Идея «триединого народа» (русских, украинцев, белорусов), сложившаяся в XIX в., не только отражала устремления имперской политической элиты, но находила широкий отклик в российском обществе как представление об исторической общности, устойчивых связях, культурной близости русских и украинцев, составляя тем самым один из важных компонентов российской идентичности. Неслучайно славянофилы, одобряя деятельность малорусской интеллигенции по развитию народной культуры и языка, видя в ней союзников в противостоянии с поляками, изменили свою позицию, как только появились претензии на признание самостоятельности малорусской этничности. Украину как русскую землю определял славянофил И. С. Аксаков: «Край этот Русский, Русский и Русский! В нем нет разных национальностей и вер; в нем есть только один хозяин – Русский народ; одна господствующая национальность – Русская, которой вера – православие»¹⁰.

Основная масса либеральной российской общественности в XIX и начале XX в. солидаризировалась с властями по украинскому вопросу. Петр Струве в своем знаменитом «Ответе Украинцу», чье письмо было опубликовано в газете «Русская мысль»

⁸ Ильин И. О Русской идее. Режим доступа: https://imwerden.de/pdf/iljin_o_russkoj_idee.pdf

⁹ Там же.

¹⁰ Аксаков И. А. Каково должно быть положение поляков в Украине. Режим доступа: http://az.lib.ru/a/aksakow_i_s/text_1863_kakovo_dolzno_byt_olderfo.shtml (дата обращения: 31.10.2022).

в 1911 г., произнес слова, которые потом многократно воспроизводились и цитировались: «...“украинство” таит под собой огромную культурную проблему, чреватую... величайшим и неслыханным расколом русской нации, который явится... подлинным государственным и народным бедствием. Все наши “окраинные” вопросы окажутся совершенными пустяками в сравнении с такой перспективой раздвоения, и, если за малороссами потянутся белорусы, – растроения русской культуры». Струве завершил свой ответ так: «Я лично полагаю, что, будучи по традиции украинофильским (по новейшей терминологии), русское прогрессивное общественное мнение должно энергично, без всяких двусмысленностей и поблажек, вступить в идейную борьбу с “украинством”, как с тенденцией ослабить и отчасти даже упразднить великое приобретение нашей истории – общерусскую культуру»¹¹.

«Триединый народ» как идеологема и значимый конструкт государственной идентичности трансформировался и приспособивался разными категориями российского общества на протяжении XIX–XX вв. Имперская его оболочка была разрушена уже в годы Советской власти, но вот смыслообразующее его ядро – представление о трех братских народах, трех ветвях славян – вошло в российскую идентификационную матрицу.

3.2. «Состязательное поле» постсоветской идентичности

Распад Советского Союза положил конец как советской государственности, так и советской идентичности (единая общность – советский народ), и создал кризис российской идентичности. Исследователи отмечают, что при распаде Советского Союза Россия не только потеряла часть традиционно принадлежавших ей территорий, но и столкнулась с разрушением национально-государственной идентичности, утратой российским обществом ясной системы политических ценностей и смыслов, комплексом национальной неполноценности. России пришлось заново «открывать» постсоветское пространство, которое стало конкурентным полем влияния ряда международных политических акторов.

¹¹ Струве П. Б. Ответ Украинцу. Режим доступа: <https://naspravdi.info/rossiya/obshcherusskaya-kultura-i-ukrainskiy-partikulyarizm-petr-struve> (дата обращения: 31.10.2022).

В 1990-е гг. перед новыми государствами постсоветского пространства встала задача нахождения собственного места в современной международной системе, поиска «союзников» и мобилизации против «врагов». Одной из ключевых задач этого этапа является обоснование права на независимость и «историческая закономерность» появления самостоятельного государства после распада СССР. В 1990-е гг. все эти страны нуждались в национальной идентичности и национальной идее, а их интегратором, как правило, служил внешний «враг» (Казанцев, Меркушев 2008). Как справедливо отмечает А. Д. Богатуров, ряд малых стран, в том числе на постсоветском пространстве, «живут не столько в системе мировых политических координат, сколько вдоль оси отношений Россия – Запад, плотно к этой оси припав и от нее питаюсь – идеологически, политически и экономико-финансово»¹².

После обретения независимости страны Балтии (Литва, Латвия, Эстония) сразу взяли курс на интеграцию в евроатлантические структуры, провозглашая свое «возвращение в Европу». В вопросах идентичности балтийские народы связывали себя и свою ментальность с Европой (литовцы и латыши – с Восточной Европой, а эстонцы – с Северной, прежде всего, с Финляндией). Разрыв с советским прошлым выражался как в запрете советской символики, так и в актах «восстановления» государственности до 1940 г. (т. е. до «советской оккупации»). В 1992 г. в Литве был принят Конституционный Акт «о неприсоединении Литовской Республики к постсоветским восточным союзам»¹³. Литва очень гордилась тем, что объявила о своей независимости еще до распада СССР, 11 марта 1990 г. Правда, признали ее лишь Исландия и Дания. В балтийских странах шло активное переписывание истории, оценка советского периода как «оккупации», начались войны памяти и «войны памятников» (Национальные истории 2009: 148–201).

Во всех странах Балтии в конце 1990-х – начале 2000-х гг. к власти приходили политики эмигрантской волны, чья сознательная

¹² Богатуров А. Д. Испытание Рейганом. Лимитрофы становятся значимым фактором в политике США на российском направлении // Независимая газета. 2006. 22 мая.

¹³ Конституционный акт Литовской республики. Режим доступа: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.241798?jfwid=gvy9zhn32> (дата обращения: 30.08.2021).

жизнь проходила в странах Западной Европы либо Северной Америки. Их приход на высшие государственные посты знаменовал заимствование западной модели в области управления и символизировал возврат к европейским ценностям с одновременным разрывом со всем советским, которое стало синонимом чужеродного и враждебного. Именно политики эмигрантской волны (Валдас Адамкус, президент Литвы в 1998–2009 гг., Вайра Вике-Фрайберга, президент Латвии в 1999–2007 гг., Тоомас Хендрик Ильвес, президент Эстонии в 2006–2016 гг.) сделали очень много для включения стран Балтии в евроатлантические структуры (в марте 2004 г. – в НАТО, а в мае 2004 г. – в ЕС).

На смену представлению 1990-х гг. стран Балтики как некоего «моста между Европой и “демократической Россией”» пришли концепции понимания Балтики как «буферной зоны» или некой «прифронтовой полосы», сдерживающей «российский авторитаризм» в 2000-е гг. Балтийские страны отказались от празднования Дня Победы 9 мая, вместо этого стал отмечаться «день Европы», напоминающий о «цивилизационном» выборе балтийских государств. Рост опасения реваншизма со стороны России усилился после заявлений В. Путина о том, что он считает распад СССР «крупнейшей геополитической катастрофой»¹⁴.

Важным элементом политики идентичности балтийских стран был виктимизм: представления себя в качестве жертвы двух тоталитаризмов – нацистского и советского. До вступления в ЕС они еще не отказывались от признания Холокоста как ключевого момента в коллективной памяти о войне, но музеи открывали не Холокосту, а жертвам советского террора.

После вступления в ЕС балтийские страны стали вместе с Польшей инициаторами пересмотра исторического нарратива, в котором «добрые союзники победили злых нацистов» (Фадеева, Плотников 2022). Проблема вины и ответственности за советскую оккупацию была перенесена из внутренней повестки во внешнюю, в повестку Европейского союза, в результате чего были приняты документы, уравнивающие нацизм и сталинизм (Политика памяти 2020).

¹⁴ Путин объяснил, почему считает распад СССР крупнейшей катастрофой XX века. Режим доступа: <https://ria.ru/20170613/1496353896.html> (дата обращения: 28.08.2021).

Когда Россия запустила процесс евразийской интеграции, это послужило основанием для обвинений со стороны Запада в «реинкарнации» СССР в новом обличье. Наиболее непримиримая риторика в адрес России последовала из уст президента Литвы Дали Грибаускайте, которая назвала Россию «террористическим государством»¹⁵. Между тем в таких странах Центральной Азии, как Кыргызстан, Таджикистан и Казахстан, Россия воспринималась как сила, несущая модернизацию, и при поддержке России продолжалось выстраивание исторической политики с фокусом на общую победу во Второй мировой войне и использованием советских символов Победы.

Следует отметить значимость не только исторической, но и социокультурной близости в отношениях стран и народов на постсоветском пространстве. Так, схожая тюркская идентичность стала платформой сближения Турции, Азербайджана и стран Центральной Азии; на основании финно-угорской общности происходит сближение Финляндии и Эстонии; общие культурно-исторические корни объясняют сближение между Румынией и Молдовой. У России сложились особые отношения с Беларусью, которые поддерживает целый ряд факторов политического и внешнеполитического характера, но также общая история, близость ценностных ориентаций и поведенческих установок.

Взаимоотношения с Украиной в постсоветский период выстраивались противоречиво. Украина исторически в российской идентичности оценивалась как неотъемлемая часть «земли Русской», находящейся на границе с Западом, который воспринимался в качестве «значимого другого». Это было важным элементом идентификационной матрицы российского общества, что объясняет болезненность реакции на сделанное украинским президентом Леонидом Кучмой заявление «Украина – не Россия» с обоснованием на 560 страницах книги с таким названием¹⁶.

Кучма предъявил российскому обществу целый ряд претензий: за формулировки «Киев – мать городов русских», «Древняя

¹⁵ Президент Литвы назвала Россию «террористическим государством». Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/20/11/2014/546dd439cbb20fbe188fb6a9> (дата обращения: 28.08.2021).

¹⁶ Кучма Л. Украина – не Россия. М.: Время, 2003.

Русь – общая колыбель трех восточно-славянских народов»; за позицию русской интеллигенции – от Петра Струве, который «сломался» на украинской тематике», до Солженицына, писавшего о постоянных уступках со стороны России, пытавшейся «подкупить непримиримость украинской стороны»; за фильм «Брат-2» как образец антиукраинизма; за публикации в российских СМИ, поднимающих только темы коррупции, бандеровцев, притеснения русского языка и формирующих образ Украины как «государства, постоянно противодействующего России и ее интересам».

Представленная Л. Кучмой книга явилась своего рода посланием российскому обществу и российскому правящему классу, и ответ не заставил себя ждать. «Книга Кучмы – это желание украсть нашу историю... она враждебна по отношению к России, к русскому языку, общей истории»¹⁷; она призвана «вытравлять всякое ностальгическое чувство у тех, кто и через забор сохраняет к России родственное чувство», она означает «процесс зарождения принципиально новой нации – нации русофобов, смысл существования которой заключается во вражде с Россией». Российские рецензенты, за редким исключением, видели в послании Кучмы лишь разрушительный импульс для отношений между двумя странами и народами, несмотря на усилия Кучмы доказать, что он против радикальных вариантов украинского национализма. Это коррелировало с общественными настроениями в России, в которых сильны были и ощущение, и желание общности с украинским народом.

Политическая элита Украины избрала в качестве ключевого элемента политики идентичности украинского государства идею нациостроительства на основе украинской нации, языка и культуры (этническое основание макрополитической идентичности). «Оранжевая революция» 2004 года, оцениваемая в Украине как важная веха на пути становления украинской политической нации, в России была воспринята как «отрывание» Украины от российского цивилизационного пространства при активной поддержке ЕС и США.

¹⁷ Пресс-конференция Константина Затулина «Слово – не воробей, а Леонид Кучма – не Богдан Хмельницкий» по поводу презентации книги украинского президента «Украина – не Россия» на XVI Московской международной книжной ярмарке. Режим доступа: <http://www.materick.ru/index.php?section=analytics&bulid=58&bulsectid=4913> (дата обращения: 24.10.2022).

Либеральная часть российского политического спектра трактовала «оранжевую революцию» как победу демократии над авторитаризмом, а некоторые российские политики и общественные деятели принимали непосредственное участие в этих событиях на стороне В. Ющенко (Б. Немцов, М. Гельман, С. Шустер)¹⁸.

В российском информационном поле преобладали негативное восприятие сторонников Ющенко и поддержка населения юго-востока, воспринимаемого в качестве «своего». Представители Президента России на «Всеукраинском съезде народных депутатов» в Северодонецке в ноябре 2004 г. поддерживали антимайданное движение¹⁹. Ю. Лужков заявил, что в ситуации на Украине действуют две полярные силы, демонстрирующие противоположные модели поведения: «С одной стороны – это грубое вмешательство в дела Украины, а с другой стороны – Россия, которая относится с полным уважением к суверенитету страны»²⁰.

Созданный при украинском президенте Институт национальной памяти стал проводить политику декоммунизации, подобно тому, как это происходило в Польше и странах Балтии, принятых в 2004 г. в Европейский союз. Историческая политика администрации В. Ющенко была нацелена на формирование собственных мифов, искажающих историческую правду: приравнивание «Голодомора» к геноциду, героизация воинов УПА, создание музея советской оккупации и пр. Все это шло вразрез с историческими фактами, разрушало образ «братских народов» и вызывало острое неприятие в России, где все громче звучали требования пересмотра политики в отношении Украины со стороны патриотически настроенной части общественности.

Украинские правящие круги стремились представить общее прошлое как историю непрерывной и неравной борьбы украинского народа с российскими угнетателями. Однако эти идеи не получили на тот момент широкой популярности. Исследования, проводимые украинскими и европейскими социологами в 1992, 2004–2005 и 2012 гг., свидетельствовали о высоком уровне

¹⁸ И М. Гельман, и С. Шустер внесены в РФ в списки иностранных агентов.

¹⁹ События в Северодонецке 28 ноября 2004 года (съезд депутатов) (НТВ, 28.11.2004). Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=4wErITGxO_4

²⁰ Лужков готов снять любимую кепку, чтобы быть похожим на Януковича. Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2004/11/28/luzkov/>

взаимопонимания между двумя народами, открытости и готовности вступать в любые контакты. Так, Стефен Шульман отмечал по исследованиям 2004 г., что по семи из 12 показателей историческая и культурная близость украинцев и русских очень высока. Володимир Кулик сравнивал результаты исследований Центра Разумкова в 2012 и 2014 гг., которые показывали, что 59% респондентов поддерживали дружественную россиянам позицию (подробнее см.: Фадеева, Плотников 2022).

Лидеры Евромайдана 2014 г. видели его значение в уходе от России и советского прошлого, в движении «от азиатской системы правления к европейскому дому». Первым нормативно-правовым актом, принятым новой властью, стал закон о лишении русского языка статуса регионального, притом, что по результатам всеукраинской переписи населения 2001 г. родным русский язык был у 29,6% населения. Антимайданно настроенных «других» они считали «недо-гражданами», которые «попросту не заслуживали того, чтобы быть частью украинского народа» (Байша 2021: 95, 98).

Массовые выступления жителей юго-востока Украины, протестовавших против неконституционного захвата власти и антироссийского курса правящих кругов весной 2014 г., получили название «Русской весны». Вхождение Крыма в состав России стало именоваться «крымской весной», оно сформировало в общественном сознании россиян крымский консенсус (#Крымнаш).

Исследования, проведенные Е. Б. Шестопаля в 2018 г., а позже по ее методике Е. А. Новаковским, показали, что социально и ментально россияне близки к украинскому народу (но не к государственной власти Украины) (Шестопаля, Смулькина 2018; Новаковский 2022). По результатам опросов выяснилось, что большинство респондентов (68%) воспринимают Украину как соседа. Вторым по популярности среди респондентов был ответ «как врага» (34%). Особенно негативные характеристики были даны украинской власти как коррумпированной и нечестной. Таким оценкам способствовали информация о коррупционных скандалах в Украине, разоблачительные статьи украинских и российских авторов, телевизионные фильмы (такие как сериал «Слуга народа»).

Тема предательства Украины по отношению к России в массовом сознании сопряжена не только с ее геополитическим

курсом, но и с реабилитацией ряда символических фигур и событий. В число таких фигур попали Мазепа, Бандера и Шухевич, ставшие символами предательства. В российской идентичности одна из наиболее важных скреп – память о Великой Отечественной войне, а в Украине после «Евромайдана» само понятие «Великая Отечественная война» исчезло из музейных экспозиций и со страниц учебников, а символ воинского подвига и героизма – Георгиевская лента – был запрещен. Добавились важные и острые темы. Ключевая – Донбасс, его жертвы, мученики, особенно – дети.

В. В. Путин посвятил проблеме исторической идентичности и исторического единства несколько выступлений и статей, в которых признал, что стена в отношениях России и Украины – следствие ошибок руководства обеих стран и работы внешних сил по подрыву единства. В статье «Об историческом единстве русских и украинцев»²¹ (июнь 2021 г.) были отмечены общие истоки и общая судьба двух народов, как пагубное было охарактеризовано влияние советской национальной политики, разъединившей славянские народы. «Когда распался СССР, многие и в России, и на Украине все же искренне верили, исходили из того, что наши тесные культурные, духовные, экономические связи безусловно сохранятся, как и общность народа, в основе своей всегда чувствовавшего себя единым. Однако события – сперва исподволь, а потом все быстрее – стали развиваться в ином направлении».

Президент РФ отмечал, что геополитические игры, в которые вовлекал Украину коллективный Запад, становились все опаснее, и со временем концепция «Украина – не Россия» была заменена на «анти-Россию». Завершали статью слова «мы – один народ»²². Конструкт «Украина как Анти-Россия» включает все те комплексы жертвы, «обиженной нации, травмированного народа», как и согласие на геополитическую вторичность, буферную зону «между цивилизованным миром» и «варварской Россией», «поле соперничества между Западом и Россией».

В Обращении к гражданам России 21 февраля 2022 г. Владимир Путин подчеркнул, что в Украине живут «наши товарищи, близкие, среди которых не только коллеги, друзья, бывшие сослуживцы, но

²¹ Путин В. В. Об историческом единстве русских и украинцев. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата обращения: 26.10.2022).

²² Там же.

и родственники, люди, связанные с нами кровными, семейными узами. А украинские власти изначально... стали строить свою государственность на отрицании всего, что нас объединяет, стремились исковеркать сознание, историческую память миллионов людей, целых поколений, живущих на Украине». Он призвал поддерживать людей, которые «не согласились с поддержанным Западом переворотом на Украине в 2014 году, выступили против возведенного в ранг государственного движения в сторону пещерного и агрессивного национализма и неонацизма. И борются за свои элементарные права – жить на своей земле, говорить на своем языке, за сохранение своей культуры и традиций»²³. Таким образом, ключевые моменты проводимой украинскими властями политики идентичности во всех ее измерениях (языковом, историческом, символическом) стали одним из обоснований принятия решения о начале специальной военной операции 24 февраля 2022 г.

По результатам опроса ВЦИОМ, проведенного в декабре 2022 г., основными достигнутыми результатами СВО россияне считают не только завершение освобождения ЛНР, освобождение значительной части ДНР, вхождение в состав России четырех новых регионов, но и сплочение российского общества на фоне помощи фронту, жителям новых регионов, переселенцам (78%), повышение чувства ответственности у россиян за свое дело, будущее страны (77%)²⁴.

Постсоветская идентичность стала полем ожесточенной борьбы, где Россия оказалась перед сложным выбором, обусловившим алгоритм выработки национально-государственной политики идентичности.

3.3. Приоритеты и направления политики идентичности в современной России

Россия с начала перестройки оказалась в состоянии кризиса советской идентичности и острой борьбы по поводу формирования новых идентификационных ориентиров. Противники перестройки включали «неосталинистов», почвенников, националистов и пр.

²³ Обращение Президента Российской Федерации 21 февраля 2022 г. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/67828> (дата обращения: 26.10.2022).

²⁴ Десять месяцев СВО: оценка результатов. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/desjat-mesjacev-svo-ocenka-rezultatov>

Но и лагерь «перестройщиков» был неоднородным: Горбачев первоначально предлагал вариант страны социализма «с человеческим лицом», однако вскоре властвующая элита приняла решение идти по западному пути, следовать неолиберальной модели.

Социологи фиксировали, что общество делилось на три неравные части: одна часть респондентов (меньшая) была убеждена в необходимости ориентироваться на западные страны, западные демократии и присущие им модели социального государства; другая (чуть большая) ностальгировала по Советскому Союзу и считала возможным возврат к советскому опыту; но около 60% высказывали убежденность, что у России должен быть свой, особый путь (Фадеева 2012: 245–249).

Б. Н. Ельцин в идентификации страны начал использовать понятие «великая Россия», а в Послании Президента Федеральному собранию в 1996 г. характеризовал Россию как «целый мир, самобытность которого сохранялась на протяжении всей российской истории»²⁵. Это наметило поворот от курса на следование западному образцу к попытке самоопределения государства. В Посланиях Президента В. В. Путина звучат слова о «сильной России» как стремление зафиксировать позиции и статус страны в мире: в Послании 2000 г. сочетание «сильная Россия» звучало пять раз, в 2003-м – девять раз (Малинова 2015).

Национально-государственный характер приобретают усилия политического класса по созданию опорных точек политики идентичности: в декабре 2000 г. происходит утверждение Государственного флага Российской Федерации, Государственного герба и нового текста гимна. В декабре 2004 г. утвержден День народного единства 4 ноября, ставший одним из символических пространств национальной идентичности. Риторика обращения к славному прошлому; контроль над интерпретацией истории в публичных пространствах (мемориалы, учебники истории, телевидение) становятся элементами государственной политики идентичности.

В Ежегодном Послании Президента к Федеральному Собранию в 2012 г. было использовано понятие «духовные скрепы», полу-

²⁵ Послание Президента Федеральному собранию 23 февраля 1996 года. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36349>

чившее широкое распространение в риторике государственных акторов и близкой им по духу части интеллигенции.

Важным в символическом выражении политики идентичности событием стало открытие зимней Олимпиады в Сочи в 2014 г. В зрелищном шоу, представляющем историю России, были: царь Петр I Великий, Екатерина II Великая, композитор Петр Чайковский, поэт Александр Пушкин, художник Марк Шагал, кинорежиссер Сергей Эйзенштейн, писатели Лев Толстой и Федор Достоевский, космонавт Юрий Гагарин. Как отмечают наблюдательные аналитики, не были представлены символическими фигурами ни горбачевские, ни ельцинские времена. Но презентация была впечатляющей и давала представление о том, какой бы хотели видеть Россию ее политические лидеры, выстраивая национально-государственную политику идентичности.

После 2014 г. основой формирования российской идентичности стали идеи патриотизма и суверенитета: «У нас нет никакой и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма»²⁶. Россия представлена в официальном политическом дискурсе как историческое государство, государство-цивилизация, все более четко определяются контуры политики идентичности.

Главным праздником страны, поистине всенародным, является День Победы 9 мая. Об этом свидетельствует родившаяся как народная инициатива акция «Бессмертный полк», проводимая с 2012 г. В противовес отрицанию роли СССР в победе над фашизмом, в РФ стала приобретать государственную важность политика памяти, что было подкреплено государственными программами по патриотическому воспитанию, разработкой единого учебника по истории России, активизацией комитетов и комиссий против фальсификации российской истории. Институционализации политики памяти способствовала деятельность Российского исторического общества и Российского Военно-исторического общества. В плане государственной политики можно отметить проект Министерства обороны РФ «Дорога памяти» на базе Цен-

²⁶ Путин В.: Патриотизм – «это и есть национальная идея». Режим доступа: <https://rg.ru/2016/02/03/vladimir-putin-nazval-patriotizm-nacionalnoj-ideej>

трального музея Вооруженных сил России, с 2015 г. запуск портала «Память народа».

На праздничных концертах в честь Дня Победы на Красной площади рядом с традиционными исполнителями военных песен появились молодежные исполнители и группы. В репертуаре рэп-групп звучат патриотические песни:

Это Сталинград – Курская дуга,
Дорога на Берлин, герои-города,
Россия-матушка – как воздух и вода,
Я патриот своей страны, и так будет всегда.
Им не сломить наш дух, как бы они ни старались,
Предателей все больше, но свои-то остались,
Кто знает историю и уважает прошлое.

Формируется патриотический дискурс, включающий следующие смыслы: любовь к Родине как нравственная норма, готовность к служению Родине и ее защите. Дискурс выстраивается на интернет-площадках разной направленности – научных, религиозных, музейных, в персональных аккаунтах деятелей науки и культуры. Существенные средства выделяются на поддержку кинематографа: с помощью «Фонда кино», поддержки Министерством культуры «общественно важных фильмов», какими стали «Сталинград», «Движение вверх», «Лед», «Легенда № 17», «Салют-7», «Т-34».

Данные ВЦИОМ в марте 2018 г. свидетельствовали, что в российском обществе укрепилось ощущение «единой нации»: с 2012 по 2017 г. доля согласных с лозунгом «Мы – единая нация» выросла с 23% до 54%²⁷. Социологи зафиксировали также рост доли тех, кто гордится своей страной и ее символами, с 55 до 70–75%. В 2020 г. охарактеризовали себя как патриота своей страны 46% – безусловно да, 43% – скорее да²⁸. По данным Фонда общественного мнения, в 2022 г. 85% респондентов называли себя патриотами, при этом считали, что патриотов в стране большинство, – 52%²⁹.

²⁷ Бызов Л. Идейные рубежи крымского консенсуса // Выборы на фоне Крыма: электоральный цикл 2016–2018 гг. и перспективы политического транзита / науч. ред. В. В. Федоров. М., 2018.

²⁸ Режим доступа: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10324>

²⁹ Режим доступа: <https://fom.ru/TSennosti/14733>

В декабре 2018 г. в Указе Президента РФ в качестве одной из целей государственной национальной политики Российской Федерации было обозначено «укрепление общероссийской гражданской идентичности». В принятом документе отмечено, что требуется участие в формировании российской идентичности «всех уровней власти, политических партий, общественных организаций, в том числе религиозных и этнических объединений»³⁰.

Политика идентичности в России оценивается экспертами как стратегическая многоуровневая деятельность институтов государственного управления. Поправки, внесенные в Конституцию РФ в 2020 г., – единство и преемственность государственного развития, тысячелетняя история, память и идеалы предков, память защитников Отечества, вера в Бога, добро, справедливость и историческая правда – должны были закрепить приоритеты государства в формировании повестки дня политики идентичности. Отсылка к уникальности собственно российских смыслов и ценностей, культурного наследия, формировавшихся в долгом историческом времени, в многогранном межэтническом взаимодействии на стыке культур и цивилизаций, призвана заложить основы вовлечения массовых общественных групп.

Возрождение национальной гордости России как великой державы опирается на массовые настроения граждан РФ, для которых ключевые компоненты политической идентичности выстраиваются вокруг гордости за военные победы и великую культуру.

Политика памяти о Великой Отечественной войне стала рассматриваться в контексте стратегической безопасности, в силу чего был принят ряд законов, возводящих в категорию преступления унижение чести и достоинства участников Великой Отечественной войны, оскорбление памяти защитников Отечества. Закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» дополнен ст. 61, которая запрещает «отождествление целей, решений и действий руководства СССР, командования и военнослужащих СССР с целями, решениями

³⁰ Указ Президента РФ от 6 декабря 2018 г. № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43843>

и действиями руководства нацистской Германии». В 2014 г. был принят закон, объявивший «реабилитацию нацизма» уголовным преступлением: «Распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества», в России уголовно наказуемо.

В 2020 г. в Конституцию России была внесена статья 67.1: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается».

В политике идентичности современной России прилагательное «государственная» является определяющим, однако в осуществлении такой политики задействован широкий круг участников – институты системы образования и культуры, общественно-политические движения, СМИ, бизнес-структуры, лидеры общественного мнения из разных сфер общественной жизни, научное и экспертное сообщества.

Большую роль в продвижении ценностных основ политики идентичности играет Русская Православная Церковь. Православное христианство глубоко укоренено в духовной культуре России и в национальной идентичности поколений россиян, а православными считают себя, согласно данным опросов, большинство населения страны.

В то же время многонациональному составу народа России соответствует разнообразная палитра религий и конфессий, в числе традиционных религий, помимо православия, представлены ислам, буддизм и иудаизм. Это актуализирует значение межрелигиозного диалога в повестке дня политики идентичности. Важнейшим приоритетом в деятельности религиозных институтов является утверждение и укрепление традиционных духовных ценностей.

Религиозные организации активно вовлечены в волонтерскую работу на самых разных направлениях, в первую очередь – помощи нуждающимся. В этом поле активно работают гражданские структуры, новые потребности рождают новые формы волонтерских инициатив. Это и поддержка медиков и всех нуждающихся во время пандемии, и гуманитарная помощь беженцам и жителям

новым регионов РФ, и сбор средств раненым участникам СВО, помощь семьям мобилизованных, поддержка бойцов в действующих частях. Вовлеченность в социальную деятельность формирует гражданскую солидарность, основанную на чувстве сопричастности согражданам и исторической судьбе страны.

Алгоритмы политики идентичности зависят от совокупности факторов: национальных и международных, исторических и ситуационных, объективных процессов и личностных влияний, каждый из которых накладывает свой отпечаток, определяет развороты и повороты колеблющейся идентичности. Их устойчивость определяет соотношенность уважения к исторической памяти с ориентацией на перспективное видение развития страны и общества.

Вопросы для обсуждения:

1. Какое значение для российской идентичности имеет Русская идея?
2. Что понимается под триединым народом?
3. Каков ценностный фундамент политики идентичности в современной России?
4. В чем проявляются противоречия политики идентичности в государствах на постсоветском пространстве?
5. Что определяет успешность национально-государственной политики идентичности?

Литература

1. Байша О. Дискурсивный разлом социального поля. Уроки Евромайдана. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. – 184 с.
2. Баранов Н. А. Крымский фактор в формировании российской идентичности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 3 (60). С. 59–66.
3. Гришин Н. В. Государство как субъект политики формирования идентичности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 3 (60).
4. Казанцев А. А., Меркушев В. Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // Полис. Политические исследования. 2008. № 2.
5. Кудряшов В. Н. «Украинский вопрос» в русской общественной мысли второй половины XIX в. Вестник Томского гос. ун-та. 2014. № 384. С. 107–115.
6. Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015. – 207 с.

7. Малинова О. Ю. Россия и «Запад» в XX в. Трансформация дискурса о коллективной идентичности. М.: РОССПЭН, 2009.

8. Мартынов М. Ю., Фадеева Л. А., Габеркорн А. И. Патриотизм как политический дискурс в современной России // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 109–121.

9. Национальные истории на постсоветском пространстве. М., 2009. С. 149–201.

10. Новаковский Е. А. Образ Украины как врага России в сознании российских граждан // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 1. С. 149–164.

11. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / под ред. А. И. Миллера и Д. В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020.

12. Селезнева А. В., Смутькина Н. В. Образы стран славянского мира в сознании российских граждан // Русин. 2018. № 54. С. 352–371.

13. Фадеева Л. А. Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность. М.: Новый хронограф, 2012.

14. Фадеева Л. А., Плотников Д. С. Украинский фактор трансформации российской идентичности // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2022. Т. 7. Режим доступа: <https://journals.udsu.ru/sociology/article/view/7400>

15. Холодковский К. Г. Самоопределение России. М.: РОССПЭН, 2013.

16. Шестопал Е. Б., Смутькина Н. В. Факторы восприятия постсоветских стран в современном российском обществе // Полис. Политические исследования. 2018. № 1. С. 26–44.

План семинарского занятия

Российские лидеры как акторы политики идентичности

1. Исторические факторы российского политического лидерства и их влияние на самоопределение России.

2. Лидеры эпохи перестройки: какую Россию хотели создать?

3. Кризис идентичности в эпоху Ельцина.

4. Формирование алгоритма политики идентичности в современной России: фактор политического лидерства.

Литература к семинару

1. Анисимов Е. В. Петр Первый: благо или зло для России? М.: НЛЮ, 2017.

2. Грачев А. С. Горбачев. 2001.

3. Данилкин Л. Ленин. Пантократор солнечных пылинок. М., 2017.

4. Ельцин Б. Н. Исповедь на заданную тему. М., 1990.

5. Зайпель Х. Путин: Логика власти. М.: Время, 2016. – 384 с.
6. Колоницкий Б. И. Товарищ Керенский. Антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа». М.: НЛЮ, 2021.
7. Колтон Б. Ельцин. Режим доступа: http://modernlib.net/books/timoti_kolton/elcin/read/
8. Медведев Р. А. Владимир Путин. Продолжение следует. М.: Время, 2010.
9. Пять выборов Никиты Хрущева / Г. Х. Попов. Мне на шею кидается век-волкодав. Переосмысливание судеб России в XX в. М.: Дом Тончу, 2012. Режим доступа: <https://nlr.ru/domplekhanova/dep/artupload/dp/article/98/NA45331.pdf>
10. Рар А. Владимир Путин. Лучший немец в Кремле. М.: Алгоритм, 2012. – 237 с. (Проект «Путин»).
11. Рар А. Куда пойдет Путин?: Россия между Китаем и Европой (Почему Западу нужна Россия: Экспертный анализ). М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. – 352 с.
12. Стоун О. Интервью с Владимиром Путиным. М.: Альпина Паблишер.
13. Хатчинс К., Коробко А. Путин / пер. с англ. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. – 432 с.

3.4. Политика идентичности: белорусское измерение

Политика идентичности в Беларуси по ряду критериев отличается от процессов конструирования идентичности в других постсоветских обществах (примеры Украины и Молдавии представлены в настоящем учебном пособии). Несмотря на то, что в белорусском обществе, как и во многих других постсоветских обществах, основные социальные и политические размежевания связаны с разделением на сторонников сближения страны с Западом и на сторонников интеграции с Россией³¹, соотношение сил между теми и другими было и остается иным, нежели в странах Балтии, Украине или Молдове.

Специфика формирования национальной идентичности в постсоветской Беларуси обусловлена рядом факторов, некоторые из них влияют на гетерогенность социального пространства страны, а другие, напротив, создают опоры интеграции общества и способствуют социальной солидарности. К первой группе факторов можно отнести исторический опыт включенности в состав инокультурных государственных образований, многовекторную

³¹ Коктыш К. Е. Белоруссия: новая геополитическая реальность? // Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 91–110. DOI: 10.17976/jpps/2021.03.07.

внешнюю политику Республики Беларусь (РБ) на определенном историческом отрезке, существующие социокультурные размежевания.

Вторая, интегрирующая, группа факторов включает историческую традицию собственной государственности, относительную слабость белорусского этнического национализма, слабую степень выраженности социального неравенства, консенсус касательно исторической памяти о Великой Отечественной войне и вхождение в Союзное государство с Россией.

Влияние этих факторов во многом объясняет нелинейность и даже противоречивость политики идентичности, проводимой в Беларуси в постсоветский период.

Разновекторный исторический опыт государственности

Глубокие исторические корни Беларуси подчеркивает обращение в политике идентичности к наследию Полоцкого княжества. В школьном учебнике истории 2016 г. становление белорусской государственности связывается с созданием Полоцкой земли в середине IX в. «Становление Полоцка (ныне город в Витебской области) в качестве центра раннегосударственного образования осуществлялось на местной племенной основе, в то время как в Новгороде и Киеве для этого приглашали варягов... Полоцкие земли, входя в состав Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, развивались автономно»³². В 2003 г. в Полоцке был установлен памятный знак «Полоцк – географический центр Европы». В этом городе в XV в. родился всемирно известный ученый и первопечатник Франциск Скорина, в честь которого в Беларуси названы улицы городов, учреждены медаль и орден.

Большое количество костелов (в особенности расположенных на северо-западе страны, в районе Гродно) подтверждает историческое наследие Беларуси, связанное с Речью Посполитой и Великим Княжеством Литовским. Именно герб Великого Княжества Литовского был принят в качестве государственного после распада СССР, а идеи европейского пути Беларуси были популярны в среде национальной интеллигенции.

³² Лукашенко одобрил учебник об исключительности белорусской истории. Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2017/03/01/lukashenko/>

Западная часть современной Беларуси испытывала сильное польское влияние, пик которого приходится на существование Речи Посполитой. Польско-российские войны, являвшиеся следствием стремления к гегемонии российского и польского имперских проектов в Центрально-Восточной Европе, закончились раздѣлами Речи Посполитой, но в этнолингвистическом смысле борьба за влияние и умы белорусов и украинцев продолжалась весь XIX век и первую половину XX века. Продолжается она и в наши дни в несколько иной форме.

Объединение Великого Княжества Литовского, где доминировал западнорусский язык, с Польшей в результате Люблинской унии 1569 года повлекло за собой политику «ополячивания» политической и экономической элиты, заметную, прежде всего, в городах, расположенных в западных областях современных Украины и Беларуси. Важную роль в распространении польского языка играла не только шляхта, но и католическое духовенство. Уже после первого раздела Речи Посполитой Екатерина II перевела делопроизводство на присоединенных территориях на русский язык. Вытеснение польского языка происходило после подавления восстания Т. Костюшко (1794) и польского восстания 1830–1831 гг.

Приоритетом российского правительства стала интеграция белорусско-литовских губерний в общеимперский организм. Концепция «триединого русского народа» трактовала белорусов как составную часть русского народа и не предполагала предоставления каких-либо отдельных прав или автономии, воспринимаемых как «польские выдумки». Одновременно происходили процессы национальной самоидентификации белорусов. Участник польского восстания 1863 г. Кастусь Калиновский³³ издавал одну из первых нелегальных литературных газет на белорусском языке «Мужицкая правда», стремясь поднять крестьян Беларуси на восстание, считая, что «польское дело – это наше дело, это дело свободы»³⁴. В советское время Калиновского не без дискуссий все же прославляли – включили в пантеон героев борьбы за народное

³³ Примечательно, что фигура Кастуся Калиновского используется диаметрально противоположными политическими акторами, начиная от коммунистов, заканчивая националистами.

³⁴ Калиновский Константин Семенович. Режим доступа: <https://www.oval.ru/enc/31422.html>

счастье. Для этого из биографии вычистили неудобные факты. Там, где он разжигал ненависть к «москалям», редакторы вставили политически корректных и идеологически выдержанных «царя» и «жандармов». «В советское время многие его высказывания не публиковали, потому что они сочились ненавистью, в том числе этнической»³⁵. Имя Калиновского носит сформированный на основе русофобии полк, состоящий из белорусских граждан, вошедший в состав ВСУ в 2022 г. и участвующий в боевых действиях против российских Вооруженных сил.

В 1906 г. была создана газета «*Наша ніва*», как своеобразный просветительский центр, она пробуждала интерес к белорусской идентичности, культуре и языку (на страницах газеты публиковались такие известные белорусские литераторы, как Янка Купала, Якуб Колас, Максим Богданович и др.). Центром возрождения белорусской культуры стал город Вильно. Сегодня многим родившимся в тот период символам придается острое политическое звучание, этим активно занимается антиправительственная оппозиция.

Революционные события в России стимулировали национально-освободительные процессы в Беларуси. В декабре 1917 г. был проведен Первый Всебелорусский съезд, созданный Великой Белорусской Радой. На съезде декларировались идеи независимости Белоруссии, была провозглашена Белорусская Народная Республика. Одним из лозунгов БНР стал «*Няхай живе вольная Беларусь!*» (популярен в БНР был лозунг Михася Чарота «*Не пакідайце ж мовы нашай беларускай, каб не ўмёрлі!*»). Гербом БНР стал символ Великого княжества Литовского «Погоня», флаг представлял собой бело-красно-белые линии («БЧБ» – сокращенное наименование цветов флага на белорусском языке *бела-чырвона-белы сцяг*). Во время немецкой оккупации на территории Беларуси его использовали коллаборационисты, лояльные к Германии, в наши дни флаг стал символом политических протестов против действующей власти). «Эфемерная БНР просуществовала всего несколько месяцев, растворившись в воздухе в конце 1918 года вместе с поражением Германии в войне. Но благодаря ее пустым прокламациям

³⁵ Лисицин А. Против «москалей». О чем не говорили советские историки. РИА Новости. 28.02.2021. Режим доступа: <https://ria.ru/20210226/kalinovskiy-1598990220.html>

о белорусском национализме узнали в Москве и Варшаве, и когда в 1919 году на этой территории началась советско-польская война, каждая из сторон была готова поддержать появление белорусской нации, чтобы использовать ее против соперника»³⁶. В ходе советско-польской войны 1919–1921 гг. территория Беларуси была разделена между Советской Россией и Второй Речью Посполитой.

Большевики отказались от концепции «триединого народа», на смену ей пришел «братский белорусский народ». Беларусь получила республиканский статус, зафиксированный в советских Конституциях. В западных территориях современной Беларуси, по итогам Рижского мира попавших в состав Польши, проводилась политика колонизации населения, особенно усилившаяся после майского переворота и прихода к власти Ю. Пилсудского в 1926 г. СССР в это время проводил политику коренизации, сменившуюся политикой русификации в Белорусской ССР. Формирование современных границ Беларуси произошло в период Второй мировой войны (Польский поход РККА 1939 г. и соглашение Сталина с союзниками об установлении восточной границы Польши с передачей ей района Белостока, выведенного из состава БССР). В послевоенный период республика, жестоко пострадавшая от немецкой оккупации, восстанавливала экономику с помощью всей страны и получила известность в качестве «сборочного цеха Советского Союза».

Для национальной идентичности Беларуси важна ретроспективная ориентация, но в зависимости от ценностных ориентаций «золотой век» для разных групп граждан различен: одни видят его в Полоцком княжестве, другие – в Речи Посполитой, третьи – в Белорусской Советской Социалистической Республике.

Социальные размежевания как фактор формирования национальной идентичности

Исследователи отмечают наличие в Беларуси социальных размежеваний разной природы – территориальных, религиозных, поселенческих, межпоколенческих, имущественных. В то же время отмечается, что социальное неравенство и расколы в Беларуси выра-

³⁶ Саморуков М. Кто и когда придумал белорусов. Рецензия на книгу «Взлет и падение белорусского национализма». Режим доступа: <https://carnegiemoscow.org/commentary/81819>

жены гораздо слабее, чем в других бывших советских республиках и в странах ЕС, что связано с проводимой белорусским государством социальной и экономической политикой и процессами государственного строительства³⁷. Так, в 2015 г. децильный коэффициент (отношение доходов 10% самых богатых групп населения к доходам 10% самых бедных граждан) в Республике Беларусь был равен 6,1; для сравнения, значение децильного коэффициента составляло в 2015 г. в России 15,6 и в Польше 12,1.

Заметную роль играет размежевание между городским и сельским населением Беларуси: в городах более выражены модернизационные тенденции и ориентация на широкое использование информационных технологий, в то время как в сельской местности сильнее выражены традиционализм и стремление к социальной и политической стабильности³⁸.

Наиболее значимыми в контексте политики идентичности представляются межрегиональные расколы. В западных регионах Беларуси, в частности, в г. Гродно и прилегающих областях, традиционно более сильны прозападные ориентации, в то время как на востоке и в центре Беларуси более выражены пророссийские настроения и связанные с этим проявления идентичности. «Эти разделения, усиливавшиеся по мере деградации в 2000-х – 2010-х гг. советской идентичности и естественной смены поколений, отразились и в “многовекторной” внешней политике Беларуси при А. Г. Лукашенко, и в постоянном балансировании во внутренней политике между умеренным белорусским национализмом и интеграцией с Россией, и в попытках сочетать политику формирования одновременно этнической и гражданской идентичности»³⁹. Этот территориальный кливаж дополняется религиозным размежеванием. По данным МИД Беларуси, в 2015 г. 58,9% населения страны считали себя верующими, из них 82% были православными, 12% – католиками, 6% – представителями других конфессий. «Католики активно апеллируют к национальному самосознанию белорусов и проводят службы в костелах преиму-

³⁷ Пантин В. И., Лапкин В. В. Государственное строительство в Республике Беларусь. Роль социальных размежеваний и политических разделений // Южно-российский журнал социальных наук. 2022. № 2.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

щественно по-белорусски. Этим они противопоставляют себя православию, которое не представлено автокефальной церковью в Беларуси и не акцентирует внимания на национальной и языковой идентичности прихожан»⁴⁰.

В первые десятилетия XXI в. появились значимые поколенческие размежевания, что связано с практиками политического участия «цифрового поколения» и деградацией прежней советской идентичности в результате смены поколений.

Зигзаги политики идентичности

Период с конца 1980-х до середины 1990-х гг. был отмечен курсом на возрождение белорусской культуры и языка, он включал расширение использования белорусского языка, создание национально ориентированной концепции изучения прошлого Беларуси и пр. и продолжался до проведения общенационального референдума в мае 1995 г. Апелляции к благополучному советскому прошлому были задействованы как электоральный ресурс А. Лукашенко на президентских выборах в 1994 г. Избранный Президент РБ взял курс на сближение с Россией, русскому языку был придан статус государственного, фактически доминировавшего в сфере государственного делопроизводства и бизнеса.

Одним их значимых изменений стало возвращение в результате референдума 1995 г. советского герба и флага взамен «Погони» и «бело-червоно-белого» флага, который признан в современной Беларуси экстремистской символикой. Взамен «белорусских зайчиков» (так именовали белорусские рубли начала 1990-х, где были изображены животные, населявшие Беларусь, – белка, заяц, зубр, медведь) с середины 1990-х гг. были введены в обращение белорусские рубли с изображением таких символов, как Холмские ворота Брестской крепости, Национальный театр, Дворец Спорта, Республиканский Дворец культуры профсоюзов. В отличие от большинства бывших республик СССР (включая Россию), по инициативе Лукашенко, в Беларуси 7 ноября является выходным днем и отмечается как «День Октябрьской революции».

⁴⁰ Амосова Т. Языковая политика в Белоруссии: прошлое и настоящее. Режим доступа: <http://jewishfreedom.org/page431.html> (дата обращения: 15.11.2022).

Отсутствие ярко выраженной стратегии, направленной на обеспечение доминирования национальной этнической идентичности, в конечном счете способствовало продвижению стратегии белорусской гражданской нации, к которой себя относят как белорусы, так и русские, и которая в массовом сознании воспринимается как продолжение «советского народа Беларуси».

Беларусь на фоне «Ленинопада» в Украине и других бывших советских республиках отличается бережное отношение к символам советской эпохи. Как отметил А. Лукашенко, «страна не отреклась от своего исторического прошлого, в Беларуси не было случаев сноса памятников советской эпохи, в отличие от соседних Украины и России»⁴¹. Возвращение советских символов, как и ностальгическая риторика, были призваны расширить социальную базу поддержки А. Лукашенко.

Что касается многовекторной внешней политики, в 1990-е гг. А. Лукашенко воздерживался от резких высказываний в адрес Европы и США, акцентируя внимание общественности на социально-экономических аспектах (преодоление кризисных тенденций в экономике и поддержка населения). «Многовекторность» Беларуси выразилась в стремлении балансировать между ЕС, НАТО и Россией на протяжении первых двух десятилетий XXI в., поочередно сближаясь то с ЕС и США, то с Россией. Участие РБ в подготовке и безуспешных попытках реализовать Минские соглашения стало кульминацией этой многовекторности.

Разгон оппозиционного митинга в Минске после президентских выборов 2010 года вызвал резкую критику в ЕС и США. Представители российского посольства поддерживали официальные власти Беларуси, расценив их действия как предотвращение «цветной революции». Усилились обвинения в адрес белорусской оппозиции в сотрудничестве с Западом, а лидеры протеста 2010 года были обвинены в организации массовых беспорядков и приговорены к тюремным срокам. В речи 9 мая 2011 г. А. Лукашенко фокусировал внимание на вопросах безопасности и «вмешательстве во внутренние дела суверенных государств», что увязал с событиями Великой Отечественной войны, упомянув, что «вновь торжествует

⁴¹ Лукашенко рассказал, почему не сносят памятники Ленину. Режим доступа: <https://www.the-village.me/village/city/news-city/278271-leninopad>

первобытный принцип: кто сильнее, тот и прав, вновь втаптывается в землю священное право народов самим определять свою судьбу... лидеры известных стран принимают решение о бомбежке мирных городов, обрекая на смерть тысячи и тысячи мирных женщин, детей и стариков, при этом называя себя демократическими государствами»⁴². Таким образом, после осложнения отношений с ЕС и США А. Лукашенко усилил формирование образа «врага» в лице «Запада» (фоном этих событий выступали «Арабская весна» и незавидная судьба М. Каддафи), стремящегося подорвать базовые основы белорусской государственности в виде суверенитета и особого пути, «права самим определять свою судьбу».

Окончание периода «многовекторности» следует отнести к концу лета – началу осени 2020 г., когда разгоны протестов в Беларуси после президентских выборов 9 августа привели к санкциям со стороны стран Запада в отношении Беларуси и сближению Минска с Москвой, оказавшей поддержку Беларуси и признавшей легитимными результаты президентских выборов 2020 года. Закрепление нового статуса Минска как близкого союзника России произошло после начала специальной военной операции. Данное обстоятельство привело к санкциям со стороны ЕС и США не только в отношении России, но и Беларуси, которая рассматривается западными странами как участник вооруженного конфликта.

Беларусь является членом ОДКБ и ЕАЭС, в 2023 г. с большой долей вероятности оформит полноправное членство в ШОС, а также прорабатывает вопрос присоединения к формату БРИКС. Участие в данных интеграционных объединениях закладывает ясный вектор внешней политики РБ, позволяет успешно развивать двусторонние и многосторонние отношения со странами-партнерами, получать дополнительные возможности для развития экономики и обеспечения безопасности.

Политика памяти в формировании белорусской идентичности

«Мифом основания» в современной политике памяти является существование Полоцкого княжества – исторического прообраза современной белорусской государственности. На праздновании

⁴² Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=GVYploBQqIs>

Дня независимости А. Лукашенко заявил: «Уже тогда, 1155 лет назад, Полоцк был известным торговым и административным центром славянской Европы. А Полоцкое княжество – наша историческая колыбель – мирным, трудолюбивым и дружелюбным государством. Уже тогда его жители самостоятельно определяли свою судьбу. На народном вече выбирали вождей из числа самых мужественных и мудрых представителей своей земли, а ведь в то время ко многим народам государственность пришла вместе с варягами. Далеко не всем было по нраву стремление наших предков быть самостоятельными»⁴³.

Историк и политик И. Марзлюк на вопрос Президента РБ «Кто мы и откуда?» ответил достаточно эмоционально: «Мы из исторической Руси, из единой купели восточнославянской. Мы – сердце славянской Европы. Древнеславянский язык, исходная матрица славянская, – она как раз из Беларуси. Мы вместе с побратимами создали древнейшее государственное образование»⁴⁴.

Знаковым историческим событием в политической идентификации Беларуси остается Великая Отечественная война. По мнению исследователей, «историческая память о Великой Отечественной войне является ключевой для формирования белорусской национальной идентичности, наиболее устойчивым и артикулированным комплексом в представлениях о прошлом жителей Беларуси»⁴⁵. В белорусском обществе сложился консенсус по поводу памяти о Великой Отечественной войне и об огромных жертвах белорусского народа (в войне погибли около 25–30% населения Белоруссии). Попытки политической оппозиции использовать памятные даты в своих интересах (например, 80-летие трагедии Хатыни в 2023 г.) воспринимаются обществом как кощунственные. На Параде Победы Лукашенко и официальные лица использовали «белорусскую ленточку» (в красно-зеленых тонах национального флага республики), которая стала именоваться «Цветок Великой Победы». Начиная с 2015 г. «белорусская ленточка» стала офици-

⁴³ Лукашенко: Полоцкое княжество – наша историческая колыбель. Режим доступа: <https://news.tut.by/society/549720.html> (дата обращения: 17.10.2017).

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Ластовский А. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой. Режим доступа: <http://polit.ru/article/2010/07/19/belorus/> (дата обращения: 17.10.2017).

альным символом Дня Победы. В современной Беларуси «память о войне наполнена иным содержанием: укреплению национальной идентичности способствует концентрация риторики на роли белорусского народа в победе над фашизмом»⁴⁶. Великая Отечественная война остается в центре внимания белорусской кинопродукции: киностудия «Беларусьфильм» выпустила серию фильмов о Великой Отечественной войне, таких как «Днепровский рубеж», «Брестская крепость», «В июне 1941», «Последний бронепоезд» и т. д.

Изменение векторов политики идентичности в Беларуси вылилось в учреждение нового праздника – «Дня народного единства», который впервые отмечался 17 сентября 2021 г.⁴⁷ (День народного единства в России был введен в 2005 г.) Праздник в Беларуси приурочен к польскому походу Красной армии 17 сентября 1939 г., когда западные территории современной Беларуси вошли в состав БССР. Это вызвало крайне негативную реакцию в Польше, рассматривающей события сентября 1939 г. как трагическую веху своей истории.

Ключевая роль в формировании национальной идентичности отводится системе образования, в том числе преподаванию предметов социально-гуманитарного цикла. На сайте Президента Беларуси размещена презентация священника Федора Повного, посвященная науке и образованию: «Образование всегда создавалось для ретрансляции ценностей. Каких – это испокон веков решает власть. Хорошо, если своя, а, простите, не забугровая. Нет и не было нейтрального образования, развивающегося вне государственных интересов». Автор презентации напоминает, как «в 1990-х поменялись предметы в вузах. Остались лишь точные науки, ведь уравнения не переделаешь. Все другие подчинились либеральным ценностям “господ”, решающих судьбу мира»⁴⁸.

Формирование общих исторических нарративов, чувства сопричастности к судьбе своего народа особенно важно в усло-

^{46 46} Ластовский А. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой. Режим доступа: <http://polit.ru/article/2010/07/19/belorus/> (дата обращения: 17.10.2017).

⁴⁷ В Беларуси впервые отмечают День народного единства. Режим доступа: <https://rg.ru/2021/09/15/v-belarusi-vpervye-projdet-den-narodnogo-edinstva.html>

⁴⁸ Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/otkrytyy-urok-istoricheskaya-pamyat-doroga-v-budushchee>

виях «определенной фрагментарности духовно-культурного пространства Беларуси. Коллективная память и историческая наука превратились в арену борьбы не только представителей исторических школ и направлений, но и политических сил, власти и оппозиции. Вопрос о том, какие события нужно отмечать, каких героев чествовать, часто из научно-исторической плоскости переходит в политическую плоскость»⁴⁹.

Политика идентичности на протяжении 1990-х – 2010-х гг. в значительной мере была связана с преобладанием советской идентичности, с замедленной политизацией существовавших социальных размежеваний, с отсутствием острых социальных, языковых и культурных конфликтов⁵⁰. Вместе с тем в современном белорусском обществе существуют выраженные социальные размежевания, политизация этих размежеваний проявилась в ходе и после президентских выборов 2020 г.

Дезориентация части населения в результате противоречивой политики идентичности и «многовекторной» внешней политики привела в 2020 г. к трансформации размежеваний в белорусском обществе в открытое политическое противостояние, которое грозило перерасти в «цветную революцию». Значительная часть белорусского общества увидела в этих попытках покушение на суверенитет своей страны и серьезную угрозу белорусской экономике⁵¹. Результаты референдума по поправкам к Конституции Беларуси в феврале 2022 г. могут рассматриваться как выражение отношения граждан к действующей власти. Согласно данным ЦИК Беларуси, при явке 78,63% от имеющих право голоса за принятие изменений и дополнений Конституции проголосовали 82,86%, 12,78% участников референдума высказались против изменений, еще 4,36% бюллетеней были признаны недействитель-

⁴⁹ Шадурский В. Г. Историческая политика в Республике Беларусь: этапы развития и версии интерпретации прошлого. Режим доступа: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/108573/1/shadurski_Trudy_2014.pdf (дата обращения: 17.10.2017).

⁵⁰ Семенов И. С., Лапкин В. В., Пантин В. И. Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 56–77. DOI: 10.17976/jpps/2021.05.05.

⁵¹ Пантин В. И., Лапкин В. В. Государственное строительство в Республике Беларусь. Роль социальных размежеваний и политических разделений // Южно-российский журнал социальных наук. 2022. № 2.

ными⁵². Таким образом, за принятие поправок к Конституции Беларуси проголосовали 65,16% от внесенных в списки для голосования, или почти две трети взрослых граждан, имеющих право голоса. Будущее РБ зависит от своевременности политико-управленческих ответов на вызовы времени, от уровня политической зрелости белорусского общества и белорусской элиты, последовательной политики идентичности.

Вопросы для обсуждения:

1. Можно ли говорить о культурно-цивилизационной специфике Беларуси?
2. Чем объясняется «мягкий» характер политики этнизации в Беларуси?
3. Какие факторы влияют на идентификационные различия в современной Беларуси?
4. Какие векторы политики идентичности в Беларуси можно считать устойчивыми? Аргументируйте свой ответ.

Литература

1. Амосова Т. Языковая политика в Белоруссии: прошлое и настоящее. Режим доступа: <http://jewishfreedom.org/page431.html>
2. Баринов И. И. Белоруссия в тисках памяти: историческое наследие и национальная государственность // История и современность. 2019. № 2. С. 107–123. DOI: 10.30884/iis/2019.02.05.
3. Коктыш К. Е. Белоруссия: новая геополитическая реальность? // Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 91–110. DOI: 10.17976/jpps/2021.03.07.
4. Ластовский А. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой. Режим доступа: <http://polit.ru/article/2010/07/19/belorus>
5. Науменко Л. И. Белорусская идентичность. Содержание. Динамика. Социально-демографическая и региональная специфика. Минск: Белорусская наука, 2012.
6. Национальные истории на постсоветском пространстве / под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М., 2009.
7. Семененко И. С., Лапкин В. В., Бардин А. Л., Пантин В. И. Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском

⁵² ЦИК утвердил итоги референдума: за изменение Конституции высказались 82,86% участников голосования. БЕЛТА. 3 марта 2022 г. Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/tsik-utverdil-itogi-referenduma-za-izmenenie-konstitutsii-vyskazalis-8286-uchastnikov-golosovaniya-488321-2022/>

пространстве // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 54–78. DOI: 10.17976/jpps/2017.05.05.

8. *Титаренко Л. Г.* Концепция белорусской национальной идентичности в условиях современной многовекторности развития. Режим доступа: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/8152/1/pages%20from%20ph%26ss_2010-4.%2024-30pdf.pdf

9. *Шадурский В. Г.* Историческая политика в Республике Беларусь: этапы развития и версии интерпретации прошлого. Режим доступа: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/108573/1/shadurski_Trudy_2014.pdf

3.5. Проблемная идентичность Молдовы: новые «бои за прошлое»

В постсоветских государствах национальная идентичность и национальная идея конструировались политическими акторами, стремившимися использовать прошлое для самоутверждения, в том числе в противопоставлении соседям и бывшим союзникам. В этих целях своя история переписывалась как наиболее героическая и драматичная.

Крах коммунистической идеологии и отторжение на официальном уровне связанных с ней героев обусловили необходимость поиска пантеона новых героев в собственном прошлом (Тамерлана в Узбекистане, Стефана Великого в Молдове, Самани в Таджикистане, Тиграна Великого в Армении), посредством которых происходит как легитимация новой государственности, так и возвеличивание своего народа.

На примере Молдовы отчетливо видно влияние внешнеполитических акторов на формирование политики памяти и политики идентичности. Как и в других странах постсоветского пространства, после распада СССР и образования независимого государства Молдова здесь актуализировался вопрос конструирования исторической памяти, в которой ключевая роль отводилась Румынии. В официальной символике Республики Молдова делается акцент на общих корнях с Румынией. Так, после образования независимого государства были утверждены схожие с румынскими национальный флаг, гимн (до 1994 г. в Молдове официально был признан в качестве гимна румынский – «Проснись, румын!»), а валюта и в Румынии, и в Молдове именуется лей.

Молдавский культуролог Ирина Цвик провела скрупулезный анализ моделей осмысления прошлого, отразившихся в написании национальной истории Молдовы (Цвик 2009). Она фиксирует и детально иллюстрирует примерами развернувшиеся в Молдове «бои за историю» по линии «свое – чужое», где «свое – румынское: язык, история, государство», а чужое – «советское (русское): советская история, русский язык, Российская империя» (Цвик 2009: 52).

В определении того, что собой представляет Молдова, важнейшее значение имеет оценка событий 1917–1918 гг. и 1940–1950-х. В школьных учебниках истории, написанных в 1990-е гг., нашла отражение концепция «большой румынской нации», но в 2006 г. был введен курс «интегрированной истории», что вызвало протесты «румынистов». В начале 2000-х гг. большая часть политической элиты придерживалась концепции самостоятельного Молдавского государства, во внешней политике доминировал лозунг: «С Россией и с Европейским союзом».

Радикальная оппозиция предпочитала румыноцентричную и русофобскую модель. В научной среде появились «младо-историки», которые делали акцент на румынской идентичности как составном элементе идентичности европейской и называли себя румынофилами, но не русофобами. Но политическая борьба в 2009 г. в ходе выборов президента и парламента существенно обострила дискуссии по поводу национальной идентичности и вектора развития Молдовы.

Дискуссия о постсоветском прошлом приобрела широкий размах, в нее включились не только профессионалы, но и таксисты и домохозяйки. Эксперты отмечают, что молдавская публика демонстрирует политизированность, интерес к оценке прошлого, резкий критический настрой к элите: «они» учились на Западе, прошли «промывку мозгов», в результате чего утратили национальные чувства, интерес к своей стране и готовы отдать ее «хоть когда и кому угодно»; «обеспечили себе ресурсы за рубежом»; «равнодушны к судьбе страны»; «им бы только успеть пересечь границу», «мы не знаем, в какой стране проснемся завтра»⁵³.

⁵³ Экспертные интервью, взятые авторами 23, 27, 20, 31 августа 2016 г.

Школьный учебник как инструмент политики идентичности

С 1990 по 2006 г. в молдавских школах в качестве обязательного преподавался курс «История румын», где подрастающее поколение усваивало со школьной скамьи, что молдаване по сути своей есть румыны, несправедливо отделенные от своей «Родины-Матери». На протяжении 1990-х гг. молдавская национальная идентичность в значительной мере отождествлялась с румынской. Приход к власти коммунистов во главе с В. Ворониным сдвинул тренд в пользу формирования промолдавской национальной идентичности. Победа на парламентских выборах праволиберальной коалиции в 2009 г. вновь реанимировала процесс румынизации, который нашел отражение в образовательной политике. Так, в 2011 г. Министерство образования Молдовы приняло решение о возобновлении обязательного школьного курса под названием «История румын и Всемирная история». При этом Бухарест взял на себя финансирование переоснащения молдавских школ. По заявлению посла Румынии в Молдове Мариса Лазуркэ, Румыния уже отправила 450 тысяч отпечатанных в Бухаресте учебников по «Всемирной истории» и «Истории румын», которые будут единственным рабочим материалом для учащихся. Министр просвещения Молдовы Михай Шляхтицкий проинформировал СМИ о том, что учебники по «Истории румын» и «Всеобщей истории» будут переизданы при поддержке правительства Румынии.

В школьных учебниках по курсу «История румын и всемирная история» разделение Румынии и Молдавии оценивается как историческая погрешность, имеющая искусственный характер. В период независимости происходили неоднократные переоценки ключевых событий молдавской истории. Общим в трактовке истории Молдовы является признание «золотым веком» правления Штефана III Великого (1457–1504), причисленного к лику святых. В честь правителя Молдавского княжества Штефана Великого названа центральная улица Кишинева, а на главной площади города ему воздвигнут памятник. Профиль Штефана Великого есть на молдавском лее, изображения святого Штефана украшают молдавские храмы. Штефан III остался в памяти как великий полководец и собиратель молдавских земель. «Стремясь к консолидации

государства, ослабленного внутренними усобицами и вторжением польских панов, венгерских князей и турецких захватчиков, Штефан Великий восстанавливал и укреплял автократическое правление и расширял пределы господарской власти»⁵⁴. Последующая история оценивается если не как упадок, то как некое движение по нисходящей линии, где молдаване и молдавско-румынское государство страдали от внешних агрессоров.

Так, при описании Русско-турецких войн второй половины XVIII в. в учебниках «История румын и всеобщая история» продвижение российской армии описывается как акт насилия в отношении местного населения: «Российские военные части во главе с генерал-фельдмаршалом Б. К. Минихом повели себя в Молдове, подобно туркам и татарам, как настоящие захватчики» (История румын... 2002). Присоединение Бессарабии к России в 1812 г. в школьных учебниках трактуется как «аннексия», после которой «Бессарабия, так и соседние с ней губернии юга Украины составляли внутреннюю колонию...» (История румын... 1999). Понятие «аннексия» в отношении присоединения Бессарабии к России в 1812 г. имеет устойчивую форму и сохраняется в школьных учебниках разных лет. Так, словосочетание «аннексия Россией Бессарабии» присутствует в учебниках 1999, 2002 и 2015 гг., выражение «царская оккупация (1812–1918)» используется в экспозиции Национального музея истории Молдовы.

Восприятие событий 1812 г. в качестве оккупации Молдовы русскими транслируется рядом молдавских политиков. Экспрезидент Молдовы, лидер Либеральной партии Михай Гимпу предложил объявить 16 мая днем национального траура, заявив, что «16 мая 1812 года Царская Россия подписала с турками договор и аннексировала Бессарабию, надвое разрезав сердце Молдавского княжества... с оккупацией 1812 года связано все, что мы имеем сейчас: нищета, коррупция, коммунизм». С ним согласен другой экс-президент Молдовы, лидер Демократической партии Мариан Лупу, который также утверждает, что «Молдова была оккупирована в 1812 году», хотя он и декларирует, что «не поддерживает политизацию исторических дат». Попытки увязать

⁵⁴Штефан III Великий. Режим доступа: <http://m.moldovenii.md/ru/people/684/> (дата обращения: 12.02.2017). Эти и последующие ссылки на СМИ см.: Фадеева, Плотников 2017.

проблемы современной Молдовы с «первой оккупацией 1812 года» наблюдаются у ряда других политиков. Критика России в связи с «оккупацией» Бессарабии в 1812 г. увязывается с текущей политикой России в регионе. Так, в канун 200-летия заключения Бухарестского договора Президенту России были направлены письма от представителей правящей на тот момент Либеральной партии, где указывалось, что «вхождение в состав России в 1812 году стало для молдаван трагическим событием». Трагедия, по мнению авторов послания, не закончилась до сих пор. «Русские войска все еще оккупируют часть суверенной территории Республики Молдова на левом берегу». Вывести российские войска из Приднестровья требовали участники «траурного марша», приуроченного к 200-летию вхождения Бессарабии в состав России.

В то же время представители коммунистической партии Молдовы и их лидер – экс-президент Владимир Воронин – оценивали 1812 год как «год освобождения нашей земли от Османского ига и воссоединения с духовно-близкими братьями по вере». С ним согласен лидер социалистической партии Молдовы, избранный президентом в 2016 г., Игорь Додон, который заявил, что «200 лет “русской аннексии” были скорее благотворными, чем наоборот». Стремясь повлиять на восприятие этих событий, российские официальные лица участвуют в проведении различных круглых столов и конференций. Например, в мае 2012 г. Ассоциация историков и политологов «pro-Moldova», информационно-аналитический портал ava.md, фонд «Содружество» и Российский центр науки и культуры в Республике Молдова провели совместный круглый стол по итогам научной конференции «Присоединение Бессарабии к России в свете многовекового молдаво-российско-украинского сотрудничества», на котором присутствовали представители МИД РФ в Молдове. В молдавской прессе публиковались материалы о молдавских добровольцах, сражавшихся на стороне России против Турции.

Другим историческим событием, используемым современными политиками Молдовы для легитимации своих внешнеполитических действий, является включение Бессарабии в состав Румынии в 1918 г., которое трактуется в учебниках «истории румын» как исторически закономерный процесс объединения румынских земель, стоящий в одном ряду с объединением Валашского и Мол-

давского княжеств или объединением Буковины и Трансильвании с Румынией. В учебниках это преподносится как «Великое Объединение» и «национальный праздник Румынии» (История румын... 1999: 104; История румын... 2014: 194), как отклик Бухареста на призывы местных румын с гуманной целью защиты своих соотечественников (История румын... 2013: 57).

Российская империя, как и Советский Союз, представлены в учебной литературе Молдовы в качестве деспотий, где господствовал национальный гнет, в противопоставлении политическому режиму в Румынии как «демократическому конституционному государству на протяжении 1923–1938 гг.». В логике этого повествования включение в состав СССР Бессарабии в 1940 г. воспринимается как очередной акт агрессии со стороны России, называемый «реаннексией Бессарабии» (История румын... 2014: 94). В таком же духе описываются события Второй мировой войны; так, в параграфе «Румынская армия в антисоветской войне» объясняется, что «Румыния, вместе с Германией и ее сателлитами, действовала поначалу с целью возвращения Бессарабии и Северной Буковины, а затем послала войска вглубь территории СССР, в результате чего оказалась в состоянии войны со всеми крупнейшими державами Сообщества Объединенных Наций». Вторжение румынских войск вглубь территории СССР объясняется военной необходимостью. Ион Антонеску на страницах учебников характеризуется как «румынский государственный и военный деятель, маршал, премьер-министр Румынии в 1940–1944 годах, который вступил в войну на стороне нацистской Германии с целью возврата Бессарабии и Буковины» (История румын... 2002: 278). Ни в одном из учебников не упомянуто о взятии Берлина войсками Красной Армии, хотя в них описаны сражения в Северной Африке, высадка в Нормандии и т. д.

Послевоенное развитие рассматривается в учебниках как бесконечная череда бесчеловечных экспериментов советской власти над населением, в то время как постсоветский период развития Молдовы озаглавлен «Республика Молдова – 20 лет независимости. Европейский курс интеграции Республики Молдова» (История румын... 2013: 133). Таким образом, данная модель истории Молдовы представлена через систематические попытки России захватить земли и поработить народ, в то время как население Бессарабии

на протяжении столетий тянулось к своей исторической матери – Румынии.

Политические баталии вокруг идентичности

Официальная трактовка истории страны стремится легитимировать курс на сближение Молдовы с ЕС (флаг ЕС, наряду с молдавским, украшает большинство правительственных зданий в Кишиневе), охлаждение отношений с Россией и политику румынизации, особенно характерную для Михаила Гимпу как и. о. президента Молдовы в 2009–2010 гг. В мае 2010 г. М. Гимпу отказался ехать на Парад Победы в Москву, а затем издал указ «О провозглашении 28 июня 1940 года днем советской оккупации», который предусматривал отказ от проведения культурно-развлекательных мероприятий и возложение цветов к могилам, памятникам и мемориалам жертв советской оккупации и коммунистического режима. По этому случаю перед Домом правительства был установлен памятный камень, открытый 28 июня 2010 г. Апелляция к истории была призвана обеспечить общественную поддержку требования вывода российских войск из Приднестровья. Бурная общественная реакция на действия и. о. президента в конечном счете привела к признанию этого указа неконституционным, по решению Конституционного Суда Молдовы. Тогда летом 2012 г. Либеральная партия (возглавляемая М. Гимпу) зарегистрировала в парламенте законодательную инициативу, касающуюся осуждения тоталитарного коммунистического режима и запрета коммунистической символики.

М. Гимпу использовал историческую память в качестве обоснования сближения Молдавии и Румынии. Он подарил премьер-министру Румынии карту этой страны образца 1918–1940 гг., на которой Молдова изображена румынской провинцией. При этом сближение с Румынией, с позиции политика, является исторической закономерностью, которой не может помешать Россия. «Объединение произойдет. Когда – это уже другой вопрос». Президент Молдовы Николае Тимофти призвал парламент отменить 13-ю статью Конституции, провозглашающую официальным языком Молдовы молдавский.

Возросшее влияние Румынии в отношении молдавской идентичности объясняется и тем, что «молодые румыно-говорящие

чиновники из МИДа часто проводили время в Бухаресте, обучаясь в румынских национальных школах по направлению изучения политики и государственного управления, становясь, с течением времени, новым поколением профессионалов во внешней политике». Посвященный Молдове раздел книги Фэйвена озаглавлен так: «Маркировка временем в срединной земле: оспариваемая идентичность и молдавская внешняя политика».

По вопросу объединения Румынии и Молдовы в одно государство «за» выступают «унионисты», против – «молдовенисты», хотя основная масса населения Молдовы выступает против объединения двух государств. Особенно негативно настроены в отношении идеи объединения Молдовы и Румынии в одно государство многочисленные национальные меньшинства Молдавской Республики (гагаузы, болгары и т. д.).

В то же время вступление Румынии в ЕС усилило стремление граждан Молдовы приобрести румынское гражданство, поскольку это облегчает молдаванам трудоустройство в Евросоюзе. Официальный Бухарест активно выдает румынские паспорта гражданам Молдовы с целью расширения своего влияния в этой стране. Конституционный Суд Молдовы в декабре 2013 г. официально признал государственным языком Молдавии румынский язык. Языковой вопрос и тенденции румынизации Молдовы существенным образом отразились на росте напряженности в Приднестровье в период распада СССР, а также в современной Гагаузии, где основные языки – гагаузский и русский. И в Приднестровье, и в Гагаузии российские исторические деятели, такие как А. В. Суворов, М. И. Кутузов и Екатерина Великая, остаются значимыми фигурами, города украшены лозунгами и плакатами в поддержку дружбы с Россией.

Россия оказывает поддержку образовательной системе ПМР, что находит выражение в поставке учебной литературы, в которой мирным и созидательным периодом истории Молдовы считается существование в рамках российского и советского государства. Такой исторический фокус способствует легитимации пророссийского курса официального Тирасполя, что поддерживается общественным мнением (Цвятков 2016).

Отдельное место, как в политическом, так и культурном плане, в Молдове занимает Гагаузия. В Гагаузии Россия имеет большое влияние, а регион часто воспринимается как пророссийский. Об этом свидетельствует проведение 2 февраля 2014 г. «консультативного референдума» о внешнеполитическом тренде республики, где подавляющее большинство высказалось «за восточный вектор внешней политики Молдовы и против вступления в ЕС» (Цвятков 2015). Более того, гагаузы проголосовали за право выйти из Молдовы в том случае, если она войдет в состав Румынии. Этому способствует совокупность обстоятельств, в том числе экономических. Экономические преференции для Гагаузии были получены после встречи в Москве башкана Гагаузии И. Влах и вице-премьера России Д. Рогозина в мае 2015 г. Формирование региональной идентичности находит отражение в создании собственных учебников истории, где говорится, что наша Родина – Молдова, а малая Родина – Гагаузия. Внедрение школьных курсов по истории края – сложный процесс, в котором Комрат наталкивается на противодействие со стороны Кишинева.

В целом Россия остается для русскоязычного населения Молдовы притягательной страной как для получения образования, так и для трудоустройства. Несмотря на различные интерпретации истории Молдовы и российско-молдавских отношений, в честь русских классиков названы улицы в центре молдавской столицы, действуют благотворительный и просветительский фонд имени А. С. Пушкина и дом-музей поэта, одна из библиотек Кишинева носит имя М. В. Ломоносова. В ряде школ изучается предмет «История, культура и традиции русского народа», инициированный русскими общинами Молдовы и поддержанный российскими академическими кругами. В рамках этого курса Россия трактуется в качестве защитницы христианских народов Балкан от Османской империи (Попов 2013: 195). Поддержку русскоязычному населению Молдовы оказывает русский интеллектуальный центр в Молдове, который инициирует ряд образовательных программ, в том числе организуя дистанционное обучение, что дает возможность молдавским школьникам подготовиться к сдаче ЕГЭ и поступить в российские вузы.

Глубокий социально-политический раскол молдавского общества и политического класса относительно трактовок собственного прошлого позволяет активнее действовать внешнеполитическим игрокам. Исторические трактовки напрямую сказываются на формировании внешнеполитической идентичности и выборе партнеров по взаимодействию. Конфликт экс-президента Игоря Додона с парламентом развернулся по поводу инициативы ряда депутатов внести поправки в закон, объявив 9 мая Днем Европы, в то время как другие настаивали, что этот день должен остаться Днем Победы. Додон стремился восстановить баланс в отношениях Молдовы с Россией и ЕС, считая, что его предшественники неправомерно и неразумно нарушили этот баланс.

На состоявшихся в ноябре 2020 г. президентских выборах победу одержала представительница «роевропейских сил» гражданка Румынии и Молдовы и экс-министр образования Майя Санду, обойдя И. Додона во втором туре. В период ее президентства укрепилось стратегическое сотрудничество между Румынией и Молдовой, включая гуманитарную сферу. Майя Санду настаивает на изменении Конституции Молдовы с целью переименования официального языка страны с молдавского на румынский, указывая, что «фактически речь идет об одном и том же языке». В поздравительных сообщениях, приуроченных ко Дню национального единения Румынии, Санду пишет, что любит Румынию «за румынский язык, в котором мы выросли, как в отчем доме, и за общую историю – историю мужества и борьбы за свободу». Активно и целенаправленно проводя курс на сближение с ЕС и добившись статуса кандидата в члены ЕС, поддерживая общеатлантический антироссийский нарратив, по вопросу объединения Румынии и Молдовы М. Санду признает наличие острого раскола в молдавском обществе. 2 марта 2023 г. парламент Молдовы принял в первом чтении законопроект о переименовании государственного молдавского языка в румынский. Также предполагается, что День румынского языка будет отмечаться в День национального языка Молдовы. Это решение вызвало новое обострение политического противостояния.

Таким образом, на протяжении постсоветского периода Молдова стремилась лавировать между ключевыми региональными

акторами, постепенно отдаляясь от России по мере расширения ЕС и роста конфликтности на постсоветском пространстве. Нынешний рост напряженности вокруг Украины происходит на фоне острого внутривнутриполитического раскола в молдавском обществе по проблемам национальной самоидентификации. В этих условиях наблюдается активный дрейф Молдовы в сторону ЕС и НАТО. Расколы относительно базовых идентификационных характеристик в молдавском обществе накладываются на этно-территориальные размежевания и особые отношения Гагаузии с Турцией и Россией, а также фактическую независимость Приднестровья.

Вопросы для обсуждения:

1. Какое значение для национально-государственной идентичности Молдовы имеют интерпретации истории?
2. Каково влияние внешнеполитических факторов на идентичность молдаван?
3. Как сказывается внутривнутриполитическая борьба на политике идентичности в Молдове?
4. Влияет ли проводимая правительством Молдовы языковая политика на национально-государственную идентичность граждан страны?

Литература

1. Агульников С., Булгар С. История родного края. Буджак. Древнейшая история Буджака. Уч. пос. для учащихся и преподавателей. Гагаузия. Комрат, 2014.
2. Ачкасов В. А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций. Режим доступа: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2013_4/Achkasov_2013_4.pdf
3. Девятков А. В. «Европейский выбор» Молдовы: международный и внутренний контекст // Россия и мир: анатомия современных процессов. М.: Международные отношения, 2014.
4. История Приднестровской Молдавской Республики / под ред. В. Я. Гросула, Н. В. Бабилунги, Б. Г. Бомешко. Тирасполь, 2000. Т. 1–3.
5. Попов Д. Н., Докина С. А., Савельев Ю. Н. История, традиции и культура русского народа. Кишинев, 2013.
6. Фадеева Л. А., Плотников Д. С. Проблемная европейская идентичность Молдовы // Современная Европа. 2017. № 6. С. 132–143.
7. Цвик И. Национальная история Молдовы: модели осмысления прошлого // Национальные истории на постсоветском пространстве – II /

под ред. Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. М.: Библиотека либерального чтения, 2009.

8. *Цвятков Н. В.* Голос Гагаузии. Гагаузская автономия глазами ее жителей. Кишинев: Intellect group, 2015.

9. *Цвятков Н. В.* Голос Приднестровья. Эхо великой страны. Кишинев: Intellect group, 2016.

Глава 4.

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

4.1. Что объясняет понятие «секьюритизация политики идентичности»

В теории международных отношений понятие секьюритизации применительно к идентичности было введено учеными Копенгагенской школы по причине того, что для анализа процессов обострения международно-политической конфликтности оказалось недостаточно рассматривать безопасность только в плане военных угроз. Согласно концепту секьюритизации, политический актор может заявить о наличии угрозы, не только военной, но и политической, экономической, социальной. Секьюритизация как процесс выражается в том, что на основании заявления об угрозе по отношению к идентичности (системе ценностей, традиций) со стороны Значимого Другого выдвигается требование применить меры для устранения угрозы, вплоть до чрезвычайных, т. е. лежащих за пределами установленных политических процедур.

Российские историки и политологи концептуализировали категорию «секьюритизация политики памяти». В коллективной монографии «Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы» авторы, историки и политологи, используют понятия конфликтов памяти, войн памятников, столкновения идентичностей, объясняя это тем, что произошла секьюритизация политики памяти, т. е. ее концептуализация как сферы, связанной с вопросами безопасности. Это касается как общего понимания, интерпретации событий и феноменов, так и языка и терминологии, которые стали использовать в данной сфере.

О. Ю. Малинова трактует секьюритизацию памяти как распространение «представления, что определенное понимание прошлого должно быть зафиксировано в общественной памяти и сознании, дабы защитить идентичность как основу дееспособности политического актора». Она объясняет особую остроту и болезненность споров об истории тем, что идентичности групп нередко

опираются на разные мифы об одних и тех же исторических событиях, мнемонические конфликты воспринимаются особенно эмоционально и нередко с успехом используются для конструирования «другого» как «врага» и в целях негативной мобилизации (Политика памяти 2020: 46).

В данном контексте к продвижению исторических нарративов и «защите памяти» подключаются как государственные, так и негосударственные субъекты. В работе о защите памяти американский исследователь Д. Будрайте поясняет, что «наше» прошлое рассматривается как неправильно понятое «другими», и защита «нашего» становится критически важной... для выживания «нашего» государства.

Секьюритизация политики идентичности – определение политики идентичности в качестве объекта, которому угрожают, прежде всего, внешнеполитические акторы. Политика идентичности переводится в категорию безопасности, она нуждается в защите как в политическом дискурсе, так и в политической практике.

В англоязычной литературе по международным отношениям последних десятилетий широко обсуждается понятие «онтологической безопасности», которая связана с убежденностью в особом предназначении страны; в том, что деятельность государства обусловлена не только национальными интересами, но и более высокими причинами, значимыми для сообщества. Польские исследователи онтологической безопасности (А. Цуранович, П. Шимански) указывают на то, что она определяет миссию сообщества, присущие ему характеристики и ценности; связывает ценности, безопасность и стабильность; обеспечивает преемственность прошлого, настоящего и будущего.

Они утверждают, что после распада СССР, в процессе поиска новой идентичности, прозападный поворот во внешней политике был интерпретирован значительной частью населения как отрицание роли России в качестве крупной державы, суверенной в своих решениях и уважаемой другими. Таким образом, в данной интерпретации онтологическая безопасность относится к потребности индивидов и сообществ в поддержании «связного повествования о Самости (*the Self*)». Идентичность рассматривается как социокультурный фундамент суверенитета государства – как

во внутренней, так и во внешней политике. Понимание мировой политики как сотканной «из смыслов, символов, норм и интерпретаций» (Сергеев, Казанцев 2019) требует от субъектов внешнеполитической деятельности глубокого понимания социокультурных особенностей страны/региона, включая идентичность и политику по ее конструированию.

Исследователи указывают на важность обеспечения в обществе «ценностного и мировоззренческого консенсуса как основы его духовной и информационной безопасности в качестве составных частей комплексной национальной безопасности государства» (Блохин 2019: 286). В научном дискурсе появилось понятие ценностного суверенитета, под которым понимаются выработанные обществом в течение длительного исторического отрезка нормы, традиции, правовые обычаи, которые не должны оцениваться с точки зрения внешних эталонов, претендующих на универсальность (Сургуладзе 2019: 245–250).

Секьюритизация политики идентичности предполагает выстраивание внешнеполитического курса, обоснование притязаний на изменение роли в мировой политике, которое происходит за счет обращения к идентичности: новая китайская идентичность и «китайская мечта» Си Цзиньпина, новая пантюркистская идентичность Турции Эрдогана, формула Трампа *MAGA* (*Make America Great Again*). Обвинения со стороны Байдена, что «Дональд Трамп и его сторонники – республиканцы-*MAGA*, это экстремисты, которые несут угрозу основам нашей страны», усиливают эффект секьюритизации политики идентичности в США в преддверии новой избирательной кампании.

Угрозами безопасности являются целенаправленные действия по дискредитации идентичности, т. е. умышленные действия политических акторов по принижению иной национальной, этнической, конфессиональной идентичности и формированию негативного отношения к ней. Дискредитация идентичности является первым шагом к уничтожению базовой системы ценностей, идентификационной матрицы нации или социальной группы. В этом убеждает пример Косово. Политика дискредитации сербской идентичности, проводимая как властями самопровозглашенного Косово, так и структурами ЕС, приводит к эскалации конфликта.

К унижению, испытанному в результате поражения на Косовом поле в 1389 г., добавилось унижение, связанное с грубым изгнанием сербов из Косово в 1990-х гг., поддержкой этого изгнания Западом, фактическим отторжением края от Сербии и признанием Косово независимым государством в нулевых годах, готовностью части сербской политической элиты на любые уступки ради вступления в Евросоюз¹.

Еще одним прецедентом целенаправленного насильственного (и вполне успешного) изменения национальной, религиозной, языковой, культурной идентичности в геополитических целях является драматическая история Галиции и Волыни – части Западной Украины. Более пяти веков находившиеся под давлением и управлением Польши и Австро-Венгрии, их жители, считавшие себя русскими, были оторваны от экономического и культурного развития русского и малороссийского народов. Перерождение Галиции было для Вены и целью, и средством антироссийской политики. Этот проект по насильственному разотождествлению, т. е. по смене идентичности сотен тысяч людей, удался. История показала, что значительная часть населения, элита Галиции оказались враждебно настроенными по отношению к России, что проявляется и в наши дни. Отдельные очаги русскости и русской идентичности в Галиции носят «мерцающий» характер – «в том смысле, что она остаточна, фрагментарна и постепенно затухает, испытывая давление и не ощущая поддержки. Оставшиеся немногочисленные русины сегодня испытывают в Западной Украине громадные трудности и сопротивление в проявлении собственной идентичности»².

Дискредитация идентичности приводит к усилению социальных размежеваний внутри государства, а во внешней политике становится средством секьюритизации политики идентичности, легитимации недружественных действий по отношению к носителям «другой» идентичности.

¹ Митрошенков О. А. Идентичность от теоретического концепта к управленческим воздействиям (социально-философский анализ) // Власть. 2016. № 2.

² Там же. С. 20.

Вопросы для обсуждения:

1. Почему понятие безопасности, опасности и угроз стало распространено на идентичность?
2. Чем объясняется секьюритизация политики памяти?
3. Какие меры может применить политический актор для защиты политики идентичности?

Литература

1. Блохин К. В. Политика идентичности как фактор обеспечения национальной безопасности государства // Власть. 2019. № 4.
2. Европа XXI века. Новые вызовы и риски / под общ. ред. А. А. Громыко, В. П. Федорова. М.: ИЕ РАН; СПб.: Нестор-История, 2017. – 544 с.
3. Касьянов Г. Единый учебник истории ЕС и своя правда Восточной Европы. Режим доступа: <http://www.eedialogue.org/ru/2019/06/22/edinyj-uchebnik-istorii-es-i-svoya-pravda-vostochnoj-evropy>
4. Кочетков А. П. Идентичность в международных отношениях: теоретические основы и роль в мировой политике // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2010. № 1.
5. Мчедлова М. М., Казаринова Д. Б. Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий // Политическая наука. 2020. № 4.
6. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / под ред. А. И. Миллера и Д. В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020.
7. Семененко И. Прошлое на переднем крае политики идентичности // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 11.
8. Сергеев В. М., Казанцев А. А., Медведева С. М. Кризис конструктивизма и методологические проблемы изучения международных отношений // Полис. Политические исследования. 2019. № 5.
9. Сургуладзе В. Ш. Политика идентичности в реалиях обеспечения национальной безопасности: Стратегия, теория, практика: монография. М.: Аналитическая группа «С. Т. К.», 2019. – 400 с.
10. Фадеева Л. А. Политика памяти и идентичности в Европейском союзе: сопряженные понятия, рассогласованные практики // Международная аналитика. 2022. № 2.
11. Фадеева Л. А. Современные вызовы политики идентичности в ЕС // Современная Европа. 2021. № 7.
12. Фадеева Л. А., Плотников Д. С. Опыт мировых войн в политике идентичности и выстраивании стратегии безопасности // Региональные стратегии международной безопасности: Россия, ЕС и Ближний Восток. М.: Научный консультант, 2019.

4.2. Как политика идентичности становится внешнеполитическим инструментом

Одна из важнейших целей политики – формирование и поддержание ориентиров коллективной идентичности. Это важно как для государств, так и для наднациональных сообществ. Так, дискуссия по европейской идентичности ведется с начала 1980-х гг., она обострилась в процессе обсуждения Конституции ЕС и прошедших по этому поводу референдумов в 2004 г. И дискуссия, и итоги референдумов показали, что предлагаемый Брюсселем вариант политики был оценен европейской общественностью неоднозначно, вызвал упреки в том, что он может угрожать национальной идентичности и национальной культуре стран – членов ЕС.

«Современная Европа стоит перед лицом политических, экономических, социальных и гуманитарных вызовов, влияющих на то, как люди справляются со своим прошлым и как они строят свою идентичность», – отмечают европейские авторы коллективной монографии о политике памяти и сохранении исторического наследия³. Открытие в 2017 г. в Брюсселе Дома европейской истории, который должен был воплотить общие основания истории Европы, стимулировало дискуссию по поводу политизированности экспозиции музея: в нем увидели не музей истории, а музей пропаганды, поскольку в экспозиции представлена одна, официально одобренная Европейскими институтами, интерпретация истории.

На эту интерпретацию и на общеевропейский нарратив существенно повлияла позиция новых стран – членов ЕС – Польши и балтийских государств, доминирующим вектором политики которых стало выстраивание негативной политической идентичности на основе противостояния «Другому» в лице России.

Между тем конкурентность ценностных оснований политики идентичности проявляется как внутри стран – членов ЕС, так и между ними. Некоторое время назад критика в адрес ЕС

³ Dissonant Heritages and Memories in Contemporary Europe. Tuuli Lähdesmäki, Luisa Passerini, Sigrid Kaasik-Krogerus, Iris van Huis. Palgrave Studies in Cultural Heritage and Conflict. 2019. P. 1.

высказывалась разными маргинальными организациями, которые не имели заметного влияния в своих странах (но на уровне Европейского парламента уже в 1990-е гг. формировались небольшие фракции), а в 2019 г. оформилась парламентская группа «Идентичность и демократия», которая составляет в Европейском парламенте солидную фракцию с одноименным названием, четвертую по численности. «Мы хотим совершенно другого Европейского союза, союза суверенных государств, чтобы не бюрократы, не отдельные чиновники в Европейской комиссии указывали, как нам жить. Это должны решать суверенные государства и их правительства», – декларировали участники парламентской группы на встрече в Варшаве в сентябре 2021 г.

Проблематика идентичности широко используется при формулировке внешнеполитических программных требований рядом политических партий – «Национальное объединение» (Франция), VOX (Испания) и другие. «Германия. Но нормальная!» – с таким лозунгом выступала партия «Альтернатива для Германии» в ФРГ на выборах 2021 г. Активизация правых популистов в разных странах может быть оценена как подтверждение прогноза (на этот раз сбывшегося) Френсиса Фукуямы, что радикализация левых в борьбе за идентичность будет способствовать активизации правых, защищающих национальную идентичность от угроз: «Самая значительная проблема политики идентичности в том виде, в котором она сегодня практикуется левыми, заключается в том, что она стимулирует рост политики идентичности правого толка» (Фукуяма 2019: 152).

Состоявшиеся в начале 2023 г. в Швеции демонстративные акции сожжения Корана привели к отказу Турции ратифицировать протокол о вхождении Швеции в НАТО, по крайней мере, до тех пор, пока в этой стране не будет законодательно запрещено сожжение священной книги мусульман. Эти события – еще одно подтверждение переноса конфликта идентичностей во внешнеполитическую сферу.

Таким образом, классическая версия политики идентичности переносится на уровень политических сообществ, и происходит ее секьюритизация. Секьюритизация политики идентичности проявляется в переводе представлений о ценностных основани-

ях политического сообщества в разряд категорий безопасности, в политические дебаты об угрозах и необходимости борьбы против тех, кто эти угрозы создает.

Россия в такой ситуации считает необходимым и правомерным взять на себя миссию защитника традиционных ценностей. В качестве тех, кто создает угрозы этим ценностям, выступают «англосаксы», «коллективный Запад». Эти имена собирательные имеют основания как в истории, так и в современной ситуации. «Англосаксы» исторически связаны цивилизационно и политически – «особыми отношениями» периода холодной войны, в современной ситуации – наибольшей активностью в противодействии России. К тому же они имеют общий язык, их объединяет значительный отрезок общего исторического пути в рамках одной империи, а общий процесс выработки внешнеполитических решений институционализирован (например, в рамках AUKUS – трехстороннего оборонного альянса, образованного Австралией, Великобританией и США). Когда СМИ говорят о «коллективном Западе», то подразумевают обычно Евросоюз, НАТО и США как единый действующий субъект. В условиях СВО «коллективный Запад» обозначает страны, которые поддержали санкции и изоляцию России. Министр иностранных дел РФ С. В. Лавров в недавнем выступлении подчеркнул, что российским властям удалось не только сорвать планы коллективного Запада по изоляции, а то и расчленению нашей страны, но и обеспечить поступательное сотрудничество с подавляющим большинством членов международного сообщества⁴.

Секьюритизация политики идентичности в странах «коллективного Запада» вызвала ответную реакцию российских властей. Указ Президента «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁵ помещает категорию ценностей в сферу национальной безопасности Российской Федерации, Указ призван конкретизировать положения Стратегии национальной безопасности РФ. Ценности определяются в документе как нравственные ориентиры, которые лежат в основе обще-

⁴ Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2023/02/27/19839283.shtml>

⁵ Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

российской гражданской идентичности: «Российская Федерация рассматривает традиционные ценности как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России». Определено намерение своевременно и эффективно реагировать на новые вызовы и угрозы. К угрозам отнесены «отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений». В области международных отношений поставлена цель формирования «образа Российского государства как хранителя и защитника традиционных общечеловеческих духовно-нравственных ценностей»⁶.

Определение ключевых угроз по отношению к коллективной идентичности, предложение вариантов реакции на такие угрозы, стратегии противодействия угрозам – все это объясняет трансформацию политики идентичности во внешнеполитический инструмент.

Вопросы для обсуждения:

1. Как и почему коллективная идентичность оказалась в сфере безопасности?
2. Каким образом выстраивается секьюритизация политики идентичности?
3. Чем этот процесс опасен для современного мира?
4. Какое значение имеют ценности для коллективной идентичности?

Контрольное мероприятие. Формат ролевой игры.

Организовать обсуждение Стратегии безопасности национальной (над-национальной) идентичности.

Участники – представители государственных структур страны (по выбору), эксперты негосударственных организаций, публицисты (инфлюенсеры), журналисты, гражданские активисты.

⁶ Указ Президента «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

Литература

1. Арон Р. Мир и война между народами. М.: Nota Bene, 2000. – 880 с.
2. Европа XXI века. Новые вызовы и риски / под общ. ред. А. А. Громыко, В. П. Федорова. М.: ИЕ РАН; СПб.: Нестор-История, 2017. – 544 с.
3. Казанцев А. А., Меркушев В. Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // Полис. Политические исследования. 2008. № 2.
4. Котта М. Европейская идентичность: вызовы современности // Идентичность. Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание / под ред. И. С. Семененко. М.: Весь Мир, 2017. С. 184–192.
5. Неймарк М. Евросоюз в концептуальных обоснованиях внешней политики России // Современная Европа. 2020. № 3. С. 28–38.
6. Семененко И. С. Метаморфозы европейской идентичности // Полис. Политические исследования. 2008. № 3. С. 80–96.
7. Тренин Л. Новый баланс сил. Россия в поисках внешнеполитического равновесия. М.: Альпина Паблишер, 2021.
8. Фадеева Л. А., Плотников Д. С. Опыт мировых войн в политике идентичности и развитие стратегии международной безопасности // Региональные стратегии международной безопасности: Россия, ЕС и Ближний Восток. М.: Научный консультант, 2019. С. 213–238.
9. Фукуяма Ф. Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия. М.: Альпина Паблишер, 2019. – 256 с.
10. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Транзиткнига», 2004.
11. Хахалкина Е. ЕС в современном мире: проблемы региональной политики и внешнеполитической идентичности // Современная Европа. 2020. № 5.
12. Шарапов А., Синькова Е. Демаргинализация правого радикализма в европейском политическом процессе // Современная Европа. 2020. № 5. С. 182–192.

4.3. Кому угрожает «китайская мечта» Си Цзиньпина?

Предпосылки «китайской мечты»

Китайская идентичность чаще всего характеризуется исследователями как основанная на традициях, но продвигающая традиции в будущее. Историческое сознание отражает взлеты и падения китайской цивилизации, китайской истории, насчитывающей несколько тысячелетий. Гордость за достижения китайской цивилизации, великой «Поднебесной империи», омрачена горьким опытом «Столетия унижения», которое Китай пережил с середины

ХІХ в. после «опиумных войн», последствиями которых стали деградация страны, раздел ее на сферы влияния западных держав, угроза утраты национальной идентичности. В период восстания *ихэтуаней*⁷ западные христианские миссии безжалостно разрушались.

Революция 1911–1913 гг. под лозунгами национализма, народовластия и народного благоденствия (Сунь Ятсена) положила конец маньчжурской династии Цин и провозгласила республику, но не принесла ни единства, ни спокойствия. «Столетие унижения» включило японскую агрессию (1937–1945) и завершилось лишь с окончанием гражданской войны и провозглашением в 1949 г. Китайской Народной Республики.

Хотя «Столетие унижения» завершилось, но нарратив «обиженной нации» оказался устойчивым. Можно привести в пример возмущенную реакцию китайцев, когда британская делегация приехала в Китай в ноябре 2010 г. с цветками красного мака на лацканах костюмов и жакетов. Для британцев красный мак – символический знак памяти о жертвах мировых войн, который они надевают в День памяти 11 ноября, а для китайцев – напоминание об унижении, связанном с опиумными войнами и их последствиями. Китайская сторона настаивала на том, чтобы красные маки были сняты с одежды визитеров, но Дэвид Кэмерон отказался это сделать. Возник так называемый дипломатический скандал из-за красного мака. Кстати, в свое время Мао отказался смотреть советский балет «Красный мак» в Большом театре во время визита в СССР в 1949 г. и в 1957 г. не пошел на этот спектакль, хотя его название изменили с учетом рекомендаций китайских товарищей на «Красный цветок».

Иероглифы, которыми до сих пор записано название КНР, означают «срединное государство», или центр мироздания. Мао и его идеи оставили значительный след в истории КНР и сознании китайцев, но после его смерти страна совершила радикальный поворот, правда, по китайской традиции, «переходить реку, осторожно нащупывая камни». Поворот был связан с политикой Дэн Сяопина, который провел реформирование Китая, предложив

⁷ Массовые выступления против иностранного вмешательства в 1898–1901 гг., подавленные Альянсом восьми держав.

свою модель социализма, но с постоянными ссылками на Мао. «Историческая резолюция» Пленума ЦК КПК 1981 года «О некоторых вопросах истории партии с основания государства», инициированная Дэн Сяопином, дала оценку роли Мао в истории. Как отрицательные результаты его политики оцениваются эксцессы культурной революции, а к положительным результатам относятся независимость и национальное освобождение. Считается, что эта резолюция открыла путь к реформированию китайской экономики, государства и общества. Дэн продемонстрировал осторожное отношение к конфуцианским традициям, сохранение иерархического мышления с отходом от пренебрежения коммерцией как низкой сферой человеческой деятельности. «Обогащайтесь», – призвал он, выдвигая лозунг строительства общества *сяокан* – среднезажиточного.

Внешнеполитическая стратегия Китая выстраивалась Дэн Сяопином как нацеленная на сохранение мира, противодействие гегемонизму, содействие общему развитию и созданию длительной мирной и стабильной международной и региональной обстановки для успешной социалистической модернизации Китая. Для достижения такой цели Дэн считал наиболее эффективным налаживать взаимоотношения с ведущими державами, но в то же время «вести себя скромно», «скрывать свои возможности», «держаться в тени». Так КНР стала в 1980-е гг. ближайшим младшим партнером США. Дипломатия Дэн Сяопина была в том, чтобы проводить экономические реформы, не допускать хаос и смуту, постепенно наращивать мощь экономическую, военную, дипломатическую для последующего рывка.

После событий 1989 г. на площади Тяньаньмэнь – жестокого подавления антиправительственных выступлений – происходит поворот в отношениях Китая и Запада, которому соответствует и поворот в политике формирования особой китайской идентичности.

В новой интерпретации истории КНР в резолюции XX съезда КПК предложена хронология, в которой присутствуют лишь три «большие эпохи»: Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и Си Цзиньпина. Три теоретических скачка соответствуют и трем сменяющим друг друга состояниям китайской нации: «поднялась», «разбогатела», «стала сильной».

Провозглашение и реализация «китайской мечты»

Уже в первых выступлениях после избрания на пост генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпин выразил свое понимание государственной политики. «За отсталость бьют, и... только развитие ведет к самоусилению» – так он заявил в речи после посещения выставки «Путь к возрождению» 29 ноября 2012 г. Он провозгласил, что великое возрождение китайской нации есть величайшая мечта. Идея «китайской мечты» была усилена во время его инаугурационной речи как Председателя КНР в марте 2013 г. На разных уровнях продвигалась необходимость китайской «новой жизни древней страны».

Политика идентичности в Китае как реализация концепции «китайской мечты» подразумевает великое возрождение китайской нации, а также строительство «богатого, мощного, демократического, цивилизованного, гармоничного, социалистического и модернизированного государства»⁸. Это в значительной мере противопоставление «Столетию унижения», стремление объединить и консолидировать китайский народ, заменить «пессимизм» на позитивные чувства гордости за свою страну. Одним из ключевых событий стало завершение Второй мировой войны и символически значимая трактовка победы над японскими захватчиками в современном политическом дискурсе. «Победа в войне китайского народа против японских захватчиков была полной победой, впервые добытой Китаем в отражении внешнего вторжения в период новейшей истории. В результате великой победы попытки японского милитаризма поработить Китай были разбиты в пух и прах, ушло в прошлое унижение неоднократных поражений за новейшую историю, – декларировал Си Цзиньпин 3 сентября 2015 г., во время военного парада на пекинской площади Тяньаньмэнь. – Великая победа вновь позволила Китаю утвердиться на международной арене в качестве великой державы, снискать уважение миролюбивых народов».

⁸ Сыроежкин К. Китайская мечта. Режим доступа: <https://carnegieendowment.org/2013/05/15/ru-pub-51826> Фонд Карнеги включен в «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории РФ», а в сентябре 2022 г. закрыт.

Ни один из комментаторов этого события не удерживается от того, чтобы подчеркнуть символизм действия. Так, военнотружущие чеканным маршем прошли от монумента павшим героям к центру площади 121 шаг (121 символизирует число лет со дня первой китайско-японской войны); было задействовано 56 орудий (столько национальностей проживает на территории КНР). Праздничный салют насчитывал 70 выстрелов, символизируя 70 лет со дня окончания войны с японскими захватчиками. Аналитики оценивают символический характер церемонии как свидетельство изменения режима коллективной памяти – перенесение акцента с памяти об унижениях на память о победе.

Важным элементом реализации «китайской мечты» стала инициатива «Один пояс – один путь». Нет какого-то единого документа, в котором эта инициатива зафиксирована и прописана. Каждое предприятие в Китае может заявить себя участником этой инициативы и затребовать государственной поддержки. «Один пояс – один путь» широко интерпретируется для того, чтобы способствовать продвижению мечты о национальном возрождении и устойчивом развитии на мировом уровне.

По вопросу о политическом курсе, включая политику идентичности, особенно в обосновании внешнеполитических ориентаций Китая, идет серьезная политическая борьба, которая скрыта от общества. Китайскую политическую систему специалисты нередко сравнивают с черной лаковой шкатулкой, содержимое которой скрыто от посторонних глаз.

Новое видение отражают внесенные в 2018 г. в Конституцию 1982 г. серьезные изменения: вписано положение о новой эпохе развития социализма с китайской спецификой. Новацией стало и то, что нет ограничений на количество сроков пребывания на посту Председателя КНР. Была поддержана «китайская мечта» в интерпретации Си Цзиньпина. На XIX съезде в Устав КПК была включена фраза: «На востоке, западе, юге, севере и в центре партия руководит всем». Правящий статус КПК закреплен в тех же решениях об изменении Конституции страны: «Руководящая роль Коммунистической партии Китая является самой существенной отличительной особенностью социализма с китайской

спецификой». А «социалистический строй есть основной строй Китайской Народной Республики».

Шестой пленум ЦК КПК 19-го созыва прошел в Пекине с 8 по 11 ноября 2021 г. и должен был зафиксировать мощный рывок, который совершила страна под руководством Си Цзиньпина. В резолюции он шесть раз назван «ядром ЦК и всей партии». В резолюции Пленума сказано: «За истекшее столетие под руководством КПК китайский народ вел великую грандиозную борьбу, окончательно избавившись от судьбы быть униженным, угнетенным и поработанным, стал хозяином страны, общества и собственной судьбы... Стоя на китайской земле, продолжая китайскую цивилизацию, идя по правильному пути, соответствующему китайским реалиям, партия и народ будут иметь широчайшее поле для деятельности, богатое историческое достояние и мощнейшую решимость для продвижения вперед. Если только мы не будем идти ни по старому пути с его замкнутостью и косностью, ни по ложному пути отказа от своих знамен, а будем неуклонно идти по пути социализма с китайской спецификой, то несомненно сможем превратить Китай в богатую и могущественную, демократическую и цивилизованную, гармоничную и прекрасную модернизированную социалистическую державу».

Исследователи считают важным для поддержки политического курса историческую и символическую политику Си Цзиньпина. XIX съезд КПК провозгласил вступление Поднебесной в новую эпоху социализма с китайской спецификой, назвав ее именем Си Цзиньпина. В речи премьера госсовета Ли Кэцяна на 1-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 13-го созыва отмечено, что «XIX съезд КПК определил историческое значение идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи, начертал нам грандиозный план и программу действий для достижения решающей победы в построении среднезажиточного общества и завоевания великой победы социализма с китайской спецификой в новую эпоху».

Институциональные изменения закрепили позиции Си Цзиньпина как в укреплении его личной власти, так и в продвижении проводимой им политики идентичности как «китайской мечты». В основе ее лежит мечта о Китае как богатом народе и сильном

государстве. Первый компонент отражен в расширении лозунга Дэн Сяопина, который сейчас звучит как всестороннее строительство зажиточного общества *сяокан*. Только сильное государство, сохраняющее устойчивость при любых внешних и внутренних ударах, способно, по убеждению Си Цзиньпина, обеспечить реализацию мечты о великом возрождении китайской нации.

Си Цзиньпин с первого года пребывания у власти начал формировать новый сильный внешнеполитический курс. В последние годы этот курс внешние аналитики называют уверенным, временами самоуверенным и напористым, в рамках которого Китай претендует на особую, можно сказать, ведущую роль в изменении международного порядка, опираясь на собственную специфику.

Секьюритизация «китайской мечты»?

Депутаты Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) в марте 2018 г. признали идеи Си Цзиньпина о государственном развитии Китая в новую эру «новейшим достижением китаизации марксистской теории», достойными того, чтобы фигурировать в основном законе страны наравне с идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина, а также теорией тройного представительства передовых производительных сил, культуры Китая и коренных интересов китайского народа. Лидер Китая пояснил: «Изменение части Конституции является важнейшим решением, сформулированным ЦК КПК, исходя из всеобщей и стратегической задачи сохранения и развития социализма с китайской спецификой в новую эпоху».

Руководство КНР заявляет о приверженности страны особому сфокусированному на народе подходу к правам человека, с приоритетом прав коллективного характера, связанных, прежде всего, с безопасностью во всех ее проявлениях⁹. В китайском официальном дискурсе утвердился термин «дипломатия Си» (*Си ши вайцзяо*), а агентство «Синьхуа» в своем англоязычном канале в Твиттере использует хештег #Xiplomacy.

⁹ Wang Yi H. E. A People-centered Approach for Global Human Rights Progress. Remarks at the High-level Segment of the 46th Session of The UN Human Rights Council. 22.02.2021. Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1855685.shtml

Си последовательно придерживается стратегии Китая как глобальной державы с глобальными ценностями, используя и такие определения, как социалистическая и великая держава восточной культуры. Важным в данной политике является идея «сообщества судьбы» (*минюнь гунтунти*) с глобальным миром, осознание того, что «китайская мечта» может работать хорошо, только учитывая глобальные условия. По мнению российских ученых, «мягкая сила» КНР позволяет быть могущественной и действительно сильной державой, не нанося какого-либо ущерба другим государствам¹⁰.

Другого мнения придерживаются США и их лидеры. США рассматривают Китай как основного стратегического противника не только в экономической и военной сферах, но и в ценностно-политическом отношении. Американские аналитические центры переименовали применительно к Китаю «мягкую силу» (*soft power*) в «острую силу» (*sharp power*) на том основании, что Китай, по их мнению, манипулирует общественным мнением за рубежом. В официальных внешнеполитических документах США – Стратегии национальной обороны и Стратегии национальной безопасности – Китай и Россия обозначены как «ревизионистские державы», которые стремятся к формированию нового миропорядка в соответствии со своей авторитарной моделью.

США постоянно упрекают Китай в авторитаризме, аналитики используют для определения политической системы понятие «фрагментированный авторитаризм». До сих пор в вину китайскому руководству ставят трагедию на площади Тяньаньмень, жестокое подавление протестных студенческих выступлений в 1989 г. Нарушением прав человека американские власти считают репрессивные меры в отношении уйгурского населения в Синцзяне. Однако долгое время это не мешало тесным торгово-экономическим отношениям между КНР и США. Политика Трампа, обрушившегося на Китай с обвинениями, по мнению аналитиков, стала неожиданным ударом для китайских элит.

20 мая 2020 г. был опубликован документ «Стратегический подход США в отношении КНР». В разделе, посвященном вызову

¹⁰ Кочетков В. В., Грачиков Е. Н. Идентичность как источник «Мягкой силы» Китая. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-kak-istochnik-myagkoy-sily-kitaya>

американским ценностям, упоминаются приверженность КПК идеологии марксизма-ленинизма, нарушения прав человека, включая меньшинств в Тибете и Синцзяне, подавление протестов в Гонконге, идеологический контроль внутри страны и активная пропаганда в мире, развитие систем киберслежки за гражданами и другие нарушения. Нападки Трампа на КНР, давление и противостояние вызвали реакцию Китая, выраженную в резолюции Пленума ЦК КПК: «Вступив в новую эпоху, Китай оказывался перед лицом более суровой ситуации в обеспечении национальной безопасности и невиданного ранее давления извне. Тесно переплетались между собой традиционные и нетрадиционные угрозы безопасности, время от времени происходили события типа “черный лебедь” и “серый носорог”». В резолюции есть призыв «всегда готовиться к худшему сценарию, заблаговременно принимать меры предосторожности, твердо отстаивать принцип “интересы государства превыше всего”».

При всех различиях между курсами президентов Д. Трампа и Д. Байдена тема защиты американских ценностей и идентичности от китайских посягательств остается ключевой. «Мы также будем бороться с угрозами для нашей безопасности, процветания и демократических ценностей со стороны наиболее серьезного противника – Китая», – тезисы из инаугурационной речи Д. Байдена.

Американский президент неоднократно повторял эти тезисы, говоря о Китае в разных контекстах и на международных мероприятиях разного уровня. Иногда замечания Байдена носили непродуманный и скандальный характер, как во время визита в Японию в мае 2022 г., когда Президент США обмолвился о готовности применить военную силу против Китая, если он будет угрожать свободам, предпримет попытку захватить Тайвань. Помощникам Президента пришлось делать пояснения, что политика США в отношении формулы «один Китай» остается неизменной.

Государственный секретарь США Э. Блинкен во время лекции в университете Джорджа Вашингтона в Вашингтоне 26 мая 2022 г. дал пространное разъяснение позиции США и оценил отношение американской администрации к КНР. Как и полагается дипломату, он сказал много слов относительно заинтересованности в добрых

отношениях с КНР, прежде всего, торговых и экономических. В то же время он назвал Китай серьезным и долговременным вызовом международному порядку, поскольку это единственная страна, которая имеет как стремление к изменению этого порядка, так и достаточную экономическую, дипломатическую, военную и технологическую силу, чтобы сделать это. Он предостерег, что все это может подорвать те универсальные ценности, на которых держится устойчивость мирового порядка последние 75 лет. Э. Блинкен заметил, что сохраняются серьезные различия идеологического характера, связанные с политикой КПК, напомнил о том, что США внимательно следят за нарушением прав человека в Китае, имея в виду уйгурское население (Д. Трамп называл политику КНР в отношении уйгуров геноцидом).

В ответ на эти заявления официальный представитель МИД КНР Ван Вэньбинь, говоря о приверженности Китая защите мирового порядка и необоснованности претензий американского политика, подчеркнул, что госсекретарь США «распространяет ложную информацию» и намеренно выступает с оскорбительными для Китая речами с целью сдержать развитие страны. На пресс-конференции в Джакарте посол Дэн Сицзюнь обвинил США в «создании набора “бандитских правил”, заявляя при этом, что они поддерживают международный порядок» и в том, что ведут регион «по пути зла», сообщает китайское государственное издание The Paper. Особая напряженность возникла в августе 2022 г. в связи с визитами американских конгрессменов на Тайвань, что было воспринято в КНР как посягательство на принцип «одного Китая».

В новой редакции Стратегии национальной безопасности США декларируется: «Мы будем эффективно конкурировать с Китайской Народной Республикой, которая является единственным конкурентом, обладающим как намерением, так и все большей способностью изменить международный порядок»¹¹. Неудивительно, что «национальная безопасность» в речи Си Цзиньпина на XX съезде КПК в 2022 г. упомянута 26 раз – на восемь больше, чем в 2017 г. и на 22 больше, чем в 2012 г. Китайский лидер заявил о намерении Китая и дальше сохранять «твердую стратегическую решимость

¹¹ Режим доступа: <https://www.state.gov/translations/russian/информационный-бюллетень-стратегия-2/>

и демонстрировать боевой дух», «мобилизовать всех сынов и дочерей китайской нации, чтобы они единодушно и совместными усилиями стремились к достижению китайской мечты».

Си Цзиньпин неоднократно требовал пересмотра однополярной политики, считая ее угрозой безопасности КНР и всему миру, во всех своих выступлениях он провозглашает необходимость противодействовать мышлению времен холодной войны, в духе экспансионизма, гегемонизма, политики как игры с нулевой суммой, вместо этого призывая выстраивать современную и дружественную архитектуру безопасности для Азии и всего мира. В традиционном для китайского менталитета духе в ситуации противостояния разных блоков и стран Китай стремится «встать над схваткой».

Вопросы для обсуждения:

1. Какие исторические обстоятельства затрудняли формирование китайской идентичности?
2. Каково китайское видение политики идентичности?
3. Удастся ли в «китайской мечте» продвигать традиции в будущее?

Контрольное мероприятие. В формате ролевой игры

Организация дискуссии «Какой вариант политики идентичности представлен в “китайской мечте” Си Цзиньпина?»

Анализ последних партийных документов КПК – Резолюции Шестого пленума ЦК КПК 19-го созыва, Резолюции XX съезда КПК, состоявшегося в ноябре 2022 г., выступлений Си Цзиньпина.

Экспертные оценки – специалисты по китайской политике, журналисты (из СМИ разных стран).

Литература

1. Денисов И. Е. Китайские и западные ценности в современном политическом дискурсе КНР // Политические исследования. 2015. № 6.
2. Корсун В. А. Идентичность с китайской спецификой // Полис. Политические исследования. 2008. № 3. С. 68–79.
3. Ломанов А. В. Неоконсерватизм с китайской спецификой // Россия в глобальной политике. 2017. Т. 15. № 4. С. 17–31.
4. Морозов Ю. В. Глобальные позиции Китая и перспективы их развития в XXI веке. Китай в мировой и региональной политике // История и современность. 2020.

Глава 5.

РАЗНООБРАЗИЕ ИЗМЕРЕНИЙ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ

5.1. Символические аспекты политики идентичности

Понятие «символической политики» и подходы к ее изучению

Символическая политика является одним из важнейших элементов процесса конструирования политической реальности. С ее помощью осуществляется консолидация сообщества. Д. А. Мисюров отмечает, что этимологически древнегреческое понятие символа «восходит к небрежно надломленному предмету, части которого раздавались различным людям, чтобы при встрече, при сложении частей, имелась возможность распознавания членов сообщества. Так создаются символические модели, призванные объединять сообщества с помощью символических образов и смыслов»¹.

Систематическое изучение феномена символической политики началось в середине прошлого века. В 1960–1970-х гг. американский политолог Мюррей Эдельман опубликовал работы «Символическое использование политики» и «Политика как символическое действие», заложившие концептуальную основу для исследования символической политики².

Понятие «символическая политика» представляет собой широкую категорию, описывающую фундаментальное свойство человеческой деятельности, пересечение которой с полем политики можно увидеть с разных точек зрения. Одним из важнейших теоретических водоразделов для понимания содержания данной категории является различие подходов, противопоставляющих символическую политику «реальной», «материальной» политике,

¹ Мисюров Д. А. Комбинаторика общественного развития: варианты трансформаций символических моделей // Политические исследования. 2009. № 5. С. 18.

² Реф. книги: *Edelman M. The symbolic uses of politics*. 5 th ed. Urbana etc.: Univ. of Illinois press, 1972. – 201 p. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolicheskoe-ispolzovanie-politiki-ref-knigi-edelman-m-the-symbolic-uses-of-politics-5-th-ed-urbana-etc-univ-of-illinois-press-1972-201-p>

и подходов, рассматривающих первую как неотъемлемую сторону политики как таковой³.

В научной литературе выделяют две интерпретации символической политики, которые позволяют рассмотреть теоретические отличия во взглядах на данный феномен.

В логике *первого подхода*, заложенного в работах М. Эдельмана, акцентируется идеологический характер данной формы политики. Он доказывал, что «самые распространенные формы участия населения в управлении государством в значительной степени носят символический характер, но и то, что многие из государственных программ, которые, как всегда считалось, предназначены для того, чтобы приносить пользу массовой обществу, на самом деле приносят пользу лишь относительно небольшим группам»⁴. В этом и многих других явлениях общественной жизни М. Эдельман видел проблему неравенства. Поэтому он изучал способы, с помощью которых лидеры используют ключевые символы и общие способы употребления языка, чтобы повысить легитимность своей власти.

По мнению ученого, идея о том, что политика должна рассматриваться как символическая форма, позволяет объяснить эмпирические несоответствия между тем, как политические институты демократического общества должны были бы функционировать в теории, и тем, как они функционируют в действительности⁵. В соответствии с его концепцией предметом символической политики является воздействие символических функций на поведение элит и масс.

Эта традиция нашла развитие в работах других ученых, в частности, С. П. Поцелуева, который считает, что символическая политика «есть не безличный и стихийный способ массовой коммуникации, но сознательное использование эстетически-символических ресурсов власти для ее легитимации и упрочения посредством

³ Малинова О. Ю. Символическая политика // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семененко. М.: Весь Мир. С. 658.

⁴ Пром Н. А., Лихачева Н. С. Лингвополитическая концепция М. Эдельмана // Политическая лингвистика. 2017. № 2. С. 140.

⁵ Малинова О. Ю. Символическая политика: контуры проблемного поля // Символическая политика: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН, Центр социал. науч.-информ. исслед., отд. полит. наук. М., 2012. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. С. 7–9.

создания символических “эрзацев” (суррогатов) политических действий и решений». Значит, символическая политика специфическим образом эксплуатирует сущность символа как такой образной конструкции, которая может указывать на любые области бытия.

С точки зрения антропологического подхода к изучению символической политики, политический символ – это не только «референтный символ», но и знак, который порождает эмоции и суждения, позволяя нам понять, что выходит за рамки прямого представления человека. Антропологическое понимание символической политики акцентирует внимание на ее социально-интегративных, стабилизирующих и социально-терапевтических функциях. В рамках данного подхода мифы, ритуалы и культы выделяются как взаимосвязанные и в то же время относительно автономные инструменты символической политики, которые также являются элементами традиционной политической культуры. Преимущество такого подхода в том, что символическая политика представлена не как простая политическая технология, используемая, например, в избирательных кампаниях, а в более широком смысле – как свойство политической культуры данного общества.

Второй подход к символической политике развивает традицию интерпретации символического как неотъемлемой части социальной реальности и нацелен на изучение процесса «конструирования воззрений на мир, которые, в свою очередь, участвуют в конструировании этого мира»⁶.

В основе данного подхода лежат работы П. Бурдьё, который ввел понятие символического капитала, существующего наряду с экономическим, социальным и культурным. Символический капитал Бурдьё определяет как власть, предоставленную тем, кто получил достаточно признания, чтобы быть в состоянии внушать признание⁷. Данный вид капитала лежит в основании символической власти как способности формировать или изменять категории восприятия и оценки социального мира. Ключевую роль в воспроизводстве социальных отношений господства играет

⁶ Цит. по: Малинова О. Ю. Миф как категория символической политики // Символическая политика. 2015. С. 14.

⁷ Бурдьё П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994. С. 204.

символическое насилие как навязывание политическими акторами своих культурных и символических практик, внедрение в сознание граждан выгодной для себя иерархии норм и ценностей, которая со временем приобретает для массового сознания привычный, естественный характер: «Поле символического производства есть микрокосм символической борьбы между политическими акторами за навязывание определения социального мира, в наибольшей мере отвечающего их интересам»⁸.

В рамках интегрированного подхода **символическая политика** – это «**публичная деятельность, связанная с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве**»⁹. Можно бы добавить: «и репрезентации в публичном пространстве». Данная категория может рассматриваться как зонтичная, позволяющая исследовать под разными углами широкий спектр явлений, связанных с производством и обращением смыслов.

Политические субъекты, конструирующие смыслы, сами действуют в рамках социально разделяемых систем смыслов и, участвуя в их производстве и воспроизводстве, подчиняются их логике¹⁰. Как подмечает К. Касториadis, общество создает свой символический порядок в том, что «уже есть»: «Для племени, которому хорошо известна жизнь льва, он воплощает в себе силу. И грива сразу приобретает здесь символическое значение, которое она не может иметь у эскимосов... Любой символизм создается на руинах предшествующего символизма и использует его материал – пусть лишь для того, чтобы воздвигнуть фундамент нового храма»¹¹.

Акторы и формы символической политики

Основным актором символической политики является государство: оно обладает возможностью поддерживать способы интерпретации социальной реальности с помощью властного распределения ресурсов, правовой категоризации, придания

⁸ Бурдые П. О символической власти // Социология социального пространства. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 87–96.

⁹ Малинова О. Ю. Символическая политика // Идентичность. Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. М.: Весь Мир, 2017. С. 655.

¹⁰ Малинова О. Ю. Символическая политика: контуры проблемного поля. С. 10.

¹¹ Касториadis К. Воображаемое установление общества. М., 2003. С. 137–138.

символам особого статуса, возможности выступать от имени макрополитического сообщества на международной арене. Политическая элита транслирует символы, которые выражают смысл и задают определенное направление для осмысления социальной реальности в сознании населения. Другими словами, она играет важную роль в построении политической реальности и репрезентации власти.

В число акторов исследователи также включают организации и группы, связанные с конструированием коллективных идентичностей: гражданское общество, политические партии, армию, церковь, неправительственные организации, разного рода экономических акторов, СМИ и др.

Кроме того, заслуживает внимания понятие «символических элит» Т. А. ван Дейка. Автор исследования «Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации» пишет: «Способ производства артикуляции контролируется группами, которые мы обозначаем термином “символические элиты” и к которым относятся журналисты, писатели, художники, режиссеры, академики и другие группы, реализующие власть на основе “символического капитала”», «символические элиты играют важную роль в идеологическом обеспечении системы осуществления или поддержки власти в современном информационном и коммуникативном обществе»¹². К символическим элитам можно также отнести лидеров общественного мнения, сетевых инфлюенсеров – популярных блогеров.

Формы символической политики

Ученые выделяют три варианта символической политики: «сверху», «снизу» и «сверху и снизу одновременно». При этом символическая политика осуществляется на различных уровнях: региональном, национальном, мировом.

Самыми известными формами «символической политики сверху» являются следующие: 1) символические акции; 2) символическое законодательство; 3) символическая персонализация и 4) символическая идеологизация. Примером «символической политики сверху» считается также семантическая политика –

¹² Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013. С. 51–52.

оперирование символами в сфере политического языка, т. е. инсценирование смыслов и значений политических языковых символов.

Распространенной формой «символической политики снизу» выступает символическое нарушение общественных законов (акции гражданского неповиновения), а также символическое политическое участие, т. е. символизация определенных политических действий.

Вариант символической политики, осуществляемой одновременно и «сверху», и «снизу», представляет собой производимые (или поощряемые) властью мифы, ритуалы и культы.

А. Козн, рассматривавший применение символов в политике, выделил два способа управления ими со стороны элиты: «культурное продолжение», в рамках которого идеализированное прошлое считается путеводителем в будущее, и «культурную замену», при которой государство устанавливает новые институты для создания новых поддерживающих ценностей¹³. Аналогичным образом можно говорить о том, что либо продолжает поддерживаться символика, сложившаяся исторически, либо начинает изобретаться новое содержание.

Среди форм символической политики внимания заслуживают:

- формирование повестки публичных дискуссий, определение их тематики;
- категоризация;
- привлечение визуальных образов;
- ресемантизация, т. е. изменение значений от контекста к контексту, от практики к практике и от одной стадии практики к другой;
- установление памятников и учреждение праздников;
- политика памяти, предполагающая целенаправленную работу над интерпретацией коллективного прошлого, когда многие исторические факты переосмысливаются, реинтерпретируются, выдумываются или забываются.

Символические «измерения» политики идентичности

К символическим измерениям политики идентичности можно отнести: символические атрибуты сообщества, топонимику и онимы (наименования), культурный ландшафт, героический пантеон,

¹³ Цит. по: *Петро Н.* Взлет демократии: новгородская модель ускоренных социальных изменений. М., 2002. С. 171.

монументы, памятники, разнообразные ритуальные практики (например, празднования значимых дат) и др. Определенный тип репрезентации прошлого находит свое отражение в особых практиках коммеморации, а «общепринятые» представления о прошлом являются одной из главных опор идентичности современных политических сообществ¹⁴. Все это можно рассматривать и как символические формы репрезентации идентичности.

Рассмотрим подробнее наиболее распространенные направления использования символического в политике идентичности.

1. Официальная символика или институционализированные символические атрибуты сообщества.

Политические символы, как известно, обладают «управляющей способностью», поскольку они обращаются непосредственно к человеческим эмоциям, не только указывают на конкретные события, но и связывают эти события с более широкой категорией значений. Для каждого сообщества символы национальной идентичности предстают в разнообразном составе. К примеру, для шотландцев ими являются национальная одежда (клетчатая юбка) и музыкальный инструмент (волынка), для англичан – монархия, Big Ben, Робин Гуд и т. д.

Среди символов национальной идентичности наибольшее значение отводится трем, посредством которых страна заявляет о себе и своей суверенности, это – государственный флаг, гимн и герб. Они, как отмечает Э. Хобсбаум, «немедленно внушают чувства уважения и преданности. В них отражаются полнота прошлого, национальной мысли и культуры»¹⁵.

Опыт США показывает, что регионы обладают разнообразными закрепленными в конституциях штатов символами регионального сообщества. У каждого штата есть свое животное, птица, насекомое, цветок, дерево, ягода, камень и пр. У российских регионов, в отличие от американских штатов, такого разнообразия официальных символов нет. Интересно, что в начале 1990-х гг. рядом исследователей был проведен экспертный опрос относительно

¹⁴ Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015. – 207 с.

¹⁵ The Invention of Tradition / Eds. E. Hobsbaum, R. Terence. Cambridge Univ. Press, 1983. P. 12.

животных, растений, ассоциирующихся с каждым из регионов. Результаты исследования показали, что за исключением немногочисленных случаев – с курским соловьем, астраханским розовым лотосом, волгоградскими помидорами и уссурийским тигром, – эксперты давали крайне разнообразные ответы¹⁶. На сегодняшний день аналог подобному американскому перечню символов – это официальная «государственная символика» на региональном уровне – флаги, гербы, а иногда и региональные гимны. Остальные же в большинстве случаев имеют неофициальный характер. В зависимости от региона их роль могут играть:

- природные символы (реки, озера, животные, растения);
- различные архитектурные памятники;
- в зависимости от производственной специфики территории, в качестве символа индустриального региона может выступать, например, крупнейшее производство – завод, электростанция и пр.;
- исторические события, личности, национальные и культурные герои;
- различные неодушевленные предметы, элементы народного творчества и специфика региональной кухни и т. д.

2. Феномен «новой геральдики»

Помимо традиционных официальных символов в настоящее время возникают и новые маркеры репрезентации самости. Любая территория озабочена проблемой узнаваемого внешнего имиджа, который бы позволял ей выгодно позиционировать свою уникальность, тем самым привлекая в город/регион инвестиции, туристов и жителей. Это объясняет растущий интерес к проблематике брендинга территории, прежде всего, со стороны управленческой элиты.

Известный российский специалист по брендингованию, автор многих территориальных брендов А. Стась называет бренды «новой геральдикой», подчеркивая, что брендинг – это логическое развитие исторических традиций создания идентичности мест, обогащенных приемами и решениями, привнесенными из бизнеса¹⁷.

¹⁶ Петров Н. Формирование региональной идентичности в современной России // Центр и региональные идентичности в России. СПб., 2003. С. 170.

¹⁷ Стась А. Новая геральдика. Как страны, регионы и города создают и развивают свои бренды. М.: Группа ИДТ, 2009. С. 5.

Бренд как новый символ может дать сообществу невидимую скрепу, наполняя городское пространство единым смыслом, поскольку определяет целеполагание при стратегическом планировании. К примеру, брендинг города Магнитогорска началось в 2010 г. в рамках переосмысления образа города как «города металлургов», мощного металлургического центра. Победу в голосовании одержала идея «Место встречи Европы и Азии». Концепция идеи заключалась в переориентировании на современный тренд образа города: «...стиль молодого, динамичного, развивающегося города. Города для жителей, города для множества гостей, города для инвестиций. Это город для работы и отдыха, для созидания и для радости»¹⁸. Визуально образ был представлен в виде непрерывной пульсирующей линии, которая «как мост, соединила два вида города: индустриальный город с социальным и Европу и Азию». Пример брендинга Магнитогорска на основе темы границы Европы и Азии является попыткой трансформировать традиционный образ, основанный на недропользовании и природных ресурсах, в сторону важности человеческого капитала и ресурсов самого сообщества, его кадрового и научного потенциала.

3. «Культурные герои» как символы

Культурный герой – это известный земляк, историческая личность, связанная своими корнями с какой-либо страной, регионом, городом и впоследствии получившая всероссийское или мировое признание¹⁹. Так, герои регионов обозначены во многих субъектах РФ и непременно присутствуют при презентации регионального своеобразия. Причем это могут быть не только земляки, родившиеся на территории региона, но и люди, которые провели в нем часть своей жизни, обязательно ставшие известными, они снижали славу как изобретатели, писатели, художники, политики и пр. Вот почему в некоторых субъектах мы можем встретить в местных пантеонах одинаковые фамилии локальных героев. Культурным героем может быть не только историческая личность,

¹⁸ Бренд города. Администрация г. Магнитогорска. Режим доступа: <https://www.magnitogorsk.ru/content/o-gorode/simvolika-i-brend> (дата обращения: 25.02.2020).

¹⁹ Нечаев В. Д. Региональный миф в процессе становления российского федерализма // Полития. 1999. № 11. С. 63–64.

но и современные «звезды» регионов (певцы, актеры и т. д.), и даже сами региональные лидеры – губернаторы, а особенно президенты республик, которые выступают в роли силы, «наводящей порядок».

К примеру, важным аспектом символической политики в Испании является герой произведения Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот де ла Манча». Сообщество использует данное произведение для продвижения своего региона. Благодаря приключениям Дон Кихота правительство создало Маршрут Дон Кихота – самый длинный туристический коридор в Европе, который пересекает 146 муниципалитетов и проходит через основные природные и культурные пространства Кастилии – Ла-Манча. Более того, сегодня образ Дон Кихота можно встретить во многих местах. Благодаря его образу строится воображаемое пространство с символическим элементом. В главном городе одноименной провинции Сьюдад-Реаль расположен музей, посвященный творчеству Сервантеса и его роману. В экспозиции музея представлены картины на темы и сюжеты книги.

Особого внимания среди культурных героев Австрии заслуживает Моцарт, там существует своеобразный «культ Моцарта»: площади, отели, рестораны, конфеты (Моцарткугель) и напитки называют в честь этого выдающегося композитора. Важно отметить и то, что в национальном гимне Австрии – *Land der Berge, Land am Strome* (в переводе – «Страна гор, страна потоков») используется музыка, которая взята из последнего произведения В. А. Моцарта, «Масонской кантаты», законченной им за 19 дней до смерти. Также организуются праздники в честь Моцарта.

4. Наименования как маркеры идентичности

Определение себя в группе осуществляется через понятие «мы», которое является неким знаком, символом, определяющим его существование. Этот знак находит проявление в номинализации или в имени, позволяющем дать ответ на вопрос «Кто есть мы?». Причем имя не только фиксирует особость группы, но и содержит определенное его «качество или свойство». «Имя в данном случае не ограничивается указанием, оно провоцирует определенные ассоциации, отсылающие нас к означаемому, которое не принадлежит и не может принадлежать ни плану реального,

ни плану рационального. Означаемое рождается в данном случае в поле воображения, каким бы специфическим ни были содержание и природа этого воображения»²⁰.

Через наименования осуществляется идентификация с прошлым в практике повседневной жизни и включение в сети социокультурной памяти. Имея дело с присвоением какому-либо объекту имени культурного героя, сообщество рефлексировало по поводу достижений этого человека и соотносит себя с ценностными характеристиками, которые транслирует это имя. Вопросы наименования и переименования поэтому всегда вызвали бурную реакцию в сообществах и часто сопровождались открытыми конфликтами.

В этом смысле показателен конкурс 2018 г. «Великие имена России», инициированный Обществом русской словесности, Русским географическим обществом, Российским историческим обществом и Российским военно-историческим обществом. Он был направлен на выбор имен выдающихся соотечественников, которые предполагалось присвоить 47 крупным аэропортам страны в дополнение к их официальным наименованиям.

Таким образом, присвоение имени может рассматриваться как инструмент, с помощью которого становится возможным фиксировать интенсивность, направленность, политизированность идентификационных практик со стороны политических элит и сообщества в целом.

5. Праздники и памятные даты

Значение праздничных дат велико в силу эмоционально-психологической составляющей, благодаря чему становится возможным ощутить коллективность: «В празднике всегда заключено нечто возвышающее, что извлекает из обыденности тех, кто в нем участвует, и поднимает всех до некой всеохватывающей общности»²¹.

Несмотря на широкое разнообразие толкований понятия «праздник», можно найти универсальные характеристики, которые являлись бы наиболее существенными для предмета. В первую очередь, праздник при помощи конкретных средств (предоставление выходных, наличие уличных украшений, введение специфических

²⁰ Касториadis К. Указ. соч. С. 166.

²¹ Гадамер Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 151.

ритуалов) выделяется и даже противопоставляется будничным дням. **Праздник – это «комплекс относительно стабильных и устойчивых во времени, постоянно воспроизводящихся дискурсивных практик и политических взаимодействий вокруг символического события или даты»**²². Праздники, возведенные на уровне политики в статус официальных, являются инструментом работы с коллективной памятью. В этом смысле они репрезентируют важные, значимые события, поэтому обладают мобилизационным потенциалом и с учетом политической повестки способны трансформироваться и корректироваться на нормативном уровне.

Немецкий историк Я. Ассман отмечает связь символической политики и идентичности, осуществляемую посредством праздника: «Праздники и обряды в регулярности своего повторения обеспечивают передачу и распространение знания, закрепляющего идентичность, и тем самым воспроизведение культурной идентичности»²³. Важную роль в символической политике в России в XXI в. играют память о Великой Отечественной войне и праздник День Победы, а вариантом «изобретения традиций» является праздник День народного единства – самый молодой праздник современной России, утвержденный в 2005 г.

В целом все символические средства политики идентичности представляют собой особый ресурс, «позволяющий конструировать единое сообщество, легитимировать существующий порядок вещей и мобилизовать граждан на совместные действия посредством формирования чувства общности и важных для всех политических задач»²⁴.

Вопросы для обсуждения и задания:

1. Как соотносятся понятия «политика идентичности» и «символическая политика»?
2. Какие подходы к пониманию символической политики существуют в современной политической науке?

²² Ефремова В. Н. Новые государственные праздники России и их осмысление в официальном политическом дискурсе // Вестник Пермского государственного университета. Серия «Политология». 2011. № 3 (15). С. 53.

²³ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 60.

²⁴ Гигаури Д. И. Символические измерения политики идентичности // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2015. № 15. С. 85.

3. Охарактеризуйте и приведите примеры форм символической политики.
4. Определите акторов символической политики и оцените их ресурсный потенциал.

Литература

1. Баишаков И. С. Региональная мифология как инструмент символической политики в формировании территориальной общности Краснодарского края // Теория и практика общественного развития. 2011. № 2. С. 183–186.
2. Гуагури Д. И. Символические измерения политики идентичности // Теория и практика общественного развития. 2015. № 15. С. 83–87.
3. Ефремова В. Н. О некоторых теоретических особенностях исследования символической политики // Символическая политика. Вып. 3. Политические функции мифов. Сборник научных трудов. Сер. «Политология». РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. полит. науки. М., 2015. С. 50–65.
4. Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015.
5. Малинова О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. 2010. № 2. С. 90–105.
6. Малинова О. Ю. Символическая политика: контуры проблемного поля. Символическая политика, 2012. С. 5–16.
7. Мисюров Д. А. Комбинаторика общественного развития: варианты трансформаций символических моделей // Полис. Политические исследования. 2009. № 5. С. 18–31.
8. Поцелуев С. П. «Символическая политика»: к истории концепта // Символическая политика, 2012. С. 17–53.
9. Поцелуев С. П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис. 1999. С. 62–75.
10. Пушкарева Г. В. Идеи и ценности как способ конструирования символического пространства национальной идентичности // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 156–173. Режим доступа: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.11>
11. Рябов О. В. «Родина-мать» в символической политике постсоветской России // Женщина в российском обществе. 2015. № 3/4. С. 78–79.

Контрольное задание по разделу

1. Конкурсы в регионах по поиску новой символики. Проект «Семь чудес России», «Россия 10», «Сказочная карта России», выбор изображения банкнот и другие региональные конкурсы. Проанализировать опыт участия вашего региона в федеральных символических конкурсах и историю соб-

ственных региональных символических конкурсов. (Так, применительно к Пермскому краю такими примерами стали Проект «Покупай Пермское», Проект «Имя Перми Великой», конкурс 2018 г. по выбору названия для нового здания пермского аэропорта, выбор логотипа «Пермь 300» и др.) Проанализировать ключевые дискурсы специфики региона символических конкурсов, используя таблицу.

Таблица.

Вариативность дискурсов региональных особенностей

1	Исторические особенности региона	Место региона в общероссийской истории, роль в формировании российского государства, использование древнерусского нарратива, мифа о государственности
2	Экономические особенности региона	Акцентирование к инновационности, развитости, перспективности территории, декларирование экономического успеха
3	Политический статус и роль в общероссийском пространстве	Роль субъекта в государственной федеральной политике (дискурс форпоста, границы, политическая целостность), поддержка влиятельных федеральных политиков
4	Природно-географические особенности	Акцент на объективных – природных, климатических, географических преимуществах места (красивой природе, местонахождении уникальных природных памятников и объектов)
5	Культурные и духовно-символические особенности	Апеллирование статусом культурного значения (в частности, списком ЮНЕСКО, охраняемых архитектурных объектов), сакрализация «священных» объектов (религиозный дискурс)
6	Этнические или «национальные» особенности	Декларирование межэтнического мира, акцентирование специфики «национального состава» региона
7	Туристическая привлекательность	Фиксация инструментальной значимости объекта в формировании туристической привлекательности региона
8	Спортивные амбиции региона	Декларация достижений в спорте, формирование спортивного бренда («спортивная столица России»), апеллирование к мнениям авторитетных спортсменов
9	Ситуативно-символические особенности места	Акцент на ситуативных факторах и сформированные стереотипные образы региона

2. Проект конкурса по выбору символов Пермского края

Задание: Разработать проект символического конкурса (выбор символа, героя или бренда). Задание включает подготовку технического задания для проведения конкурса по выбору символов в Пермском крае, в котором прописываются цель, задачи конкурса, алгоритм выбора и правила подведения итогов конкурса.

5.2. Языковая политика в контексте политики идентичности

В исследовательской литературе широко распространено представление о том, что язык является одним из маркеров идентификации индивида и формирования групповой идентичности. Такое видение языка дает основание рассматривать языковую политику наряду с иными государственными политиками в качестве инструмента идентификации групп и сообществ. В данной главе речь пойдет о социальных функциях языка и социологическом его понимании в контексте политики идентичности. Мы последовательно обсудим вопросы о том, что такое язык, какой бывает языковая политика и как она связана с политикой идентичности.

П. Осколков в своей работе «Очерки по этнополитологии» пишет, что «вся политическая коммуникация в государстве осуществляется на том или ином языке (языках), и любое государство проводит так называемую языковую политику»²⁵. Такой ракурс четко указывает на то, что язык как средство коммуникации и языковая политика важны для национального государства. В исследовательской литературе широко распространено представление, что национальные государства на политической карте мира формируются в конце XVIII – на протяжении XIX в. и эти процессы связаны с процессами нациестроительства. Оставляя за скобками большую дискуссию о феномене формирования наций и природе национализма (Б. Андерсон, Э. Смит, Э. Геллнер, Т. Нейрн, М. Хечтер, М. Манн, Дж. Бройи, Ч. Тилли, Э. Гидденс и др.), отметим, что роль языка рассматривается как значимый фактор нациестроительства. Что же такое язык? Если обратиться к социолингвистике, то мы обнаружим, что язык определяется, как правило, в качестве

²⁵ Осколков П. Очерки по этнополитологии: Монография. М.: Аспект Пресс, 2021. С. 91.

социального явления, в основе которого находится «высшая генетически обусловленная биологическая способность мозга, реализация которой в форме речи зависит от факторов исторического, социального, территориального и иного порядка» (В. Нечипоренко), а также психологические особенности индивида. Последнее требует уточнения: язык, по мнению лингвистов, будучи явлением психологической деятельности, существует только в связи с конкретным человеком. Иными словами, без человека нет языка. Но и ему [человеку] последний нужен для коммуникации с себе подобными. И посредством коммуникации (с помощью языка) фактически формируются группа, коллектив, сообщество, общество. Это позволяет нам зафиксировать следующее.

Язык невозможен вне коллектива, с одной стороны, а с другой, способность к членораздельной речи формируется у человека в процессе усвоения исторически сложившейся системы того или иного языка, воспроизводство которой возможно только в обществе.

На значимость социального измерения языка в своих работах указывает Р. Брубейкер, отмечая, что «публичная жизнь может быть арелигиозной, но не может быть алингвальной, а значит, язык наряду с иными маркерами этничности больше и дольше политизирован»²⁶. Ссылаясь на Ю. Хабермаса, это же качество называет И. Скачкова: «Изменения в политике, культуре, экономике непосредственным образом сказываются на языке, превращая его в посредника между автономным существованием человека и социумом»²⁷. Такое видение языка позволяет зафиксировать, что язык выполняет коммуникационную функцию, обеспечивающую возможность общения, обмена информацией, установление контактов между людьми, а также выражение чувств и эмоций. Но не менее важно и то, что язык является когнитивным инструментом, будучи средством формирования и способом выражения мысли. Именно с помощью языка мы номинируем окружающую нас действительность, познаем ее и аккумулируем знание о ней. Таким

²⁶ Brubaker R. Language, Religion and the Politics of Difference // Nations and Nationalism. 2013. № 19. P. 5–6.

²⁷ Скачкова И. Языковая политика и языковое планирование: определение понятий // Политическая лингвистика. 2015. № 1 (51). С. 126.

образом, можно выделить следующие **первичные социальные функции языка**: коммуникативная, познавательная, социализации.

Обсуждение роли языка в процессах нациестроительства невозможно без упоминания соперничества двух крупных теоретико-методологических подходов в изучении этничности и национализма: примордиализма и конструктивизма. Сторонники примордиализма считают этничность феноменом, который обусловлен природным (примордиальным) чувством духовной близости людей. Примордиалисты считают, что язык предписан индивиду его происхождением и родственными связями. Напротив, конструктивизм рассматривает этничность в качестве социального конструкта (Б. Андерсон). Следуя этой логике, можно рассматривать язык в качестве инструмента и одновременно результата рационального выбора индивидов. Именно посредством языка через практики и системы взаимодействия индивида и государства, личности и власти формируется идентичность (А. Карла). В этих взаимодействиях роль языка инструментальна. Важно не только коммуникативное измерение инструментальной функции языка, но его интегративно-символическая роль в формировании сообщества, будь то национальное, этническое или политическое (С. Райт, Э. Лю). Таким образом, в контексте обсуждения вопроса о связи языка и процессов нациестроительства более важными оказываются идентификационная, мобилизующая и интегративная/фрагментирующая его функции.

Можно предложить следующее определение языка.

Язык – это многофункциональный инструмент, широко используемый в жизни общества его членами. Поскольку общество формируется через коммуникацию и не может существовать без взаимного языкового сближения людей, то язык работает на (дез)интеграцию коллективов/сообществ/общества. Будучи средством коммуникации и инструментом политической (гражданской) интеграции, в современном (национальном) государстве язык является инструментом общенационального общения и даже сборки нации, ее воспроизводства.

И именно в этот момент наших рассуждений возникает вопрос: для чего нужна языковая политика и какой она может быть? Как

правило, под языковой политикой понимают системы мер и действий, которые направлены на развитие языка, стимулирование или сдерживание контактов и конкуренции между языками в сообществе. В отечественной социолингвистике широко распространено определение, предложенное А. Швейцером: «Языковая политика – это система мер сознательного воздействия на функциональную сторону языка и – в известных пределах – на его структуру, осуществляемых государством или любыми общественными течениями мер, являющихся частью их общей политики и соответствующих их целям»²⁸. В этом определении в состав субъектов языковой политики помимо государства включены партия, класс, общественная группировка, каждая из которых руководствуется задачами «изменения или сохранения существующего функционального распределения языков или языковых подсистем» в обществе.

Государство является ведущим субъектом языковой политики, поскольку принимает решения о политико-правовом статусе языка. Вместе с тем следует отметить, что необходимо учитывать, что, например, в федерациях и децентрализованных унитарных государствах, которые отличает наличие институционально оформленных центрального, регионального и (или) местного уровней власти, позиции и интересы последних по вопросу о статусе регионального языка или языка меньшинства, прав и интересов его носителей могут не совпадать и даже конфликтовать. Нередко именно государство как держатель субъектной функции при определении решения относительно языка видится в качестве доминирующего актора. Но зачастую фактическое содержание языковой политики, составляющих ее программ и мероприятий, определяют негосударственные акторы, к которым мы можем отнести партии, общественно-политические движения, ученых и преподавателей, разнообразных экспертов и лидеров общественного мнения, НКО. Для них вопросы о статусе языка и языковых правах политически значимы в силу разных причин – от идеологически и нормативно обусловленных задач сохранения прав меньшинств и символических требований поддержки культуры и традиции до решения

²⁸ Швейцер А. Современная социолингвистика: теория, проблемы, методы. М., 1977. – 208 с.

прагматических задач обеспечения электорального успеха и прихода к власти. Важно то, что эти и другие причины в каждой конкретной ситуации причудливым образом переплетаются.

Такое расширительное представление субъектного состава языковой политики позволяет ее понимать не только как *policy*, но и как *politics*. И в этом случае принципиально важной является концепция политики языка, изложенная Н. Мухарьямовым. Он предлагает различать языковую политику (*language policy*) и политику языка (*language politics*, или *politics of language*). Первая является политическим курсом, который опирается на процедуры принятия решений. Вторая – это мир политической борьбы и отношений по вопросу о языке. Ее аренами и участниками являются не только парламент и правительство, но и иные сегменты публичной политики, например СМИ и университеты.

Язык является объектом языковой политики. В социолингвистике различают планирование (реализация языковой политики) относительно корпуса языка (*corpus language planning*) и планирование относительно статуса языка (*status language planning*) (А. Гаделли). В первом случае – это решения относительно грамматики и лексики языка. Такого рода решения лишь иногда имеют политическое значение. К таковым можно отнести смену алфавита, его коррекцию или решение о параллельном использовании в государстве двух скриптов. Так, показательным будет пример Турции. Провозглашение республики в Турции Кемалем Ататюрком сопровождалось серией реформ, направленных не просто на политико-институциональное и социально-экономическое изменение страны, но, говоря языком конструктивизма, ее национальную сборку. Важнейшей частью реформ Ататюрка²⁹ была языковая реформа как элемент его национальной программы: в 1928 г. арабскую письменность, которую турки использовали многие столетия, заменили на латинский алфавит. Т. Тектен пишет, что с точки зрения Ататюрка, сплочение турецкой нации возможно через единый государственный язык. Он даже цитирует турецкого лидера: «Между национальным чувством и языком связь очень

²⁹ Более подробно см., например: Шлыков В. Кемалистские реформы // Большая российская энциклопедия. Режим доступа: https://bigenc.ru/world_history/text/2059814 (дата обращения: 11.05.2022).

сильная. В развитии национального чувства наиглавнейшие факторы – общность и богатство языка. Турецкий язык один из самых богатых в мире. Достаточно, чтобы он сознательно применялся»³⁰. Переход на латиницу стал последовательным решением после реформы образования в 1924 г. Дело в том, что важнейшим условием ее продвижения было обеспечение унификации и упрощения литературного турецкого языка – его ре-стандартизации с точки зрения доступности для широких масс, грамотностью которых, в т. ч. в целях обеспечения политической легитимности власти и целостности государства, был обеспокоен Кемаль Ататюрк. В этом смысле языковая политика эпохи Ататюрка выковывала современную турецкую нацию, ее гражданскую и политическую идентичности.

Не менее показательным является случай замены кириллического алфавита на латинский в Молдавии в ходе развала СССР. Переход в Молдове на латиницу стартовал еще в 1989 г. с созданием Народного фронта Молдовы, который выступал с требованиями автономии и признания официального республиканского статуса для молдавского языка с латинским скриптом. Под давлением массовых демонстраций в Кишиневе летом 1989 г. Верховный Совет Молдавской ССР принял соответствующий языковой закон³¹. Пример языковой политики в Молдавской ССР можно рассматривать не только как ее [политики] функциональное измерение, но как идентитарно-символическое воплощение требований автономизма, а далее и сецессии.

Планирование относительно статуса языка включает решения о политико-правовом положении языка, а также решения об организации системы его преподавания и изучения, которые оказывают непосредственное влияние на жизнь сообщества. В этом случае интересен пример современной Боснии и Герцеговины. Э. Файнголд относит конституцию Боснии и Герцеговины к третьему типу конституций, которые не определяют официальный государственный язык, не определяют один национальный язык,

³⁰ Тектен Т. Из истории реформ по обновлению турецкого языка // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2009. № 8. С. 151.

³¹ Закон Nr. 3462 от 31.08.1989 «О возврате молдавскому языку латинской графики». Опубликовано: 01.09.1989 в *Veștile* Nr. 9, статья № 214. Режим доступа: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=313124&lang=2> (дата обращения: 10.05.2022).

а обеспечивают гарантии языкам этнонациональных групп – бошняцкому, сербскому, хорватскому. Эти языки ранее лингвисты относили к диалектам или этнолектам³². Однако в настоящее время в отношении хорватского и сербского языков термин «этнолект» практически не используется, а в случае бошняцкого языка как минимум боснийские лингвисты настаивают, что это язык одной из трех государствообразующих этнических групп (Б. Тошович).

Ситуация с языками является одним из маркеров этнополитической конфликтности в Боснии и Герцеговине. До распада СФРЮ языковая структура югославского общества характеризовалась через использование глоттонима³³ «сербохорватский язык» (Г. Невекловский, А. Кречмер). При этом в территориях с компактным проживанием сербов, как правило, использовался глоттоним «сербохорватский», а в преимущественно хорватских территориях – «хорвато-сербский» (Б. Тошович).

Распад СФРЮ многое изменил. Так, боснийская война и формирование на полях дейтонских переговоров Боснии и Герцеговины в качестве федерации с политико-институционально сильными энтитетами стимулировали изменение политико-правового статуса бошняцкого языка. «Мусульмане Боснии и Герцеговины, которые в 1990-х гг. приняли самоназвание бошняки, в 1992 г. объявили о существовании боснийского языка (*bosanski jezik*), но хорваты и сербы выступили против этого глоттонима, основываясь на том, что язык, который нормируется на мононациональной (бошняцкой) основе, должен получить название по национальному признаку (бошняцкий – *bošnjački*), а не по территориальному (боснийский – *bosanski*). <...> хотя и оно оказывается территориально неполноценным потому, что в нем не упоминается Герцеговина» (Б. Тошович). Таким образом, для сербов, хорватов, бошняков – граждан Боснии и Герцеговины – хорватский, сербский и бошняцкий языки являются отдельными (политическими) языками (Д. Шкильджан). Официальные сайты органов государственной власти имеют одновременно четыре версии:

³² Этнолект – это разновидность языка по этнической принадлежности. Этнолект, как правило, не имеет серьезных отличий от литературного языка, но носители этнолекта обычно считают себя иным народом, чем тот, по названию которого назван язык.

³³ Понятие, обозначающее язык и связанные с ним лексические единицы – говоры, диалекты и проч.

на бошняцком (латиница), хорватском (латиница), сербском (кириллица и латиница) и английском языках. Само право называть свой язык по этнониму для сербов и хорватов связано с их претензией на сохранение особого статуса. При том для бошняков важным оказалось установление этнонима и самоидентификация в начале 1990-х гг. как «бошняки», а в случае с глоттонимом бошняки предпочли идентифицироваться территориально (боснийский), настаивая на том, что язык их открыт для всех народов страны. Фактически споры о названии языков являлись не спорами лингвистического толка, а политической дискуссией, сопряженной с проблемами нациестроительства в разделенной этническими конфликтами стране, народы которой оказались включенными в борьбу за политическую и гражданскую идентичность. Пример Боснии и Герцеговины показывает, что в условиях, когда государство поддерживается внешним протекторатом, вопрос о языке и языковая политика приобретают инструментальное значение для задач интеграции нации.

Не менее интересным является пример Черногории, чей государственный язык (черногорский) еще два-три десятилетия назад как таковой даже не существовал, а если и признавался, то только в качестве диалекта или этнолекта. Однако в процессе распада союза Сербии и Черногории в первой половине 2000-х гг. последняя стала активно использовать инструменты символической политики в формировании национальной идентичности, в том числе принимая решения о реформе черногорского языка как языка нации. Речь идет о включении двух дополнительных букв в алфавит (З и С). Включение этих букв стало символическим маркером, дифференцирующим его по отношению, прежде всего, к сербскому языку.

Возвращаясь к Боснии и Герцеговине, следует подчеркнуть, что представление боснийских сербов или хорватов (как политиков, так и лингвистов) о том, что есть их языки – сербский и хорватский, есть бошняцкий, но нет боснийского, на существовании которого настаивают бошняки, является примером того же порядка. Но если черногорский язык интегрирует общество и «собирает» молодую черногорскую нацию, конструируя ее идентичность, то в Боснии и Герцеговине дифференциация и политизация

сербского, хорватского и бошняцкого языков имеют потенциально обратный эффект, поскольку боснийские сербы и хорваты в своем запросе на сохранение глоттонимов «сербский» и «хорватский» апеллируют к своим *kin-states*, в которых эти языки имеют официальный, никем не оспариваемый, признаваемый международным сообществом статус. И эти интенции блокируют саму возможность политического консенсуса о боснийском языке как языке нации.

Пример Боснии и Герцеговины заставляет нас обратить внимание на важность внешних по отношению к сообществу акторов языковой политики – других государств и международных организаций. Здесь интерес представляет Южный Тироль – регион в составе Италии. Южный Тироль – одна из коронных земель Австро-Венгрии, после ее распада в результате Первой мировой войны он вошел в состав Италии. В период правления Б. Муссолини немецкоязычное население Южного Тироля подверглось насильственной итальянизации, что не могло не стимулировать политизацию этничности и не актуализировать вопрос о региональной идентичности.

После свержения режима Муссолини и окончания Второй мировой войны вопрос о воссоединении Южного Тироля стал актуальным не только внутри региона, но и в Австрии, которая южно-тирольскими немцами воспринимается как *kin-state*. В мае 1945 г. была образована «Народная партия Южного Тироля» (*die Südtiroler Volkspartei, SVP*) как партия немецкоязычного меньшинства. Ее лидеры инициировали сбор подписей за воссоединение, и в 1946 г. эта петиция собрала 155 000 подписей. И хотя решением Парижской мирной конференции 1946 г. Южный Тироль был оставлен в составе Италии, в его отношении были приняты гарантии сохранения немецкого языка и культуры. Австрия стала международным гарантом статуса и прав немецкоговорящих в Южном Тироле, что в 1947 г. было усилено принятием Конституции Италии, которая закрепила за регионом статус территориальной автономии в составе Трентино-Альто-Адидже. В 1948 г. был принят специальный закон о Статуте Южного Тироля. Законодательно закреплено, что перепись населения в регионе фиксирует три основные этнолингвистические общины: италиязычную, немецко-говорящую и ладиноязычную. Роль переписи очень

важна, поскольку каждый гражданин старше 14 лет должен сделать свободное заявление о своей идентичности или принадлежности к языковой группе. И именно такая индивидуальная декларация в дальнейшем является основанием для получения гражданином права занимать государственные должности, работать в органах публичной власти, учреждениях образования, претендовать на получение социального жилья. В Южном Тироле функционируют три автономные системы школьного образования: немецкоязычные и италияязычные школы есть повсеместно, а в латинских муниципалитетах работают школы, осуществляющие обучение на латинском языке. Законодательство гарантирует пропорциональное представительство этноязыковых групп в региональной легислатуре, каждая из которых в случае рассмотрения спорного законопроекта, потенциально значимого для системы равенства прав этнических групп, имеет право обратиться в Конституционный суд³⁴.

Установленная в Южном Тироле система взаимных гарантий, включающая гарантии и языковых прав, в политико-институциональном отношении обеспечивает сохранение и воспроизводство идентичности этноязыковых групп, организующих региональное сообщество. И в этом смысле можно полагать, что языковая политика, имея для той или иной группы преференциальный характер, не только обеспечивает сохранение и воспроизводство титульного для регионального сообщества языка, а также (в некоторых случаях) миноритарных языков, носителями которых являются нетитульные для региона этнические группы, но и работает на консолидацию сообществ(а).

Пример Южного Тироля в Италии, а также Каталонии в Испании и Уэльса в Великобритании указывает на то, что реализация языковой политики в формате обеспечения особых прав этноязыковых меньшинств не только сопряжена со сложным политико-институциональным устройством государства, способствует институционализации практик со-общественной демократии и этнополитического представительства, но и обуславливает сложную конфигурацию гражданской идентичности в обществе, значимым элементом которой является этническая/этнорегиональная

³⁴ Более подробно см.: *Borisova N., Sulimov K. Language Territorial Regimes in Multilingual Ethnic Territorial Autonomies // Nationalities Papers. 2018. Vol. 46. Issue 3. P. 358–373.*

компонента. Языковая политика, таким образом, оказывается значимой для политики идентичности в том смысле, что составляет ее инструментальное измерение, в то время как язык выступает ее символическим маркером, а восприятие его политико-институционального статуса – ресурсом этнополитической или национальной мобилизации.

Что это все значит для нашей страны – России? Россия, будучи федерацией, часть субъектов которой образованы с учетом этноязыкового фактора, является не менее интересным примером реализации языковой политики, разнообразных практик защиты автохтонных языков. При этом, конечно, в повестке дня для современной России стоит не только проблема оптимального выбора механизмов по защите языков народов России и гармонизации межэтнических отношений, но и связанности этих политик и задач, решаемых ими, с задачей конструирования гражданской идентичности – идентичности нации, которая является полиэтнической по своему составу. Обращение к опыту других стран указывает на необходимость системного, но допускающего вариативность подхода к разработке и реализации языковой политики в субъектах РФ. Речь идет о такой языковой политике, которая, с одной стороны, учитывает разнообразие региональных и локальных культурных и исторических особенностей, структурных характеристик региональных/местных сообществ, а с другой, работает на консолидацию нации. Задача сложная и потому требующая от принимающих решения политиков осознанного поиска баланса между символическим и прагматическим измерениями языковой политики как инструмента конструирования и поддержки гражданской идентичности. И в этом смысле представляется более перспективной фокусировка на работу с прагматическими основаниями практик и стимулов использования языка(ов) его (их) носителями в частной и публичной сферах.

Вопросы для обсуждения:

1. Почему языковая политика важна для обсуждения практик борьбы за идентичность?

2. Какие возможные эффекты для национальной идентичности может иметь преференциальная политика в отношении миноритарных языков?

3. Предположите, как связаны языковая политика, дискриминирующая этноязыковое меньшинство в составе страны, и политика по поддержанию ее (страны) территориальной целостности?

4. На основе рекомендуемой к прочтению литературы опишите политико-институциональные условия организации языковой политики для силы этно-региональной идентичности.

Литература

1. Borisova N., Sulimov K. Language Territorial Regimes in Multilingual Ethnic Territorial Autonomies // Nationalities Papers. 2018. Vol. 46. Issue 3. P. 358–373.

2. Алос-и-Фонт Э. Языковая политика в Каталонии и националистический конфликт в Испании / Языковая политика, конфликты и согласие / под ред. Е. И. Филипповой, С. В. Соколовского. М.: ИЭА РАН. С. 162–199.

3. Борисова Н. В. Борьба за язык и институционализация языковой преференциальной политики в Уэльсе // Современная Европа. 2019. № 2. С. 84–94. DOI: 10.15211/soveurope220198494.

4. Борисова Н. В. Когда языки в огне: оспаривание языковых режимов как вызов балансу в межэтнических отношениях. М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 189 с.

5. Борисова Н. В. Политизация языка и языковая политика в этнических территориальных автономиях // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 9. С. 67–75.

6. Борисова Н. В. Языковой режим разъединения и баланс в межэтнических отношениях в Боснии и Герцеговине // Вестник Пермского университета. Политология. 2017. № 3. С. 79–92.

7. Борисова Н. В., Филиппова Е. Ю. Политика языка в контексте электоральной борьбы в Каталонии // Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 145–156.

8. Васюков О. Д. Новые меньшинства или непризнанные народы? Опыт Центральной и Восточной Европы // Полития. 2019. № 1 (92). С. 186–201.

9. Каневский А. А. Языковая политика как вид национальной политики государства // Философия права. 2015. № 4 (71). С. 47–51.

10. Мартынова М. Ю. Босния и Герцеговина: коллизия идентичностей / Культурная сложность современных наций. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 203–222.

11. Мухарямов Н. М. Политика языка и языковая политика / Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Редколлегия: И. С. Семененко (отв. ред.), В. В. Лапкин, Е. В. Морозова, В. И. Пантин, И. Л. Прохоренко, Л. А. Фадеева. М.: Весь Мир, 2017. С. 691–699.

12. Мухарямов Н. М., Януш О. Б. Режимы этноязыкового разнообразия // Этнические аспекты политических институтов и процессов: монография / под ред. О. И. Зазнаева, М. Х. Фарукшина. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2021. С. 342–385.

13. *Осколков П.* Очерки по этнополитологии: Монография. М.: Аспект Пресс, 2021. – 176 с.

14. *Фарукишин М. Х.* Статус официальных языков этнических общностей в полиэтнических государствах // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 77–87.

15. *Фарукишин М. Х.* Статус языков этнических меньшинств в Российской Федерации // The Soviet and Post-Soviet Review. 2014. Vol. 41. Issue 2. P. 169–193.

5.3. Политика памяти

Исследовательское поле политики памяти

Такие темы и сюжеты, как использование прошлого для интерпретации настоящего, политизация памяти, уже поднимались в тексте нашего пособия. Существует обширный пул исследований памяти, в этом научном поле идут острые дискуссии не только по причине его сложности и постоянного расширения объектов исследования – от фокуса на национальной памяти и идентичности до социальных общностей разного типа³⁵, но и ввиду включения исторических реалий в политический и публичный дискурсы.

Политика работает не с прошлым, а с коллективными представлениями о прошлом³⁶. Сами эти представления могут конструироваться, традиции – изобретаться (Э. Хобсбаум). Национальные версии истории постоянно приходят в столкновение друг с другом, стимулируя одни коллективные воспоминания и накладывая запрет на другие. Из истории XX в. яркие примеры такого рода – массовое уничтожение армян в Османской империи в 1915–1916 гг., признание которого геноцидом создает водораздел в мировом сообществе, и Нанкинская резня 1937 г., которая в Китае воспринимается как «унижение столетия», а в Японии замалчивается. Для оформления коллективных представлений о прошлом в Латинской Америке и ЮАР были созданы специальные комиссии по установлению истины и примирению, которые должны были проработать «травмы памяти» о режиме Пиноче-

³⁵ *Васильев А.* Memory studies: единство парадигмы – многообразие объектов // Новое литературное обозрение. 2012. № 5. Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/117_nlo_5_2012/article/18946/

³⁶ *Малинова О. Ю.* Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 32.

та в Чили, аргентинской диктатуре, «борьбе за память» в Перу. Эпоху исторической памяти, эру коммемораций, мемориальный бум исследователи относят к 70–80-м гг. XX в. Одна из важнейших целей такой политики – формирование и поддержание ориентиров коллективной идентичности³⁷.

Историко-политический контекст формирования понятия «политика памяти»

Понятие «политика памяти» было впервые использовано в ФРГ во время знаменитого «спора историков» о природе нацизма и коллективной ответственности немцев. Многие немецкие интеллектуалы ставили вопрос о необходимости осмысления нацистского опыта для того, чтобы не допустить его повторения. Непосредственно после войны немецкое общество находилось в шоке. Нюрнбергский процесс вызвал у немцев противоречивые чувства – страх перед наказанием, стыд за содеянное нацистами и одновременно чувство облегчения, что виновные названы и наказаны. Кроме того, рядовые граждане, обыватели были оценены на процессе как «попутчики режима». Наказание главных военных преступников представлялось решением проблемы. Доминирующим настроением немцев было стремление забыть прошлое. «Бесчувствие» в отношении прошлого действительно было всеобщим, оно отличало как рядовых граждан, так и значительную часть интеллектуальной элиты страны. Консервативные историки убеждали: «Время перевоспитания прошло навсегда» (Риттер). Лишь в конце 1950-х гг. начался сдвиг, первоначально в среде немецких интеллектуалов и в исторической науке.

Немецкие ученые и писатели (Ханна Арендт, Карл Ясперс, Генрих Белль и др.) настаивали на том, что нельзя считать нацизм чем-то вроде «производственной аварии» или «короткого замыкания». Генеральный прокурор земли Гессен Фриц Бауэр настоял на расследовании преступлений палачей Освенцима. Суд состоялся в 1963 г. во Франкфурте. После него слово «Освенцим», по выражению Х. Моммзена, стало «шифром нацистской политики». Правда о нацизме, открытие антифашистских

³⁷ Eder K. *Collective Memory and European Identity*. Burlington: Ashgate Publishing Company, 2005; A Soul of Europe. On the Political and Cultural Identity of the Europeans. Ed. by F. Cerutti Leuven: Peter Publishers, 2001.

мемориалов в бывших концлагерях, публицистика и романы о войне – все это способствовало новому взгляду на свою историю и свою страну. Однако усилия интеллектуалов повлияли лишь на часть общества, так как процесс приобщения к исторической правде оказывался медленным и болезненным.

Эмоциональное потрясение немецкого общества как реакция на показ по немецкому телевидению американского сериала «Холокост» в 1978 г. было подготовлено усилиями многих людей. Именно тогда развернулся «спор историков», в котором диаметрально противоположные позиции заняли Эрнест Нольте, легитимирующий нацизм как ответ на большевистскую угрозу, и известный уже тогда публичный интеллектуал Юрген Хабермас. Именно тогда было сформулировано представление, что такое политика памяти.

Политика памяти стала пониматься как **государственный и негосударственный (осуществляемый негосударственными акторами) курс по выстраиванию исторической памяти, общие представления членов политического сообщества о своем прошлом**³⁸.

Принципиально важно было то, что отношение к исторической памяти и исторической ответственности выразили первые лица ФРГ. Президент ФРГ Рихард фон Вайцзеккер произнес 8 мая 1985 г. историческую речь, в которой основным был мотив взаимосвязи исторической ответственности немцев и их исторической памяти. «Всякий, кто закрывает глаза на прошлое, становится слепым к настоящему, – говорил Президент. – Кто не желает помнить о бесчеловечности, тот становится восприимчив к новому заражению. Все мы, старые и молодые, обязаны принять это прошлое. Его последствия касаются всех нас, и мы отвечаем за него». Речь Вайцзеккера имела ошеломляющий эффект. На граждан ФРГ произвело сильное впечатление, что участник Второй мировой войны и член ХДС заявил: «8 мая было днем освобождения. Этот день избавил всех нас от человеконенавистнического режима нацистской тирании... У нас есть все основания считать 8 мая 1945 года

³⁸ Самаркина И. В. Политика памяти и исторический нарратив. Идентичность. Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание / под ред. И. С. Семенико. М.: Весь Мир, 2017. С. 666.

концом ложного пути германской истории, который таил в себе зерно надежды на лучшее будущее». Поистине всемирный масштаб значения этого выступления можно понять хотя бы из того факта, что речь была переведена на 20 языков народов мира.

Преодоление, искупление, покаяние, культурная травма – в таких категориях шло обсуждение в ФРГ данной проблемы. В результате огромных усилий представителей разных групп немецкого общества была выработана адекватная историческая политика, государственная политика в области образования, процедуры и технологии коммеморации (публичных актов «вспоминания»)³⁹. Местами исторической памяти о тоталитаризме стали Международный центр документации по топографии террора, мемориал убитым евреям Европы, Еврейский музей, музей-мемориал концентрационного лагеря в Заксенхаузене. Государственная политика памяти позволила ФРГ упрочить свое место в европейском сообществе.

Мировые войны в политиках памяти

Особая роль в политике памяти неслучайно отводится войнам (и не только мировым) как драматическим событиям, травмирующим все, в том числе и память. Нередко посвященные этим событиям публикации и фильмы (научные/художественные/документальные) имеют в названиях определения «неизвестная», «забытая», «утраченная», чтобы подчеркнуть различия в подаче материала и интерпретации событий. Первую мировую войну в Британии и Франции предпочитают называть Великой, в отличие от Германии и ряда других стран. В СССР ее характеризовали как империалистическую, а современные исследователи называют «утраченной». В Венгрии до сих пор «Трианон» – символ потерь, которые венгры считают самыми крупными и болезненными, кем-либо и когда-либо переживаемыми во всей мировой истории. Карту территориальных потерь Венгрии по Трианонскому договору можно встретить не только в музее, но и в общественном транс-

³⁹ Борозняк А. И. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX века и начала XXI века. М.: Политическая энциклопедия, 2014; Шерпер Ю. Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти. Режим доступа: <https://www.perspektivy.info/print.php?ID=48576>

порте, даже в пабах. «Трианон», как и «Версаль», символизирует противоречивость результатов войны и памяти как коллективного феномена⁴⁰.

В англосаксонских странах коммеморация памяти о двух мировых войнах произошла на основе Дня памяти 11 ноября, учрежденного после Первой мировой войны, а после Второй мировой войны в этот день вспоминают жертв обеих войн. Красный мак стал символом почти сразу после публикации в 1915 г. в журнале «Панч» стихотворения канадского подполковника Д. Маккрея «На полях Фландрии» в память о погибшем под Ипром друге, похороненном в поле, где обильно цвели красные маки. Инсталляции, арт-объекты и другие варианты коммеморации с использованием красных маков, как и этот цветок в петлицах миллионов людей в эти ноябрьские дни, призваны сохранить память. Однако, как отмечалось ранее, это может входить в противоречие с тем, что является символически значимым для других стран.

Холокост в политике памяти о Второй мировой войне

Не так легко было найти общие смыслы памяти о войне для стран, которые находились по разные линии фронта в годы войны. Символом вселенской трагедии Второй мировой войны стал Холокост – массовое уничтожение нацистами представителей различных этнических и социальных групп, в первую очередь – граждан еврейского происхождения. Так, нацистским режимом были уничтожены 6 млн евреев. Относительно Холокоста мировое сообщество признало чудовищность проведенного нацистским режимом геноцида и необходимость сохранить память о Холокосте, чтобы ничего подобного не могло произойти снова. Институционализация памяти о Холокосте происходила в разных странах путем создания музеев и мемориальных комплексов, в которых представлен сегодня широкий круг документальных свидетельств и иных средств сильного эмоционального воздействия. Так, кадры кинохроники и рассказы узников находятся в особых музейных зонах, куда заходят те, у кого «нервы покрепче».

⁴⁰ Фадеева Л. А., Плотников Д. С. Опыт мировых войн в политике идентичности и выстраивании стратегии безопасности // Региональные стратегии международной безопасности: Россия, ЕС и Ближний Восток. М.: Научный консультант, 2019. С. 214.

В 1990-е гг. была создана рабочая группа по международному сотрудничеству в области преподавания, изучения и увековечения памяти о Холокосте. 27 января 2005 г. Генеральная Ассамблея ООН объявила Международным днем Холокоста, который должен отмечаться ежегодно. Ключевой темой политики памяти в Европе стала коллективная память о Холокосте, а «основной задачей – проработка трагического опыта Второй мировой войны и преступлений нацизма. На основе осознания коллективной вины и ответственности европейских народов (включая и население оккупированных нацистами территорий) за трагедию Холокоста становилось возможным формирование консолидирующего исторического нарратива. Тем самым Холокост должен был стать нитью, связывающей общеевропейский исторический нарратив XX в. в одно целое»⁴¹.

Мемориальные войны в современном геополитическом контексте

Современную ситуацию в отношении политики памяти исследователи характеризуют через понятия «мемориальные войны», «соревнование жертв», «битва за прошлое», «войны вокруг памятников». Это связано со все более активным вмешательством политики в конструирование коллективных представлений о прошлом. «Современные сложно устроенные общества производят разную память об одних и тех же событиях... при этом в отличие от истории, стремящейся к объективной реконструкции событий, коллективная память характеризуется принципиальной неполнотой и избирательностью»⁴². Она объясняет особую остроту и болезненность споров о оценке исторических процессов тем, что идентичности групп нередко опираются на разные мифы об одних и тех же исторических событиях, мнемонические конфликты воспринимаются особенно эмоционально и нередко с успехом используются для конструирования «другого» как «врага» и в целях негативной мобилизации»⁴³.

⁴¹ Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы / под ред. А. И. Миллера и Д. В. Ефременко. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2020.

⁴² Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. С. 28.

⁴³ Там же. С. 31.

Так, страны Центральной и Восточной Европы имели свои представления об истории эпохи мировых войн и революций, которые существенно отличались от выработанного странами Запада нарратива. «В странах Восточной Европы... память оказывается аренной ожесточенной “борьбы за идентичность”, а практики коммеморации (увековечивания памяти) – ключевым инструментом государственной политики идентичности»⁴⁴. Это нашло отражение в символической политике Польши и балтийских стран, где были введены новые праздники и памятные даты, чтобы напомнить об этих жертвах. Начиная с 2011 г. в Польше 1 марта отмечается «день проклятых солдат» – участников антикоммунистической борьбы и борьбы против нацистов как в период Второй мировой, так и во времена существования «социалистической» Польши. День приурочен к вынесению смертного приговора 1 марта 1951 г. семи участникам подпольной антикоммунистической организации «Свобода и независимость»⁴⁵. В Латвии 8 мая отмечается «День победы над нацизмом и день памяти жертв Второй мировой войны»⁴⁶, 25 марта официальная Рига отмечает, как «День памяти жертв коммунистического геноцида»⁴⁷. Введены наказания за «приписывание» политики Холокоста лидерам и населению этих стран. В них созданы музеи, в которых рассказывается о жестокостях не столько фашистского, сколько советского режима – Музей Террора в Венгрии, Музей оккупации Латвии, музей жертв геноцида (КГБ) в Эстонии, Мемориал жертв коммунизма и сопротивления в Румынии. «Институты национальной памяти» (Комиссия по расследованию преступлений против польского народа, Институт по расследованию коммунистических преступлений в Румынии и т. п.), специальные исторические общества и ассоциации, разнообразные медийные программы призваны поддержать то, что, по меткому выражению

⁴⁴ Семененко И. Прошлое на переднем крае политики идентичности // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 11.

⁴⁵ День памяти «проклятых солдат» в Польше. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2584726.html>

⁴⁶ Латвия отмечает День поражения нацизма и памяти жертв Второй мировой войны. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/4238573>

⁴⁷ День памяти жертв коммунистического геноцида в Латвии. Режим доступа: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.calend.ru%2Fholidays%2F0%2F0%2F2230%2F&d=1>

С. М. Маркедонова, можно отнести к направлению «научного национализма»⁴⁸.

Акцент в политике памяти в странах ЦВЕ был сопряжен с вытеснением из коллективной памяти понимания решающего вклада СССР в победу над фашизмом. К сожалению, политика искажения истории дает результаты: все меньше европейцев в целом считают советский вклад в победу ключевым, все больше склонны приписывать главную роль англо-американским союзникам⁴⁹. Войны памяти становятся мощным оружием внутривнутриполитических противостояний и внешнеполитической борьбы.

Российская политика памяти о Великой Отечественной войне как осевой конструкт идентичности

В условиях современного обострения геополитического противостояния все более значимой становится роль памяти о Великой Отечественной войне как осевого ориентира российской идентичности и скрепы коллективной памяти российского общества. Как уже отмечалось в предыдущих главах, победу в войне современные российские граждане расценивают как одно из важнейших достижений своей страны, ее вклад в мировую историю. Она занимает особое место в коллективной памяти, или, как говорят в публичном пространстве, в народной памяти. Обширная литература посвящена восприятию войны, трансформации ее коммеморации и интерпретации – от трагизма (память о 26,6 млн погибших, согласно официальной статистике) к викторизму («нация победителей»).

Показателен пример с Днем Победы, который с 1948 по 1964 г. официально не отмечался, а парады были приурочены лишь к юбилейным датам – 20-летию, 40-летию, 45-летию победы. В 1995 г. был принят Федеральный закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», и парады стали ежегодными. 9 Мая объявлено общенациональным праздником, выходным днем. «Праздник со слезами на глазах» – это не

⁴⁸ Маркедонов С. М. Борьба за память в мире «бунтующей идентичности» // Новое прошлое. 2020. № 3.

⁴⁹ Фадеева Л. А., Плотников Д. С. Опыт мировых войн в политике идентичности и выстраивании стратегии безопасности // Региональные стратегии международной безопасности: Россия, ЕС и Ближний Восток. М.: Научный консультант, 2019.

просто фраза из песни, а отражение умонастроения миллионов наших граждан, их коллективных представлений о войне. Память о Великой Победе откликается в российском народе рожденными по инициативе граждан акциями, такими как Георгиевская ленточка (с 2005 г.) и Бессмертный полк (с 2012 г.).

Ввиду секьюритизации политики памяти в Европе и «американизации» победы политика памяти о Великой Отечественной войне и о вкладе СССР в победу над фашизмом в войне стала рассматриваться в России в контексте стратегической безопасности. С этим связаны изменения в законодательной базе (см. главу 3).

Секьюритизация политики памяти стала мейнстримом в 2010–2020-е гг., что обусловлено, прежде всего, политическими, а точнее, геополитическими процессами. Политика влияет на историю, что создает условия для того, что дискуссии по поводу прошлого все больше напоминают не диалог, а битвы.

Вопросы для обсуждения:

1. Почему политика памяти приобрела такую актуальность в современном мире?
2. Как изменились подходы к политике памяти в исторической и политической науке?
3. Чем объясняются различия в интерпретациях политики памяти?
4. Какое значение политика памяти имеет для политической идентичности?

Контрольное мероприятие

Коллоквиум по коллективной монографии «Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы» / под ред. А. И. Миллера и Д. В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020.

Литература

1. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛО, 2018.
2. Борозняк А. И. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX века и начала XXI века. М.: Политическая энциклопедия, 2014.
3. Васильев А. Memory studies: единство парадигмы – многообразие объектов // Новое литературное обозрение. 2012. № 5. Режим доступа: <https://>

www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/117_nlo_5_2012/article/18946/

4. Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера и М. Липман. М.: НЛО, 2012.

5. Касьянов Г. Единый учебник истории ЕС и своя правда Восточной Европы. Режим доступа: <http://www.eedialogue.org/ru/2019/06/22/edinyj-uchebnik-istorii-es-i-svoya-pravda-vostochnoj-evropy>

6. Курилла И. И. Битва за прошлое. Как политика меняет историю. М.: Альпина Паблишер, 2021.

7. Маркедонов С. М. Борьба за память в мире «бунтующей идентичности» // Новое прошлое. 2020. № 3.

8. Семенов И. Прошлое на переднем крае политики идентичности // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 11.

9. Семенов И. С. Новые ракурсы политики идентичности: трудная память в музеях истории XX века // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 5.

10. Шерпер Ю. Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти. Режим доступа: <https://www.perspektivy.info/print.php?ID=48576>

5.4. Политика идентичности в региональном и локальном измерениях

В разделе 2 мы определили политику идентичности как деятельность вовлеченных в политический процесс субъектов по формированию и поддержанию национальной (национально-государственной), гражданской и иных форм идентичности больших сообществ. Такая идентичность оказывается объектом целенаправленного воздействия и взаимодействия субъектов публичной политики и групп интересов на путях формирования общих ценностей и ориентиров развития различных сообществ, в том числе и территориальных, групповых солидарностей внутри этих сообществ, поддержания чувства личной принадлежности к ним. Этот подход позволяет говорить о политике идентичности на региональном и локальном уровне, определять круг субъектов этой политики, анализировать иерархию территориальных идентичностей в различных странах. Если в России разнообразные социологические исследования фиксируют безусловный приоритет выраженности общероссийской идентичности в сравнении с региональной и локальной, то во многих странах Южной Европы ситуация

противоположная, и чувство принадлежности к определенному городу или региону доминирует в структуре территориальных идентичностей.

И региональная, и локальная идентичности относятся к нижним уровням территориально-пространственной идентификации и фиксируют принадлежность сообщества к конкретному географическому пространству. Политика идентичности на этих уровнях отличается мультисубъектным характером, активную роль в ней играют не только органы государственной власти и местного самоуправления, но и образовательные и культурно-просветительские учреждения, бизнес-структуры, СМИ, общественные организации и гражданские инициативы. Объективной основой для формирования идентичности служат культурно-исторические особенности регионального или локального сообщества, экономическая специализация, природно-климатическое своеобразие и ряд других факторов.

В современном мире мы нередко сталкиваемся с явлением политизации региональной идентичности, когда проблематика идентичности используется региональными элитами для обоснования собственных, узкокорпоративных интересов, либо для продвижения проектов повышения уровня политической автономии регионов на основе противопоставления «свой – чужой». Именно такая картина наблюдалась во время проведения референдумов в Шотландии (2014) и Каталонии (2017), которые проходили под лозунгами «Шотландия – не Британия!» и «Каталония – не Испания!».

Виды и структура региональной идентичности

Региональная идентичность – это комплекс символических и идейных установок, связанный с процессом интерпретации регионального своеобразия, через который уникальность региона приобретает осязаемые черты в образах, символах и мифах, разделяемых членами регионального сообщества⁵⁰.

Обычно политологи связывают понятие региона с административно-территориальными образованиями (например, в России – с республиками, краями или областями, в Германии – с землями),

⁵⁰ Назукина М. В. Региональная идентичность // Идентичность. Личность. Общество. Политика. М.: Весь Мир, 2017. С. 508.

но значимыми идентификационными признаками обладают сообщества наднациональных регионов (Евросоюз), макрорегионов в составе национальных государств (Север и Юг в Италии, Сибирь и Дальний Восток в России).

Существуют макрорегиональные идентичности, находящиеся в процессе формирования, результат которого зависит от множества геополитических, экономических и социокультурных факторов. Говорить о макрорегиональной североамериканской идентичности преждевременно, но анализировать видимые и развивающиеся тенденции вполне возможно. Иммиграция, фронтир, регионализм и феномен «островитянства» – эти четыре фактора оказали колоссальное влияние на формирование национальной идентичности в США и Канаде, обусловили известное типологическое сходство идентификационных признаков, связанное с процессами освоения континента. Третье крупнейшее государство континента, Мексика, является ярким примером актуализации ибероамериканской идентичности – и в то же время ее участие в интеграционных североамериканских проектах и колоссальные миграционные потоки мексиканцев стали важным фактором динамики национальной идентичности США и Канады.

Выделяют также вернакулярные регионы, под которыми понимаются географические регионы, бытующие в обыденном сознании общества или его части в виде образов определенной территории, обладающей названием и специфическими качествами⁵¹. К таким регионам могут быть отнесены как достаточно большие территории (Прованс во Франции, Полесье в Белоруссии), так и внутригородские районы (Петроградская сторона в Санкт-Петербурге, Хамовники в Москве), но во всех случаях жители вернакулярных регионов имеют устойчивые ориентиры территориальной идентичности.

В структуре региональной идентичности выделяются три компонента:

1) когнитивный (наличие представлений об истории и географии региона, осознание общих черт регионального сообщества и ключевых отличий от других сообществ);

⁵¹ Смирнягин Л. В. Вернакулярный регион // Социально-экономическая география. Понятия и термины. Словарь-справочник. Смоленск: Ойкумена. С. 35–36.

2) эмоциональный (характер восприятия людьми своего региона, комплекс чувств и эмоций, которые они испытывают, – чувство привязанности, гордости за свою «малую родину», местный патриотизм);

3) инструментальный (идентичность становится основой для коллективных действий в интересах региона и его жителей)⁵².

Существует определенный комплекс факторов, усиливающих проявление региональной идентичности. К таким факторам исследователи относят наличие регионального языка, опыт государственности или ограниченного суверенитета в прошлом, характер центр-региональных отношений, наличие региональных партий, уровень экономического развития и миграционные процессы.

Композитная модель локальной идентичности

Существуют типичные маркеры идентичности, присутствующие в том или ином объеме и соотношении в локальных сообществах. К таким маркерам относятся: малая родина – место рождения; особенности ландшафта и климата; экономическая специализация и уровень социально-экономического развития; реальные или приписываемые черты коллективного поведения; исторические события, значимые люди; локальная мифология, структура которой включает такие значимые смысловые конструкты, как миф основания, миф о культурном герое, миф о «золотом веке». При конструировании локальной идентичности актуализируется один из ее маркеров, который выделяется как доминирующий, тогда как остальные маркеры выполняют вспомогательные и (или) латентные функции. Таким образом складывается композитная модель⁵³. В любом курортном городе доминирующим маркером будут, скорее всего, природно-климатические условия, как в Сочи, а в промышленном городе – экономическая специализация, как в Иваново.

⁵² Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе // Логос. 2003. № 6. С. 67–116.

⁵³ Термин заимствован из естественных наук. Композитом называется неоднородный сплошной материал, состоящий из двух и более компонентов, среди которых выделяются армирующие элементы, обеспечивающие необходимые характеристики материала. Введение в политологический текст данной метафоры представляется вполне оправданным ввиду сущностной близости характеристик и является распространенной в социально-гуманитарных науках практикой.

Маленький город Козельск в Калужской области прославился своей героической обороной с марта по май 1238 г. от монгольского нашествия хана Батыя, и это историческое событие стало доминантным маркером локальной идентичности. Религиозное возрождение постсоветской России обусловило и возрождение еще одного важного социокультурного маркера, связанного с близостью Козельска к Оптиной пустыни – одному из великих духовных центров православия.

Важной характеристикой локальной идентичности является также темпоральная ориентация. В случае ретроспективной ориентации локальной идентичности чувство привязанности к своему городу или району связано с переживанием утраченного прошлого. В Великом Новгороде, к примеру, многие жители считают «золотым веком» период существования Новгородской республики. Там, где темпоральная ориентация является перспективной, жители имеют общие, разделяемые планы на будущее, поддерживают конкретные проекты развития поселений, связывают с ними будущее своих детей. Перспективная ориентация свойственна многим регионам, связанным с высокотехнологичным производством (например, Силиконовые доки Дублина).

Функции и типы политики идентичности

Политика идентичности на региональном и локальном уровне выполняет следующие функции:

- коммуникативная (политика идентичности является важным инструментом обеспечения информационно-коммуникативного взаимодействия между властью и обществом);
- интегративная (объединяет население на основе общих разделяемых ценностей и смыслов);
- имиджевая (используя значимые для жителей исторические, социально-экономические и культурные символы, формирует культурный образ территории, является мощным средством привлечения инвесторов и туристов);
- электоральная (конструирует программы и технологии избирательных кампаний с учетом маркеров региональной и локальной идентичности);

– функция социализации (формирует и прививает систему норм и принципов, разделяемых региональным или местным сообществом).

Существуют разные варианты типологии политик идентичности (реактивная, проактивная и активная), отличающиеся степенью вовлеченности различных субъектов в развитие территорий и системностью мероприятий, связанных со стратегическими приоритетами развития. Реактивная политика идентичности характеризуется отсутствием выработанной стратегии развития региональных и локальных сообществ и ситуативным включением отдельных субъектов политики идентичности в мероприятия, инициированные извне и способствующие актуализации идентичности. Проактивная политика идентичности представляет собой набор разрозненных мер, основанных на включенности ряда субъектов и институциональных механизмов, не имеющих общей стратегии и инклюзии, в проекты развития территорий. Активная политика идентичности включает в себя восприятие субъектами и региональным/местным сообществом идентичности как ценности и ресурса развития, имеется стратегия и ее институциональное воплощение; политика идентичности дифференцирована по направлениям и является неотъемлемым компонентом разработки и реализации стратегии развития муниципальных образований.

Технологии символической политики и политики памяти в формировании региональной и локальной идентичности

Основными институциональными механизмами политики идентичности на локальном уровне являются символическая политика и политика памяти. Символическая политика ориентируется на изучение совокупности действий коллективных акторов и механизмов, обуславливающих результаты такового взаимодействия⁵⁴. Она формирует региональную и локальную идентичности, используя символы разного происхождения, имеющие смыслообразующее значение для конкретного территориального сообщества.

Прежде всего, используются официальные символы – герб, гимн, флаг. Флаг Венеции украшен изображением крылатого льва, симво-

⁵⁴ Малинова О. Ю. Символическая политика // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семененко. М.: Весь Мир, 2017. С. 655–660.

лизирующего евангелиста Марка, чьи мощи хранятся в Венеции с 828 г. Лев подчеркивает преемственность исторической традиции Венецианской Республики. Гимном Краснодарского края является произведение на стихи полкового священника отца Константина Образцова. Народная песня «Ты, Кубань, Ты наша Родина», была написана в 1914 г. на русско-турецком фронте и посвящена казакам 1-го Кавказского казачьего полка, в память боевой их славы в Первой мировой войне. В ней нет ничего батального, внешнего, описательного. Она звучит по-человечески просто, душевно и в то же время величаво⁵⁵.

Официальную символику имеют не только регионы, но и небольшие сельские поселения, причем символика нередко становится результатом народного творчества. Герб станицы Куринской на Кубани вобрал в себя все значимые для станичников символы: зелень кавказского предгорья, синеву реки, знак Куринского казачьего полка, основавшего станицу, колесо паровоза (значительная часть населения работает на железной дороге).

Среди неофициальных символов в политике идентичности часто используются:

- архитектурные символы (храм Спаса на Крови в Санкт-Петербурге, Голубая мечеть в Стамбуле, Золотая обитель Будды Шакьямуни в Элисте, оперный театр в Сиднее, творения Антонио Гауди в Барселоне);

- природные символы, анималистические и ботанические (лотос в Астраханской области, дерево Герники, римская волчица, орел в Кавказских Минеральных Водах);

- вербальные имиджи («Иваново – город невест», «Если есть на свете рай, это Краснодарский край»)

- музыкальные символы (горловое пение в Якутии, тарантелла на Юге Италии).

Отдельного внимания заслуживают технологии использования персоналистских символов в политике идентичности на региональном и локальном уровне. Основой технологий могут

⁵⁵ Послушать гимн Краснодарского края в исполнении Кубанского казачьего хора можно тут: <https://hymnus.ru/gimn-kubani-krasnodarskogo-kraya/>

На этом сайте вы сможете познакомиться с гимнами разных стран, регионов и городов.

становиться как ассоциативные образы (Марианна как символ Французской революции), так и вымышленные образы (Хозяйка Медной горы, Шерлок Холмс). Смысловым центром политики идентичности в российском Великом Устюге является Дед Мороз, а в испанской автономной области Кастилья-Ла-Манча – Дон Кихот. Реальные исторические личности также нередко становятся частью региональных и локальных брендов.

Политика памяти является инструментом консолидации региональных и локальных местных сообществ на всех поколенческих и иных социальных уровнях. Зачастую именно на поле прошлого выстраиваются образы будущего. Методологической основой анализа политики памяти является концепт коллективной (исторической) памяти, разработанный французским философом и социальным психологом М. Хальбваксом, основная идея которого заключается в том, что носитель всякой коллективной памяти – это «группа, ограниченная в пространстве и во времени»⁵⁶.

Технологии политики памяти направлены на интерпретацию и оценку исторических событий, а также разработку стратегий формирования представлений об исторической роли региональных и локальных сообществ. К технологиям политики памяти можно отнести:

– топонимические (наименование и переименование пространственных объектов). В конце 2021 г. аналитики сервиса «Яндекс карты» определили, что Краснодарский край лидирует среди всех регионов по наименованиям улиц, площадей, переулков и проспектов, которые названы в честь известных советских деятелей, знаковых событий СССР или имеют в своем названии слово «советская». Было определено, что на Кубани таких наименований – 1936, следом идут Свердловская область (1780), Татарстан (1622)⁵⁷;

– образовательные (формирование и сохранение исторической памяти через систему среднего, высшего и дополнительного обра-

⁵⁶ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. С. 8–27. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>

⁵⁷ Краснодарский край и Свердловская область признаны самыми «советскими» регионами. Daily Storm. Режим доступа: <https://dailystorm.ru/news/krasnodarskiy-kray-i-sverdlovskaya-oblast-priznany-samymi-sovetskimi-regionami>

зования). В школах Краснодарского края введено преподавание курса, который называется «Кубановедение». Одной из задач курса является формирование региональной идентичности учащихся;

- музейные (создание специальных музеев и экспозиций, отражающих разделяемую сообществом позицию по оценке событий прошлого);

- технологии специальных событий и праздников (поддержание объединяющих исторических нарративов через учреждение специальных праздников, фестивалей, организацию тематических конкурсов, стипендий, акций, мероприятий). Жители Страны Басков выдвинули гражданскую инициативу за родной язык – Коррику. Во время ее проведения несколько сотен тысяч бегунов на протяжении 11 дней непрерывно передают эстафетную палочку, символизирующую родной язык, из рук в руки. Эстафетная палочка успевает побывать во всех городах и деревнях Страны Басков, поучаствовать в эстафете считается честью, поэтому организации и частные лица «выкупают» участки эстафеты, а собранные с помощью такого краудфандинга средства идут в пользу образовательных учреждений, в которых преподается баскский язык. Также, подчеркивая уникальность своего языка, баски с давних пор проводят конкурс на лучшее чтение берцолари (устное стихосложение).

Технологии проектирования в имиджевой политике в России на региональном и локальном уровне

Актуальность обращения к символическим практикам конструирования «мы-сообщества» обусловлена их практическим потенциалом, осознанием идентичности в качестве нематериального ресурса развития местных сообществ. Социокультурное проектирование через инструментарий политики идентичности приводит к ощутимым изменениям в социально-экономическом развитии муниципалитетов и регионов. Так, в 2013 г. Ульяновская область стала первым в России регионом, озадачившимся проблемой создания концепции региональной идентичности.

Получение практического эффекта от использования региональных особенностей осуществляется за счет разработки различных региональных брендов, в том числе туристических, опреде-

ления новых региональных символов и эмблем при праздновании юбилейных событий в региональной жизни⁵⁸. Используя конкурсные формы и привлекая специалистов для разработки имиджевых выразителей региональной уникальности, региональные власти стараются усилить символический капитал региона, представив его в виде узнаваемых меток исключительности.

Символический конкурс определяется как организованное мероприятие, в котором происходит соревнование за выбор символических атрибутов и дальнейшее определение победителя методом выбора.

Выбирая символы и бренды, имена значимых культурных героев, подбирая кандидатуры для переименования (например, аэропорта) или изображения на значимой визитной карточке (например, новой денежной банкноте), различные маркеры (часто природно-географические) используются для фиксации территориальной особенности, провоцируют сильнейшую рефлекссию и дискуссию в сообществах о том, кто есть «мы». Поле символических конкурсов поэтому – важный источник фиксации идентитарных маркеров. Речь может идти не только о выборе «материализованных символов», но и о конкурсах, приобретающих ритуальные аспекты. К таковым можно отнести, например, этнические конкурсы красоты, проводящиеся во многих республиках России.

Конкурсная активность в российских регионах во многом была стимулирована общероссийским проектом «7 чудес России», организованным газетой «Известия», телеканалом «Россия» и радиостанцией «Маяк» в 2007–2008 гг. После этого в регионах прошла волна местных конкурсов по определению региональной семерки чудес. Так, в 2009 г. такие конкурсы провели в Кировской и Тюменской областях, а в 2010 г. – в Мурманске (проект «7 чудес на краю света»). В Тюменском регионе он был приурочен к юбилейному событию – 65-летию области. Аналогично под юбилей проходят конкурсы и в других регионах.

⁵⁸ Подробнее см.: Назукина М. В. Новые тенденции в политике идентичности на региональном уровне в России: акторы, специфика, тренды // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Т. 14. № 3. С. 137–150.

Отдельно следует остановиться на участии регионов в общенациональном конкурсе 2013 г. «Россия 10», организованном ВГТРК и Русским географическим обществом, который был направлен на выбор через голосование десяти символов России. По итогам конкурса в число победителей вошли два лидера – мечеть «Сердце Чечни» и Коломенский кремль, а также Ростовский кремль, Псковский кремль (Кром), Нижегородский кремль, Петергоф, Мамаев курган, скульптура «Родина-мать зовёт», Кижи, Троице-Сергиева Лавра и озеро Байкал.

Подобная тенденция позиционирования за счет участия в проектных практиках, инициируемых внешними акторами, проявилась и в заинтересованности региональных элит в проектах, организуемых внешними экспертами. Самыми показательными и массовыми стали проекты создания различных карт России, на которых бы регионы позиционировали свою уникальность за счет определенных символов, в частности, сказочных героев (Проект «Сказочная карта России»), региональных гастрономических изюминок (Проект «Вкусная карта России»).

Проект «Сказочная карта России» был запущен в 2010 г. и направлен на популяризацию мест, связанных с героями русских сказок, былин и легенд. Задача состояла в том, чтобы «обосновать места возможного рождения или существования сказочных или былинных героев». Итогом стало нанесение на интерактивную карту сказочных персонажей, которых на карте в настоящее время обозначено свыше тридцати. Так, в число городов, где, по историческим сведениям, появились сказочные персонажи, попали Рязань (Добрыня Никитич), Ульяновск (Колобок), Великий Устюг Вологодской области (Дед Мороз), Кострома (Снегурочка), Ростов (Царевна-Лягушка, Алеша Попович) и др. Капитализация «сказочного ресурса» связана в первую очередь с привлечением туристов в регионы, которые наряду с местным сообществом рассматриваются в качестве потребителей данного имиджевого продукта. Конечно, значимым является и развитие локального и регионального патриотизма за счет продвижения традиционных и всем знакомых героев.

Межрегиональная конкуренция способствует развитию имиджевой политики на местах. В частности, одним из проявлений

подобной символической активности стала борьба территорий за то, чтобы стать местом проведения значимого мероприятия всероссийского и международного уровней (мегапроектная деятельность). Примерами таких громких событий стали дипломатические (саммит АТЭС во Владивостоке в 2012 г.) и спортивные проекты (летняя Универсиада в Казани в 2013 г., зимние Олимпийские и Паралимпийские игры в Сочи в 2014 г., конкуренция между регионами за право стать местом проведения матчей чемпионата мира по футболу в 2018 г., в окончательный список проведения которого в итоге попали Москва, Санкт-Петербург, Казань, Екатеринбург, Саранск, Самара, Сочи, Ростов-на-Дону, Калининград, Нижний Новгород и Волгоград).

Серьезным фактором, стимулировавшим развитие регионального и локального патриотизма, стали зимние Олимпийские и Паралимпийские Игры в Сочи в 2014 г. Столь грандиозное международное спортивное мероприятие, впервые проводившееся в России, усиливало не только национальную гордость, но и территориальную идентичность. Проявлялось это в поддержке российской сборной в целом и региональных выходцев-спортсменов. Кроме безусловной гордости за своих спортсменов, региональный патриотизм материализовался в символическом позиционировании российских регионов, городов и даже микрорайонов на национальном флаге. На синей полосе российского флага болельщиков были нанесены названия конкретных территорий. В приморском кластере работала грандиозная выставка, на которой все регионы представили свои экспозиции. В этом прослеживалась определенная логика взаимосвязи территориальной идентичности через национальный интеграционный символ.

В качестве примера символического конкурса рассмотрим конкурс по выбору банкнот 200 и 2000 рублей, который проходил в 2016 г. и получил название выбора «народной банкноты»⁵⁹.

В большинстве регионов – участников конкурса дискурс региональных особенностей концентрировался вокруг двух основных стратегий. Первая фокусировалась на смыслах статусных амбиций,

⁵⁹ Подробнее см.: Назукина М. В. Символические аспекты российского регионализма: на примере конкурсных практик // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2019. Т. 11. № 4. С. 532–550. DOI: 10.17072/2218-9173-2019-4-532-550.

туристической политики, внешней заинтересованности в маркировании общероссийских достижений (модель имиджевого позиционирования). Вторая связана с почвенническим дискурсом (почвенническая модель) – опорой на природу, культуру и историю региона.

При этом модель имиджевого позиционирования оказалась более успешной в плане результатов голосования, доли голосов, которую получили регионы, артикулировавшие эти смыслы. Справедливость итогов и победа Севастополя (200 руб.) и Владивостока (2000 руб.) связывались с федеральным политическим интересом и транслированием общероссийской идентичности: «...суть политической обстановки в стране. Севастополь как символ новых приобретений России на южной окраине, Дальний Восток – как форпост России в Азии, где недавно был построен космодром Восточный»⁶⁰.

Тенденции трансформации политики идентичности на современном этапе

Консервативные тенденции сохраняются в виде стратегий презентации идентичности, в рамках которых культивируются региональные традиции (празднование региональных юбилеев и традиционных фестивалей), закрепившиеся символические атрибуты региональной уникальности (гербы, флаги, гимны, региональные герои). Речь идет о включении территорий в региональное сообщество через формирование общей «картины мира» в виде образов регионального пространства и через ощущение общности истории. При таком подходе достаточно лишь пассивно поддерживать сложившиеся паттерны регионального своеобразия, использовать наработанный культурно-символический ресурс и подчеркивать особенности места. Например, в 2013 г. был создан туристический бренд Рязанской области, который получил название «Рязань – березовый край». Графическим знаком бренда стали три вышитых березовых листочка, что, по словам разработчиков, основано на двух характерных особенностях региона: его уникальной природе и традиционной рязанской вышивке. Разработчики

⁶⁰ ЦБ-скандал вокруг банкноты набирает обороты / НИА Крым (nia-krym.ru). Симферополь. 2016. 5 окт.

в нем обыгрывали наиболее популярные туристические образы региона – уникальная природа и наследие С. Есенина.

Инновационные тенденции связаны с иным вектором: наряду с традиционными символами региона, возникают новые выразители личности. В ряде случаев его наполняют элементы современного искусства, разного рода арт-практики, изменяющие городское пространство. Важное место здесь занимают уникальные «фишки». Так, падение метеорита в Челябинской области не осталось незамеченным, и в настоящее время власти пытаются капитализировать символическую выгоду от этого события. В 2013 г. на озере Тургояк прошел круглый стол «Южный Урал после метеорита». Участники обсуждений пришли к выводу, что Челябинск вполне реально превратить в метеоритную столицу мира⁶¹.

Региональный брендинг рассматривается в качестве инструмента социально-экономического развития будущего региона. Он занимает особое место в региональной повестке, в ряде случаев возводится в ранг стратегических приоритетов. При этом очевидно, что возможны разные стратегии регионального брендинга, в зависимости от следующих характеристик:

- ценности, определяющие содержание политики идентичности;
- методы реализации политики идентичности;
- наличие поддержки в сообществе по поводу проводимого политического курса (консенсус или конфликт);
- степень публичности и открытости политики идентичности, участие внешних акторов и профессиональных групп в выработке целей и реализации проектов политики идентичности (инклюзивная/эксклюзивная).

Нельзя не отметить тенденцию вписывания региональных особенностей в культурно-символическое пространство страны. Основа формирования образа любого государства – не только общие смыслы национальной идентичности (ассоциации и мифологемы о целостном сообществе), но и представления об уникальности отдельных ее частей. С другой стороны, как более

⁶¹ *Закатова Н.* Станет ли Челябинск метеоритной столицей мира? // КАРТА74. РФ, 28.08.2014. Режим доступа: https://www.xn--74-6kca2cwbo.xn--p1ai/tourism/articles/chelyabinsk_meteoritnaya_stolica/

общее представление о государстве может стать рамочным при формировании отношения к региону, так и образ региона может транслироваться или становиться одним из пазлов общей картины образа страны. На уровне позиционирования маркер «России» занимает существенное место в регионах. В частности, это проявляется в интеграции в общее пространство России и поиске ниши для собственной уникальности в российском культурном пространстве, в особенности при определении девизов и брендов регионов («Россия начинается в Смоленске», «Курск – Соловьиный край России», «Великий Новгород – родина России» и т. д.).

Не меньшее значение придается функциональной роли региона в общей экономической системе страны. Так, текстильная тематика является главенствующей в региональном позиционировании Ивановской области («Текстильный край», «Русский Манчестер», «Иваново – Ситцевая столица»), Ставропольский край продвигает образы «главного курорта страны», «всероссийской здравницы», «главной житницы России» и др. Применительно к уральским регионам можно говорить о том, что уже с XVIII в. слово «промышленность» неразрывно связано с Уралом. Особый статус подчеркивается присвоением территории региона неординарной роли в экономике («Урал – опорный край державы»). При этом сравнение с другими регионами осуществляется через такие категории, как крупнейший (старейший, первый и пр.), а ключевыми амбициями становятся статусы столиц и центров развития.

Таким образом, технологии символической политики, политики памяти и имиджевой политики на региональном и локальном уровнях имеют большой потенциал для формирования интегрированного дискурса региональной и национальной идентичности. Они могут быть использованы как для решения инфраструктурных задач и достижения целей социально-экономического развития, так и для конструирования позитивной идентичности.

Вопросы для обсуждения и задания:

1. Как соотносятся национальная, региональная и локальная идентичности в различных странах?

2. Охарактеризуйте собственную региональную идентичность, используя аналитическую модель М. Китинга.

3. На примере российских или зарубежных регионов подтвердите или опровергните суждение Р. Фитьяра о факторах, усиливающих региональную идентичность.

4. Какие субъекты политики идентичности наиболее ярко проявляют себя в местном сообществе, к которому вы принадлежите? Какие технологии символической политики и политики памяти они используют?

5. Каким образом реактивная политика идентичности на региональном или локальном уровне может быть преобразована в активную?

Контрольное задание по разделу

Web-квиз «Субъекты политики идентичности в регионе»

Web-квиз представляет собой перемещение студентов в информационном пространстве сети Интернет по предложенному преподавателем маршруту и выполнение по определенному плану аналитической работы, которая представляется в виде таблицы. На материалах анализа сайтов органов государственной власти, политических партий и общественных движений, образовательных учреждений студенты на практике проверяют свои знания о субъектах конструирования идентичности, стратегиях и технологиях этой деятельности, получают навыки работы с интернет-ресурсами и совершенствуют умения анализировать текстовый и визуальный материал.

Web-квиз выполняется в рамках самостоятельной контролируемой работы малыми группами студентов, его результаты представляются на практическом занятии в форме мультимедийной презентации. Преподаватель готовит 3–4 маршрутных листа для малых групп, изменяя набор субъектов, но оставляя их «родовую» принадлежность (орган власти, образовательное учреждение, СМИ, бизнес, НКО и т. д.).

Пример маршрутного листа для Web-квиза:

№	Субъект и адрес	Технологии символической политики	Технологии политики памяти	Технологии использования персональных идентификаторов
1	Законодательное Собрание Пермского края – https://www.zsperm.ru/			
2	Министерство образования и науки Пермского края – https://minobr.permkrai.ru/			

3	ПАО «Уралкалий» – https://www.uralkali.com/ru/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com			
4	Пермская государственная художественная галерея – http://www.museum.ru/M1575			
5	Городской клуб «Пермский краевед» – http://kraevedclub.permculture.ru/home.aspx			
6	Любой субъект на выбор студентов			

Литература

1. Евстифеев Р. В. Локальная идентичность: символическая политика и несимволические практики // Философские науки. 2016. № 1. С. 89–96.
2. Идентичность. Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание. М.: Весь Мир, 2017. – 992 с.
3. Крылов М. П. Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый хронограф, 2010. – 240 с.
4. Морозова Е. В., Мирошниченко И. В., Семенов И. С. Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 56–77.
5. Назукина М. В. Макрорегиональная идентичность и регионализм в современной Сибири // Трансформация идентичностей: Опыт Европы и России. Сб. научных статей. СПб., 2021. С. 185–191.
6. Назукина М. В. Между Уралом и Поволжьем: поиски пермской идентичности. Пермь: Печатный салон «Гармония», 2018. – 196 с.
7. Смирнягин Л. В. Эволюция места в ходе «производства пространства» // Символическая политика. 2016. Вып. 4. Социальное конструирование пространства. М.: ИНИОН РАН. С. 84–105.
8. Фадеева Л. А. Борьба за конструирование региональной идентичности: Пермский случай // Вестник Пермского университета. Политология. 2011. № 2. С. 43–51.
9. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. С. 8.

5.5. Политика идентичности в цифровой среде

Сетевая идентичность: от анонимности к персонализации

Сетевая идентичность – отождествление человеком (пользователем) себя с той или иной группой, созданной в Сети; виртуальная самопрезентация. С этой позиции интернет оценивается исследователями как «среда не столько информационная, сколько “самоидентификационная”»⁶². *Сетевая идентичность* является отражением множественности идентичностей и усиливает ее в виртуальной коммуникации. В то же время ее можно рассматривать и как разновидность *пространственной идентичности*⁶³, имея в виду виртуальное пространство информационно-коммуникационных потоков как среду и одновременно как ориентир самоидентификации. Параллельно с сетевой используются понятия виртуальная, мобильная, электронная, онлайн-овая и кибер-идентичности⁶⁴.

Сетевое общество утвердило скорость как одну из ценностей, а «бытие» в сетевых контекстах позволило участникам произвольно изобретать все новые идентичности. Наиболее подходящий термин для обозначения этого процесса – *трансгрессия идентичности*. Трансгрессия – в значении «выхода за пределы» – термин, введенный в постмодернистский философский дискурс М. Фуко⁶⁵. Речь идет о приписывании себе ранее не свойственных социальных ролей, о стремительном изобретении новых идентичностей. «Жизни людей, как они представлены в виртуальном пространстве, – это сетевые идентичности, которые легко подвергаются манипуляциям не только со стороны самого субъекта, но и извне», а «сама способность управлять сетевым контентом изменяет ракурс нашего видения себя и других»⁶⁶.

⁶² Белинская Е. П., Жичкина А. Е. Современные исследования виртуальной коммуникации: проблемы, гипотезы, результаты // InterNet magazine. № 16. Режим доступа: <http://www.gagin.ru/internet/16/28.html>

⁶³ Фадеева Л. А. Сетевая идентичность // Идентичность. Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание. М.: Весь Мир, 2017. С. 535.

⁶⁴ Мартынов Д. С. Сетевая идентичность: трансформация феномена и подходов к изучению // ПОЛИТЭКС. 2014. Т. 10. № 4. С. 152.

⁶⁵ Фуко М. О трансгрессии // Танатография Эроса. СПб.: Мифрил, 1994. С. 111–131.

⁶⁶ Longley P. A. Digital biography: capturing lives online. a|b: *Auto/Biography Studies*. 2009. Vol. 24. № 1. Summer. P. 74–92.

Понимание *сетевой идентичности* разрабатывалось первоначально с акцентом на то, что в виртуальной сети индивид получает возможность экспериментировать, создавать «Я», отличающееся от реальности, осуществлять желания, недостижимые для человека в повседневной жизни. Некоторые исследователи связывали создание виртуальной личности с «размыванием» реальной социальной идентичности человека⁶⁷. Формированию *сетевой идентичности*, отличающейся от реальной жизни, способствовали анонимность коммуникаций в Сети, использование «никнов», «аватарок». При этом новые идентичности легко сформировать, причем сразу несколько отличающихся друг от друга и даже, казалось бы, несовместимых.

Уже сейчас «практика развития идентичностей показывает, что для многих современных индивидов принадлежность к сетевым группам является более реальной, чем принадлежность к тем группам в реальном мире, в которые их включают социологи»⁶⁸. В то же время необходимо учитывать, что сетевая коммуникация зарождается как «голод сообщества», «жажда общности», последовавшая вслед за дезинтеграцией традиционных сообществ по всему миру»⁶⁹.

Социальные сети как новый механизм объединения людей в группы основаны на совпадении *сетевой идентичности* и реальной социальной идентичности. Помимо единичной коммуникации между индивидами социальные сети создают возможность объединяться в группы и сообщества. Кроме того, вступая в группу из разных личных соображений и поддерживая постоянную виртуальную коммуникацию с участниками данной группы (со многими – одновременно), люди формируют и усваивают определенную идентичность.

Стремительное появление самых разных акторов политико-коммуникативного взаимодействия во многом объясняется доступностью информационных технологий общения и упрощенной

⁶⁷ Kelly P. Human Identity. Part 1: Who are you? 1997. Режим доступа: www-home.calumet.yorku.ca/~pkelly/www/id1.htm

⁶⁸ Римский В. Л. Понимание идентичности // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. № 1 (99). С. 86–96.

⁶⁹ Rheingold H. A Slice of Life in My Virtual Community. 1992. Режим доступа: <http://www.informatik.uk/gnomic/rheingold.html>

процедурой агрегирования (а впоследствии и артикуляции) разрозненных интересов. Посредством блогов, форумов, политических сайтов, социальных медиа и т. д. происходит формирование сообществ, обособленных групп интересов и разнообразных Сетей, которые могут стать акторами коллективного действия, нацеленными на реализацию информационного влияния в сетевом ландшафте и за его пределами.

В отношении оценки развития интернета и сопутствующего ему процесса создания *сетевых идентичностей* продолжают оставаться свои оптимисты и пессимисты. Первые полагают, что сетевые коммуникации помогают сформировать сетевые *сообщества* независимых и свободно мыслящих граждан даже в тех обществах, где существуют ограничения свободы. В таком случае *сетевая идентичность* укрепляет и усиливает *гражданскую идентичность*. Пессимисты полагают, что сетевые коммуникации и идентичности облегчают манипулирование людьми со стороны власти и различных структур недемократического толка. Во многом политическая активность тех или иных сил в Сети зависит от национально-государственного политического контекста, от характера политического режима. Но, как показывает практика, активнее *сетевую идентичность* формируют радикальные и экстремистские силы, ограниченные в реальном процессе нормативно-правовыми рамками. Неслучайно в большинстве западных стран созданы специальные аналитические отделы, чьей задачей является отслеживание сетевых коммуникаций представителей террористических групп. Отсюда же и усилия государств по нормативно-правовой регламентации онлайн-практик и коммуникаций.

Дифференциация между оптимистами и пессимистами существует и в отношении других родившихся в Сети феноменов – электронного правительства, электронной демократии, делиберативных площадок. Первые убеждены, что электронные коммуникации меняют контент, вторые уверены в том, что лишь изменение реальных политических институтов может способствовать демократизации.

Сетевая идентичность и ее манифестации могут носить как сугубо политический (организация протестной гражданской активности, например борьбы со злоупотреблениями ТНК), так

и неполитический характер (флэш-мобы). Особый интерес в этом контексте представляет такое явление, как хактивизм. Оно сформировано сочетанием хакерских технологий и методов деятельности (компьютерные атаки, рассылка вирусов, блокировка почтовых ящиков и т. п.) с протестной деятельностью, направленной против конкретных организаций и лиц. Такая активность может носить сугубо коммерческий характер, но может быть организована и во имя политических целей. Известны виртуальные сидячие забастовки как форма гражданского неповиновения. Политические цели присутствуют в организации деятельности «анонимов» (*Anonimous*), сетей *Wikileaks* и *Rusleaks*, представители которых позиционируют себя как борцов с коррупцией.

В современном сетевом пространстве получили развитие платформы гражданского участия, целью которых является повышение уровня координационного взаимодействия использующих их субъектов. Они являются новой открытой экосистемой, которая обеспечивает диалог и производит сетевые эффекты. Внедрение платформ электронного участия может помочь в решении следующих задач: дать гражданам возможность вступить в диалог с государством; оптимизировать поток информации из гражданского общества в государство; построить имидж власти, открытой для идей граждан.

В противовес хактивизму складывается слактивизм («*slacktivism*»⁷⁰), под которым понимается имитация участия и получение удовлетворения от мнимой активности в виде «репостов» и «лайков», подписания электронных петиций, но без желания и готовности выступить в защиту гражданских инициатив. Зигмунт Бауман по этому поводу высказывается так: «Настолько легко добавить или удалить друзей в социальных сетях, что человек утрачивает реальные социальные навыки... Большинство людей использует социальные медиа не для того, чтобы объединиться или расширить горизонты, а напротив, чтобы ограничить себя комфортной зоной, где единственные звуки, которые они слышат, это эхо их собственного голоса». Вопрос идентичности, по его словам, изменился: вместо того чтобы быть кем-то, люди стремятся

⁷⁰ Morozov E. The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom. NY: Public Affairs, 2011.

создавать свои сообщества⁷¹. Такое явление получило название сетевого нарциссизма.

Немаловажный негативный эффект сетевой идентичности создается с помощью фейков в медиaprостранстве, когда производится создание поддельных виртуальных страниц для диффамации оппонентов, выкладывания порочащего их контента, создания негативного имиджа, распространения ложной информации. Это подрывает присущую оптимистам веру в открытость и достоверность распространяемой в сетевом пространстве информации.

Несмотря на указанные негативные эффекты сетевой активности, в целом она способствует «воспроизводству механизмов ризомной сетевой самоорганизации граждан»⁷². Конструирование сетевой идентичности усложняется по мере формирования «подвижной границы сетевого сообщества – сетевого фронта»⁷³.

Политическая идентичность в цифровом пространстве

Политическая самоидентичность понимается как совокупность социальных установок индивида относительно себя как субъекта осуществляемых в киберпространстве социальных взаимодействий политической направленности. Под групповой политической идентичностью участников виртуальных сетевых сообществ С. В. Бондаренко предлагает понимать ощущение групповой сплоченности, основанное на эмпатии, приверженности групповым социальным ценностям, доверии и общем идеологическом дискурсе⁷⁴. В киберпространстве политическая идентичность связана с аккумулярованием трех форм ресурсов: 1) объективированных (ресурсы, предоставляемые программно-техническими возможностями площадки взаимодействий – чата, сайта, электронной рассылки и т. д.); 2) институционализированных (авторитет у участников виртуальных сетевых сообществ, эмпатия); 3) инкорпорированных (комму-

⁷¹ Интервью с Зигмунтом Бауманом. Социальные медиа как западня. Режим доступа: <https://tovievich.ru/news/7296-socialnye-media-kak-zapadnya-intervyu-s-zigmuntom-baumanom.html>

⁷² Мирошниченко И. В. Сетевой ландшафт российской публичной политики. Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. – 295 с.

⁷³ Морозова Е. В., Мирошниченко И. В., Рябченко Н. В. Фронтير сетевого сообщества // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 2.

⁷⁴ Бондаренко С. В. Политическая идентичность в киберпространстве // Политическая наука. 2005. № 3. С. 79.

никативная компетенция, информационная культура, возможности интерактивной коммуникации в режиме реального времени и др.)⁷⁵.

Можно выделить несколько векторов влияния сетевого общества на формирование политической идентичности. Прежде всего, это преодоление «цифрового дуализма» (разделения цифровой и физической реальности): продиктованные спецификой виртуальной коммуникации анонимность и связанные с ней игры с идентичностью теряют свою актуальность, т. к. в условиях сбора и анализа цифровых следов и больших данных реальная идентичность практически сращивается с виртуальной, превращаясь в единый цифровой профиль личности, переноса в публичную сферу частную жизнь человека⁷⁶. В политологическом научном дискурсе эта тенденция была зафиксирована С. В. Тихоновой⁷⁷.

Другой вектор выражается в стремительном развитии сложносоставных⁷⁸, гибридных форм идентичностей (этот процесс происходит в offline-пространстве, но использование сетевых технологий его стимулирует и ускоряет). В таких условиях доминирующей моделью ответа на вопрос «Кто мы?» становится «подвижная идентичность», в основе которой лежат политико-психологические механизмы подражания и заражения⁷⁹.

Стремительное распространение (а в некоторых случаях преобладание) визуализированных или синтетических (таких как мем) форм политической идентификации стало очевидной тенденцией влияния сетевого общества на процессы конструирования

⁷⁵ Бондаренко С. В. Политическая идентичность в киберпространстве // Политическая наука. 2005. № 3.. С. 80.

⁷⁶ Лисенкова А. А. Идентификационные стратегии и практики в пространстве социальных сетей // Российский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 1. С. 35–41.

⁷⁷ Тихонова С. В. Социальные сети: проблемы социализации интернета // Полис. 2016. № 3. С. 138–152.

⁷⁸ Под сложносоставной идентичностью мы имеем в виду соотношение индивида с такой референтной группой, в социокультурных паттернах которой неразрывно слиты две или более разнорядковые идентификационные характеристики. Наличие такой слитности позволяет дифференцировать ее от гибридной и множественной идентичности. В отличие от последней, сложносоставная идентичность способна создавать устойчивые сообщества, которые могут выступать активными акторами политического процесса. Возникновение подобных референтных групп происходило на разных этапах цивилизационного развития, и чаще всего можно выявить исторические корни их формирования. – Морозова Е. В. Сложносоставная идентичность // Идентичность. Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание. М.: Весь Мир, 2017. С. 325.

⁷⁹ Титов В. В. Симулятивная реальность как вызов национальной идентичности: теория и российские политические практики // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 4. С. 592.

политической идентичности. «Мемы участвуют в формировании идентичности, актуализации личных переживаний, воспроизводстве и накоплении социального капитала, создают иллюзию сопричастности... Мемы воздействует на формирование и дополнение социальной и индивидуальной картины мира»⁸⁰.

Несомненным вектором является противоречивое переплетение позитивных и негативных эффектов влияния сетевизации на процессы формирования политической идентичности. Позитивные эффекты проявляются прежде всего в формировании в сетевом взаимодействии компетенций, востребованных современной реальностью, – эмоционального интеллекта, коллективной креативности, адаптивности, открытости⁸¹.

К негативным эффектам можно отнести: опасность кластеризации людей по различным признакам, создания индивидуальных социальных рейтингов (по типу китайского эксперимента), упрощение речи и неспособность составить связный текст, «информационная булимия» и др. Нарастание негативных эффектов породило движение «цифрового детокса» – сознательного отказа от использования гаджетов и игнорирование социальных сетей на определенный срок. В опросе, проведенном организацией MediaKix в 2017 г., 50% молодых людей сообщили, что чувствуют зависимость от своих мобильных устройств. А 78% опрошенных заявили, что проверяют свои цифровые устройства ежедневно⁸². Хотя люди часто чувствуют, что не могут представить жизнь без своих технических устройств, исследования и опросы показали, что использование технологий также может способствовать возникновению стресса.

Краснодарскими авторами предложена типология политической идентичности исследуемых сетевых сообществ⁸³. Первый

⁸⁰ Зиновьева Н. А. Воздействие мемов на интернет-пользователей: типология интернет-мемов // ВЭПС. 2015. № 1. С. 195–201.

⁸¹ Журавлев А. Л., Несстик Т. А. Психологические особенности коллективного творчества в сетевых сообществах // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 19–38.

⁸² Опрос MediaKix.ru. Режим доступа: <http://mediakix.com/2016/12/how-muchtime-is-spent-on-social-media-lifetime/#gs.TJzt1QY> (дата обращения: 05.05.2021).

⁸³ Наши выводы коррелируют с теми, что сформулировал Д. И. Каминченко, выделивший идентичность действия, идентичность самопрезентации и идентичность присутствия. – Каминченко Д. И. Типы сетевой идентичности в современном обществе // Современное российское общество: социально-политические тренды и вызовы: материалы конференции. Ярослав. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ. С. 90–95.

тип идентичности связан с формированием устойчивых солидарностей, т. е. солидарности «персонализируемых сообществ», представляющих сети межличностных связей и взаимодействий, основанные на социальной идентичности и обеспечивающие информацию и поддержку. Они реализуют личностные потребности в обществе, опираясь на новые коммуникационные возможности, что, в свою очередь, способствует их встраиванию в глобальное цифровое пространство социальности, созданное интернетом. Данные сообщества имеют устойчивый комплекс идентификаций и ценностных ориентиров, позволяющий им сохранять устойчивые взаимодействия, являющийся ресурсным основанием для реальных действий в политике. Этот тип идентичности наиболее ярко представлен в таких сетевых сообществах, как «Теплица социальных технологий», «Помоги городу», «Лиза Алерт».

Второй тип идентичности представляет собой особый тип идентификации и консолидации пользователей – транзитную солидарность, которая отличается спонтанным (незапрограммированным) характером возникновения и демонстрирует стихийный цифровой механизм распространения; кратковременную публичную демонстрацию единства; нацеленность на символические коммуникативные взаимодействия. Данные сообщества имеют подвижную основу для идентификации, характеризуются отсутствием реально скрепляющих социальных связей и комплексов ценностных ориентиров, которые могут создавать парадоксальные конфигурации участников сетевых сообществ, имеющих в традиционной среде конфликтные взаимодействия. Для транзитных сообществ приоритетным является процесс консолидации и интеграции (вовлеченность в событие, а не в сообщество), а не результат (сформированные устойчивые основания единства). Примеры таких сообществ – «Рыбалка», «Реальный футбол», «Автомобилисты».

Сетевые механизмы формирования идентичностей

В современном социально-гуманитарном знании проблема появления и распространения сетевых механизмов формирования идентичностей не имеет своего четкого концептуального

обоснования, но осмысливается в рамках исследований идентичности в условиях формирования новой социальной реальности⁸⁴. Первая группа исследований, рассматривая условия, процессы и результаты формирования идентичности в постсовременности, акцентирует внимание на виртуализации социальной реальности как механизме, трансформирующем жизненное пространство индивида и сферы его деятельности⁸⁵. Идентификационные механизмы могут иметь подвижные границы, а весь процесс идентификации может быть рассмотрен как процесс адаптации к постоянным трансформациям внешней среды в поле дискурсивных практик и публичной нарративизации виртуального автопроекта⁸⁶. Вторая группа исследований акцентирует внимание на механизмах, основанных на технологических возможностях интерфейсов социальных онлайн-сетей, способствующих формированию сетевой идентичности, которая рассматривается как конструирование проекта личности в онлайн-пространстве, направленного на удовлетворение разнообразных потребностей индивида⁸⁷.

Сетевые механизмы формирования идентичностей представляют собой комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных практик в глобальном информационно-коммуникативном пространстве, способствующих индивидуальной и коллективной идентификации, интериоризации и рефлексии. И. В. Мирошниченко⁸⁸ выделила следующие сетевые механизмы формирования идентичностей:

– механизмы проектирования (формирование идентичности рассматривается как проект или серия проектов, которые реализует личность, продвигая таким образом себя, свой личный бренд в разных видах и формах деятельности);

⁸⁴ Уханов Е. В. Идентичность в сетевых коммуникациях // *Философские науки*. 2009. № 10. С. 59–71.

⁸⁵ Luhmann N. Die Realitat der Massenmedien. Wiesbaden: Sozialwissenschaften I GWV Fachverlage GmbH, 2004.

⁸⁶ Войсунский А. Е., Евдокименко А. С., Федунина Н. Ю. Альтернативная идентичность в социальных сетях // *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. 2013. № 1. С. 66–83.

⁸⁷ Фленина Т. А. Семантическое пространство понятия «сетевая идентичность» // *Вестник РГПУ им. Герцена*. 2014. № 171. С. 310–314.

⁸⁸ Мирошниченко И. В. Сетевой ландшафт российской публичной политики. Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. – 295 с.

– механизмы сетевой коммуникации (способы продуцирования индивидуальных и коллективных форм аккумуляции информации, создания/распространения нового контента / новых знаний. Функциональность механизма сетевой коммуникации для воспроизводства/позиционирования традиционных и конструирования новых идентичностей заключается в его цифровой природе (готовности и открытости к изменениям) и сетевого этоса (ориентация на интеграцию в сообщество разнообразных по ценностным ориентациям и статусам акторов, обеспечение сотрудничества между ними на основе выработки единого ценностно-нормативного комплекса);

– механизмы рефлексивной включенности личности в публичное пространство (характеризуется как концептуализация индивидуальными и коллективными акторами автономных социальных миров, требующих создания собственных виртуализированных публичных пространств, но находящихся в тесной связи с общим социальным пространством. Концептуализация индивидом собственного социального мира с проекцией в политическую сферу рассматривается в контексте его рефлексивной включенности в публичное пространство);

– механизмы сетевого топос-структурирования (механизм формирования публичного пространства, в котором практические схемы, практики, ресурсы акторов публичной политики и структур публичного управления интегрируются в едином согласованном проекте решения конкретной локализованной проблемы. В топосе как интерсубъективной реальности идеи задают границы принимаемых решений);

– механизмы публичного краудсорсинга (целенаправленная деятельность акторов по использованию ресурсов граждан, организованных в общественные сети в онлайн-пространстве для коллективного создания (идеи, проекта) и (или) закрепления (решения, практики) инноваций в различных сферах общественной жизни (в бизнесе, социальной или политических сферах). Источником инноваций становится коллективный разум индивидуальных акторов, осуществляющих краудсорсинговую деятельность в организованных общественных сетях).

Вопросы для обсуждения:

1. Сформулируйте три аргумента *pro* и три аргумента *contra* влияния социальных медиа на формирование политической идентичности.
2. Какие факторы, на ваш взгляд, повлияли на движение от анонимности к персонализации в интернет-пространстве?
3. Распространен ли сетевой нарциссизм в политическом сегменте интернета? Аргументируйте свой ответ.
4. Какой из сетевых механизмов формирования идентичности, на ваш взгляд, получил наибольшее распространение?
5. Влияют ли, на ваш взгляд, компьютерные игры на формирование идентичности? Приведите не менее двух аргументов в подтверждение своей точки зрения.

Задание 1

Малыми группами проведите анализ 3–4 аккаунтов сетевых сообществ, обсуждающих актуальные социально-политические проблемы вашего региона. Опираясь на материал данного раздела, ответьте на следующие вопросы:

- А) Являются ли указанные сетевые сообщества акторами/субъектами политики идентичности?
- Б) Какой тип сетевой политической идентичности формируется в деятельности указанных сетевых сообществ?
- В) Какие сетевые механизмы формирования идентичности используются?

Результаты аналитической работы представьте в форме мультимедийной презентации, с использованием примеров онлайн- и офлайн-деятельности сетевых сообществ.

Задание 2

Напишите эссе, характеризующее сетевую идентичность 2–3 инфлюэнсеров, чьи посты вы регулярно отслеживаете.

Как репрезентует человек себя в Сети, меняется ли его сетевая идентичность в зависимости от контекста, какие символы и маркеры он (она) использует, на формирование каких ценностей ориентирован контекст его (ее) сообщений, какими аудиовизуальными эффектами это сопровождается.

Литература

1. Бондаренко С. В. Политическая идентичность в киберпространстве // Политическая наука. 2005. № 3.
2. Журавлев А. Л., Нестик Т. А. Психологические особенности коллективного творчества в сетевых сообществах // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 19–38.

3. Лисенкова А. А. Идентификационные стратегии и практики в пространстве социальных сетей // Российский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 1. С. 35–41.
4. Мартынов Д. С. Сетевая идентичность: трансформация феномена и подходов к изучению // ПОЛИТЭКС. 2014. Т. 10. № 4.
5. Мирошниченко И. В. Сетевой ландшафт российской публичной политики. Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. – 295 с.
6. Мирошниченко И. В., Морозова Е. В., Самаркина И. В., Плотицкина Н. В. Политика и Сети: трансформация субъективного пространства российской политики в XXI веке: монография. Краснодар: Перспективы образования, 2021. – 316 с.
7. Морозова Е. В., Мирошниченко И. В., Рябченко Н. В. Фронтير сетевого сообщества // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 2.
8. Новикова С. А. Политическая идентичность сетевых акторов интернет-пространства: методологические аспекты. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-identichnost-setevyh-aktorov-internet-prostranstva-metodologicheskie-aspekty>
9. Римский В. Л. Понимание идентичности // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. № 1 (99). С. 86–96.
10. Тихонова С. В. Социальные сети: проблемы социализации интернета // Полис. 2016. № 3. С. 138–152.
11. Фадеева Л. А. Сетевая идентичность // Идентичность. Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание. М.: Весь Мир, 2017. С. 535.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

Фрагмент статьи И. С. Семененко
«Новые ракурсы политики идентичности:
трудная память в музеях истории XX века»

Музей современной истории как пространство памяти¹

Культура воспоминания становится сегодня неотъемлемой частью личного социального опыта, и это во многом связано с размыванием привычных ориентиров идентичности. По выражению авторитетного французского историка Пьера Нора, автора концепции «мест памяти», «мы живем в эпоху всемирного торжества памяти». Исследования по политике памяти идут лавинообразным потоком. Отсчет можно вести со времени публикации ставших классическими трудов самого Нора и немецкого культуролога Алейды Ассман, а также работ французского философа и социолога Мориса Хальбвакса, оказавшихся референтной точкой для изучения политики памяти через полстолетия после гибели их автора.

В центре их внимания – осмысление коллективной исторической памяти как социального феномена и выявление механизмов ее формирования. Неслучайно, имея в виду опыт «новой музеологии», приоритетным направлением сегодня стал анализ *проекции исторической памяти в политический процесс*. Это направление оформилось в особую область социокультурных и политических исследований и за рубежом. Но и «войны памяти» стали реальностью современного нестабильного миропорядка. И это последнее обстоятельство заставляет задуматься об ответственности тех, кто непосредственно вовлечен в данный процесс, и о потребности обеспечить конструктивное взаимодействие заинтересованных участников вокруг формирования исторических нарративов. Новые подходы к музейной этике и предполагают наделение музея «моральной субъектностью (*moral agency*) как участника созидания

¹ Семененко И. С. «Новые ракурсы политики идентичности: трудная память в музеях истории XX века». Журнал «Мировая экономика и международные отношения». – М., 2020, № 4.

более справедливого общества»; его социальная ответственность распространяется далеко за пределы музейного пространства.

Тем более важно посмотреть сквозь призму политического анализа на те конкретные практики, механизмы и инструменты политики идентичности в странах и регионах мира, которые реализует музей и аффилированные с ним структуры. И оценить стоящие за такой политикой интересы ее субъектов и их идейные ориентиры, корреляцию политического и общественного запроса по «проработке» прошлого.

Музейные пространства политики памяти

Наиболее явственно актуальную для государства повестку дня политики памяти отражают музейные пространства, представляющие социальную и политическую историю того общества, к которому они обращены. В разных уголках мира и России, даже там, где нет исторического музея как такового, в краеведческих или тематических музеях в том или ином формате присутствует тема недавнего прошлого. В последние 15-20 лет растет общественный запрос на осмысление трудных страниц истории ушедшего столетия. В том числе на осмысление влияния на национальную идентичность «культурной травмы», которую известный польский социолог Петр Штомка определяет как «негативные, дисфункциональные *(для общественного развития)*. – Авт.) последствия, возможные в результате важного социального изменения. Такое влияние особенно заметно в тех государствах, где в XX в. произошла смена политического режима. Почти повсеместно в Европе активно идет научная и экспертная работа на этом направлении. Везде четко прослеживается стремление политических элит использовать общественный интерес к недавнему прошлому в качестве властного ресурса.

Экспозиции государственных музеев, посвященные разным аспектам осмысления социального опыта XX в., вписываются, явно или неявно, в контекст проводимой государством политики идентичности. Имея в виду музейную проекцию такой политики, представим здесь результаты сравнительного анализа экспозиций новейших музеев социальной и политической истории XX в., показательных для национальных политических культур современной

Европы. Материал для анализа дают как личные впечатления от посещения, так и сайты всех упоминаемых в тексте структур, в число которых, помимо музеев, включены центры архивной документации и некоторые временные выставки, значимые для осмысления социальной истории прошлого столетия. Важно учитывать, **что** показывается в музее, с помощью **какой** тональности текстов и **каких** артефактов, какими средствами это делается (**как** это делается, есть ли у посетителя возможность самому выбирать интересующий его материал) и круга участников (представлены ли разные точки зрения, есть ли место для альтернативных трактовок и дискуссионных тем). Складывающаяся в таких пространствах культура памяти переформатирует информацию о социальных процессах прошлого в актуальные для сегодняшнего дня смыслы, а нарративы, толкующие реалии недавнего прошлого – в курсы, утверждающие эти *реалии* как современную *реальность*. Это особенно актуально для поколений, которые не имеют опыта непосредственного соприкосновения с трудным прошлым.

Отбор конкретных примеров производился по критериям новизны экспозиций и их политической значимости, присутствию данных музейных институций в публичной дискуссии. Важным критерием отбора было соотнесение с подходами «новой музеологии». Эти подходы стали утверждаться в музейной работе с конца 80-х годов прошлого века, когда традиционные функции музея по собиранию, систематизации, изучению и показу материальных свидетельств о прошлом стали оцениваться как недостаточные для удовлетворения потребностей в просвещении и социальной коммуникации в условиях растущих информационных потоков и прогрессирующей коммерциализации культурного опыта.

Строй новых экспозиций призван пригласить человека к диалогу, к осмыслению своего места в истории, к поискам ответа на вопрос, что память о прошлом значит для него лично, как она интегрируется в его личный опыт. Практики «новой музеологии» предлагают посетителю активно взаимодействовать с информацией, соответственно, расширяется круг вовлеченных в «производство памяти» участников. И если вчера ключевой стороной диалога был куратор экспозиции, то сегодня предполагается, что это «такие же, как я» граждане, которые готовы к взаимодействию

в музейной среде друг с другом и со специалистами (естественно, в рамках кураторской трактовки тематики и в соответствии с реализуемым в государственном музее политическим заказом). В то же время этот опыт отражает понимание социальной и политической роли музея «не только как места просвещения и развлечения, но и как пространства артикуляции сложных политических, идеологических и эстетических взаимосвязей», воспитания «сложного человека». То есть как пространства реализации политики идентичности, в которую вовлечены институты государства, негосударственные структуры, местные сообщества, эксперты-профессионалы и равнодушные к культурному опыту прошлого граждане.

Представление памяти в публичных пространствах – это важнейший инструмент формирования образа своего сообщества и своего понимания «других». И здесь огромные возможности дает именно музейный нарратив. В этот процесс в той или иной мере вовлечен любой музей в своем неотъемлемом качестве института социальной коммуникации. Но непосредственно решают задачи формирования таких представлений музеи социальной и политической истории близкого нынешним поколениям времени. Сегодня такие музеи превращаются в «жизненно важный социальный институт, ответственный за трансформацию живой памяти в создаваемые и поддерживаемые на институциональном уровне практики коммеморации, которые воплощают групповые идентичности и поддерживают сообщества памяти».

Облекая память о недавнем прошлом в наглядные и узнаваемые образы, пространство государственного музея отражает представления о прошлом, продвигаемые институтами государства в контексте реализации национальной политики идентичности. Такое пространство *в идеале* ориентировано на поиски политического консенсуса граждан через исторический нарратив, приемлемый для разных социальных групп и способный работать на общественную консолидацию и социальную стабильность. С ним могут конкурировать другие, частные музейные пространства. Они берут ответственность за отдельные темы, могут предлагать углубленное видение событий и личных историй, альтернативные темы и подходы. Большой потенциал имеют здесь местные сообщества. Новая музейная политика обращена непосредственно

к ним и находит отклик в нынешнем расцвете многочисленных инициатив локального уровня по сохранению и возрождению памяти о прошлом. Локальные музейные и выставочные пространства становятся маркерами идентичности сообщества, образом его социальной значимости для себя и для других.

В конкуренции нарративов, отказе от «единственно правильной» картины прошлого утверждается плюрализм мнений и политических установок, закладываются основания для диалога между разными группами интересов. Если для авторитарных режимов такая конкуренция неприемлема априори, то в демократических странах она, казалось бы, должна быть неотъемлемой характеристикой публичной политики.

Между тем общей рамкой музейных пространств в современных демократиях остается политическая корректность: авторитетный российский социолог Л. Г. Ионин определяет ее как «идеологию современной массовой демократии, служащую, с одной стороны, обоснованию внутренней и внешней политики западных государств и союзов, а с другой – подавлению инакомыслия и обеспечению идейного и ценностного консенсуса». Утверждая примат интересов меньшинств над интересами большинства в контексте политики идентичности, такое видение способствует замалчиванию других реальных общественных проблем и противоречий и может блокировать поиски консенсусного видения прошлого и общих ориентиров будущего. Но это “восстание меньшинств” [43] чревато новыми размежеваниями, появлением новых меньшинств и углублением противостояний с большинством.

Стоит иметь в виду и иное обстоятельство, затрудняющее конструктивное представление памяти о прошлом, особенно – о недавнем прошлом: в музейных пространствах политкорректные нарративы зачастую выводят на первый план вопросы и проблемы, которые отражают приоритеты актуального политического дискурса и картину мира современного человека, но отнюдь не человека той эпохи, о которой они призваны рассказывать. В результате в забвении оказываются целые пласты исторической памяти, в то время как другие, зачастую не столь значимые, могут подаваться как приоритетные и в сугубо идеологизированной эмоциональной

трактовке. «Политика забвения» оказывается неотъемлемой частью политики памяти.

Другая характерная для сегодняшнего конфликтного мира крайность – конфронтационная трактовка недавних исторических событий, также рассчитанная на острый эмоциональный отклик. Она ориентирована на решение текущих внутривнутриполитических задач государственного строительства и утверждение национальной идентичности на основе отторжения недавнего социального и политического опыта. Неслучайно в последние десятилетия в большинстве стран бывшего советского блока появились музеи тоталитаризма, оккупации или геноцида со схожим политическим посланием о культурной травме и травматическом прошлом. Термин «историческая политика» не имеет здесь утвердившегося в ходе дискуссии в Германии в 80-е годы негативного звучания. Более того, он стал «знаменем агрессивно-инструментального подхода к прошлому» и «идеологическим стандартом политики памяти»; в музейных и других публичных пространствах «по всей Восточной Европе осуществлен “экспорт вины”, что разительно противоречит прежней европейской культуре памяти, постепенно приучавшей людей думать о собственной ответственности».

Кто не бывал в музеях современной истории, пусть даже только в школьные годы? Но только нынешнее поколение – свидетель и участник повсеместного пересмотра подходов к публичному представлению памяти о недавнем прошлом. Переосмысление наследия и разработка адекватных современному сознанию форм его репрезентации (*critical heritage studies*) выделилось в особое направление социогуманитарного знания. Преемственность и разрывы исторической памяти стали той дилеммой, вокруг которой выстраивается образ будущего как ориентира развития национально-государственного сообщества. Действительно, в странах западного цивилизационного ареала такие музеи и другие институты, имеющие дело с сохранением социального наследия, сталкиваются сегодня с серьезными вызовами. Они должны «переосмыслить проблематичные аспекты своих прежних дифференцирующих подходов, особенно в том, что касается оценки наследия колониализма, и находить новые пути и возможности работы с современными реалиями растущего многообразия, включая последствия миграции».

Память о колониальном прошлом в музеях

Музеи социальной истории по-разному решают задачу пересмотра подходов и ориентиров своей деятельности. Иногда экспозиции опережают публичные дискуссии и ставят новые вопросы, но чаще – продвигают от имени государства определенный запрос на трактовку прошлого, который ориентирован на решение текущих политических задач. Так, масштабных экспозиций, посвященных системному осмыслению колониального опыта, в странах – наследницах империй не так много, но очень явственно просматриваются попытки переосмысления наследия и бывших метрополий, и бывших колоний, и всего незападного мира – в тематике и в тональности. Утверждается понимание того, что осмысление этого наследия важно «в контексте его проекции в социальную реальность современных постколониальных обществ». На первый план повсеместно выходят проблемы ответственности за использование рабского труда, за сам факт рабства и его долгожительства, за хищническое перекачивание ресурсов из колоний в метрополию. Особенно остро этот вопрос стоит в публичной дискуссии во Франции, где активно развиваются постколониальные исследования.

В Музее Бранли (Музей имени Ж. Ширака² на набережной Бранли в Париже) к середине 2000-х гг. был радикально обновлен подход к показу материальной культуры неевропейских цивилизаций. Музей так же, как его венский и брюссельский визави, не именуется «этнографическим», это понятие из давно устаревшего лексикона. Неевропейские цивилизации представлены здесь как отдельные культурные пространства. При этом принципы экспонирования уже при открытии вызвали и продолжают вызывать неоднозначные и зачастую остро критические оценки. Критики указывают на постколониальное видение культурного наследия бывших колоний, на профанацию идеи межкультурного диалога и имплицитное противопоставление отсутствующей в экспозиции «коренной» французской и иных, «экзотических» культур. Но потоку посетителей полемика не препятствует, скорее напротив: ежегодно музей Бранли посещают более миллиона человек.

² Musee du quai Branly - Jacques Chirac. Available at: <http://www.quaibranly.fr/fr/> (accessed 18.01.2020). Автор посетил музей летом 2008 г.

В Музее Африки³ (бывшем Королевском музее Центральной Африки, ранее – Музее Бельгийского Конго), открывшем двери после пятилетнего перерыва зимой 2018 г. в пригороде Брюсселя, упор сделан на критике колониального прошлого страны. Новая экспозиция готовилась при активном участии африканской диаспоры. Проблеме бельгийских граждан – выходцев из Африки посвящен отдельный зал. Рассказывается и о сегодняшнем дне бывших бельгийских колоний и вызовах, которые стоят перед Африкой. В новой экспозиции венского Музея мира⁴, представляющего собранное в основном в период империи Габсбургов богатое неевропейское культурное наследие, большое внимание уделено австрийским этнографам и коллекционерам, показан их вклад и их собрания. В последних залах отдельное пространство отдано голосам бывших иммигрантов – сегодняшних австрийских граждан.

Политическая задача работы с нынешней социальной реальностью в музейных пространствах носит в значительной мере проективный характер. Активно идущая сегодня их реорганизация призвана учитывать меняющиеся приоритеты национального государства. Музейные экспозиции вписываются в институциональный дизайн современных демократий, при этом имплицитно ставится вопрос о том, как неконфликтно соединить разные идентичности и разные ценности, как заставить их работать на общее будущее. Это отвечает повестке дня политики идентичности в демократическом обществе. Как справедливо отмечают казахстанские исследователи, рассматривая трансформацию политики идентичности в этой стране, «основной принцип последовательной демократической политики идентичности – предотвращение рисков радикализации идентификационных процессов» в обществе.

При любого типа политическом режиме власть стремится поддерживать социальную стабильность через формирование консенсусного видения собственного прошлого, особенно – недавнего прошлого, апеллируя к преемственности и традиции. Именно на идее преемственности многовекового культурного и политиче-

³ AfricaMuseum. Available at: <https://www.africamuseum.be/fr> (accessed 15.01.2020).

⁴ Weltmuseum Wien. Available at: <https://www.weltmuseumwien.at/> (accessed 17.01.2020). Автор посетил музей весной 2018 г.

ского опыта выстроены исторические экспозиции в Китае. Так, нарратив, представленный в новой, открытой весной 2018 г. экспозиции объединенного городского Музея истории Шанхая и истории революции⁵, строится вокруг героической борьбы китайского народа за самоопределение и национальную идентичность. В центре – противостояние иноземным завоевателям, но отнюдь не иноземным влияниям: заимствования переплавляются в образы важных для развития государства и общества двигателей инноваций (интересная деталь: рассказ о героической революционной борьбе соседствует с портретами первых капиталистов – радетелей национальной экономики. Такое «мирное сосуществование» вообще характерно для публичных пространств сегодняшнего Китая). Символично, что под решение задач историко-патриотического воспитания отведено здание бывшего Скакового клуба – импозантной постройки 20-х гг. прошлого века, олицетворения периода западного присутствия в Шанхае; прилегающая к нынешнему музею территория бывшего ипподрома еще в 50-х гг. была переоборудована под городскую площадь с парком.

Этот новейший музей социальной и политической истории, последний по времени открытия на сегодняшний день в Китае, дает «полноценное представление о современных подходах к сохранению культурного наследия и интерпретации колониальной истории» в этой стране. Современный период показан здесь через яркий видеоряд – своего рода ежегодник достижений общегородского масштаба: начиная с образования КНР (1949 г.) каждый год отмечен открытием моста, появлением высочайшего небоскреба, гигантского по масштабам международного Экспо-центра и другими знаковыми городскими проектами. В целом китайский исторический нарратив, согласно оценке авторитетного российского ученого-китаеведа А. В. Ломанова, «создается сверху и контролируется правящей элитой» [51]. Места для альтернативных трактовок просто нет, государственный нарратив синтезирует все «полезные для китайского общества» подходы.

⁵ Shanghai History Museum/Shanghai Revolution Museum 上海市历史博物馆(上海革命历史博物馆) Available at: <http://www.shh-shrhmuseum.org.cn/historymuseum/historymuseum/zl/index.html/> (accessed 16.01.2020, на китайском языке, сайта на английском нет). Автор побывал в этом музее осенью 2019 г.

XX век в музее XXI века: как в Европе показывают трудное наследие и неудобную правду

В европейских странах современный музей социальной истории действительно предлагает посетителю искать созвучия с его личным социальным (в широком смысле, включая культурный и политический аспекты) опытом или познакомиться с опытом «других» и таким путем осмыслить и утвердить собственную идентичность. Вопрос об исторической объективности предлагаемых репрезентаций в форме исторических реконструкций и нарративов остается открытым. Впрочем, в публичном пространстве (за рамками экспертной дискуссии) он зачастую и вовсе не обсуждается. Опыт соприкосновения индивида с коллективной памятью оказывается сегодня хорошо продаваемым на рынке услуг и на медийном рынке товаром. Согласно экспертным оценкам, он дает новый импульс развитию массовой культуры. Тематические парки и фестивали, исторические реконструкции черпают из этого источника, предлагая эмоциональный опыт переживания прошлого как «своей» памяти.

Но политические цели, экспертное видение и общественный запрос на представление трудного прошлого зачастую существенно расходятся. На отборе материала и формах его подачи сказываются идейно-политические убеждения тех, кто готовит экспозиции. Опыт общения с представителями профессионального музейного сообщества свидетельствует о том, что к реализации подходов «новой музеологии» тяготеют приверженцы левой идейно-политической ориентации. Очевидно и то, что безбрежные возможности социальных коммуникаций и самовыражения в виртуальном пространстве делают производство «универсальных смыслов или хотя бы консенсусного понимания идентичности и истории», по сути, нерешаемой задачей. Между тем преемственность – это первостепенный приоритет для политики памяти как скрепы национальной государственности. Если скрепы слабые, их целенаправленно конструируют и укрепляют, не всегда, правда, с искомым позитивным результатом...

Вторая мировая война. Осевым временем отсчета исторической преемственности остается для Европы *Вторая мировая война*. Особое место в тех странах, где фашизм был частью собственной политической истории, занимает вопрос об ответственности за преступления режима. Два государства с фашистским прошлым – Германия и Италия – по-разному выстраивают этот нарратив в музейном пространстве. Здесь можно наблюдать почти полярные противоположности. В Германии в центре политики памяти – вина нации за жертвы Второй мировой, особенно – за Холокост. Музеефицированы находящиеся на территории страны бывшие лагеря смерти. Холокосту посвящены многочисленные большие и малые музейные пространства: так, автору довелось видеть в городском музее Бамберга выставку, представляющую художественную реконструкцию утраченных в годы фашизма синагог. Даже присутствие художественных произведений фашистского периода в национальных музеях строго дозировано, а некоторые места памяти, такие, как знаменитый стадион для проведения съездов НСДАП в Нюрнберге, возведенный по проекту любимого архитектора Гитлера А. Шпеера, музеефицированы как фантомы страшной эпохи. Примыкающий к стадиону музейный Центр документации территории съездов НСДАП⁶ занимает бывший недостроенный зал партийных конгрессов, полностью переоборудованный в начале 2000-х годов на основе авангардного архитектурного решения. В рамках постоянной экспозиции под названием «Ослепление и насилие», разработанной под руководством ведущих историков страны, предложено критическое осмысление причин долголетия фашистской диктатуры и ее последствий. На базе Центра организовано множество просветительских программ, особенно для молодежи. В Мюнхене в год 70-летия окончания Второй мировой войны открыт новый Центр документации по истории национал-социализма⁷, ориентирующий на осмысление преступлений нацизма и их долговременных последствий

⁶ Dokumentationszentrum Reichsparteitagsgelände (Documentation Center Nazi Party Rally Grounds). Available at: <https://museums.nuernberg.de/documentation-center/> (accessed 17.01.2020).

⁷ NS-Dokumentationszentrum München (The Munich Documentation Centre for the History of National Socialism). Available at: <https://www.ns-dokuzentrum-muenchen.de/zentrum/ueber-uns/> (accessed 18.01.2020).

для общества и государства. Особое внимание уделено рассмотрению трудного прошлого Мюнхена как «колыбели» нацизма: здесь была основана НСДАП и находилась ее штаб-квартира. Символично, что на этом месте и возведен новый Центр. Поэтому особенно актуально звучит основной вопрос, вокруг которого организована постоянная экспозиция: «Как это касается лично меня (как жителя города, гражданина Германии) и почему эти проблемы по-прежнему значимы для меня сегодня?»

В целом можно говорить о том, что в Германии «политическую модель интерпретации прошлого окончательно сменила морально-этическая модель». Но абсолютизация морализирующей тональности тоже несет серьезные политические издержки, она чревата *ритуализацией и окостенением памяти*. Литература о политике памяти в Германии продолжает прирастать, а споры о немецкой культурной памяти вышли за пределы академических дискуссий. Сегодня в них вовлечены представители поколений, уже непосредственно не соприкасавшихся с реалиями фашистского периода немецкой истории.

В Италии, напротив, интерес к осмыслению наследия фашистского режима остается в основном уделом историков и культурологов. В публичном пространстве в последние годы появились музейные объекты, представляющие страницы истории фашистского двадцатилетия. Несколько лет назад был открыт для посетителей бункер Муссолини, после капитальной реставрации открыла двери Вилла Торлония⁸ в Риме, где до 1943 г. жил Муссолини с семьей. В новом музейном пространстве размещены художественные экспозиции, восстановлены архитектурные интерьеры. В двух комнатах развернута небольшая фотовыставка, посвященная бытовым аспектам жизни итальянского диктатора, при этом его роль как лидера фашистской партии и главы государства никак не рассматривается и не комментируется. Представляемый в государственном музее неполитический «мягкий и удобный» нарратив о трудном прошлом сознательно обходит существующие в итальянском обществе идейно-политические разделения и может в будущем способствовать созданию «апологетической версии

⁸ I Musei di Villa Torlonia. Available at: http://www.museivillatorlonia.it/it/il_museo/editoriale (accessed 17.01.2020). Автор посетил экспозицию в 2012 г. (accessed 17.01.2020).

наследия диктатуры». Неизменное присутствие профашистских сил в политическом ландшафте страны свидетельствует о том, что такие опасения не беспочвенны.

После долгих и ожесточенных споров по настоянию городского совета во главе с мэром – представителем левоцентристской Демократической партии в 2016 г. было принято решение об организации музея истории фашистского двадцатилетия в символическом месте – огромном здании бывшей штаб-квартиры фашистской партии в городке Предаппио в области Эмилия-Романья, где будущий диктатор родился и где он похоронен в фамильном склепе. Борьба вокруг выбора места и содержания экспозиции не утихла: есть неудовлетворенная общественная потребность в знаниях об этом периоде, но нет консенсусного нарратива в отношении трудного прошлого. Новый мэр, кандидат от правопопулистской Лиги, в январе 2020 г. затормозил уже начатые работы, аргументируя такой поворот «сложностью проблемы» представления истории этого периода при отсутствии общественного консенсуса. Проект предполагается теперь переориентировать на историю города и региона; решение вызвало новую волну ожесточенной полемики⁹. На первый план вышли идейно-политические противостояния, традиционно разделявшие итальянское общество. В стране, которая «до сих пор боится собственного прошлого», остро стоит вопрос о роли исторического просвещения и задачах публичной истории (*public history*) – неакадемических нарративов, адресованных широким слоям населения¹⁰.

Неготовность выстроить музейный нарратив, предлагающий осмыслить историю первой половины XX в. без замалчивания болезненных для массового сознания вопросов, отражает состояние общественной дискуссии об отношении к фашистскому наследию

⁹ Predappio cancella il museo sul fascismo: “Sara un centro dedicato alla storia locale” // La Stampa. 16.01.2020.

¹⁰ Российский историк Л.П. Репина справедливо обращает внимание на необходимость обсуждения задач и общественной роли современной исторической науки и публичной истории: «На первый план в современном интеллектуальном пространстве выходит проблема взаимодействия, диалога исторической науки и общества», «важная роль в этой необходимой для сообщества историков коммуникативной стратегии должна принадлежать публичной истории», которая включает «комплекс средств для представления научного исторического знания широкой публике и для формирования знания о прошлом в обыденной жизни» [60, с. 62].

и к реальности массового «приятия» фашизма в предвоенные годы. В массовом сознании безоговорочного отторжения этого опыта нет: характерно, что в сувенирных магазинах продукция, воспроизводящая облик Муссолини, – отнюдь не редкость, а в родных местах дuche она продается повсеместно и пользуется спросом. Несколько раз в год в памятные даты сюда прибывают организованные группы его почитателей. Осмыслить, наконец, наследие фашизма и не допустить ползучей ностальгии тех, кто недоволен сегодняшним положением дел в стране – главный аргумент сторонников реализации научно обоснованного музейного проекта и создания постоянной экспозиции, посвященной государству и обществу тоталитарной эпохи.

В Италии реальностью официального нарратива является трактовка истории периода Второй мировой войны в первую очередь как истории Движения Сопротивления. Известно, что решающий вклад в антифашистскую борьбу в годы войны и в коммеморацию Сопротивления в послевоенные годы внесли левые силы. Движению Сопротивления посвящены места памяти, открыт целый ряд музеев и городских центров документации (в Болонье, Пьяченце и других городах Центральной Италии, где были сильны антифашистские настроения и развернулось партизанское движение). В представлении героических страниц истории сегодня используется подход максимального приближения к людям и местам событий, создаются сетевые ресурсы и аудиовизуальные архивы, представляющие устную историю антифашистской борьбы, продвигаются просветительские проекты, фотовыставки. Но общенационального музея истории Сопротивления в Италии нет.

«Узнаваемая повседневность» в музейном пространстве

Музей нового поколения, посвященный социальной истории XX в., открылся осенью 2018 г. в Венеции в материковом районе Местре. Здесь национальная история показана как «история всех и каждого, история того, что делает нас итальянцами»¹¹. В основе экспозиции – узнаваемая повседневность, политическая история подается как контекст, в котором полстолетия доминировали

¹¹ Il Museo del '900. Available at: <https://www.m9museum.it/il-museo/> (accessed 5.01.2020).

массовая политика, массовые партии и харизматичные политические лидеры. Конфликты нарративов о недавнем прошлом поданы в экспозиции как еще одна сторона повседневной жизни: известные политики прошлого оживают в созданных актерами образах и апеллируют к политическим реалиям XX в. в слегка ироничном, постмодернистском ключе. В мультимедийной экспозиции широко используются новейшие технологии, представлены большие визуальные интерактивные ряды документов и интерпретирующих их текстов и видеофильмов. Радикальным решением является полное или почти полное вытеснение предметных рядов в привычных витринах разными формами визуальной репрезентации исторического нарратива. Экспозиция рассчитана на то, чтобы меняться с появлением новых тем и новых вопросов, требующих общественного обсуждения.

Контрастом к реалиям Германии выглядит ситуация с репрезентацией памяти о трудном прошлом в сегодняшней Испании. Здесь нет Музея национальной истории, а дискуссия о самой возможности его создания если и разгорается, как накануне выборов 2016 г. с подачи тогдашнего главы правительства и лидера Народной партии М. Рахоя¹², то быстро гаснет: к решению вопроса не готово ни государство, ни общество с глубоко разделенной памятью. В столице и некоторых других городах аспекты трудной истории присутствуют в экспозициях городских и многочисленных военных музеев¹³, но системного нарратива о франкистском прошлом или об имперском наследии нет. Музейные пространства, где присутствует такая тематика, в основном организованы очень традиционно и ограничиваются вкраплениями новых технологий: так выглядит, например, столичный Музей Америки¹⁴,

¹² Rajoy creará el Museo Nacional de la Historia de España // La Vanguardia, 16.12.2015.

Available at: <https://www.lavanguardia.com/politica/elecciones/20151216/30847371855/museo-nacional-de-la-historia-de-espana-catalunya-rajoy.html>

¹³ Так, в Военно-историческом музее города Ла-Корунья, в родном регионе Франко Галисии еще в 2014 г. стоял редкий для нынешней Испании бюст каудильо; в экспозиции упор был сделан на военных кампаниях в испанском Марокко, где Франко служил в 1910-е годы, в то время как гражданская война не освещалась. См. Museo Histórico Militar de A Coruña. Available at: <https://patrimoniocultural.defensa.gob.es/es/centros/museo-a-coruna/portada> (accessed 24.01.2020).

¹⁴ Museo de América. Available at: <http://www.culturaydeporte.gob.es/museodeamerica/el-museo.html> (accessed 23.01.2020).

где собрана богатая коллекция колониального наследия из Нового Света. Неудивительно, что эти хранилища памяти лежат в стороне от проторенных туристических троп... При том, что Испания реализует и самые передовые практики в музейной сфере. Одно из последних свидетельств – новый Национальный археологический музей¹⁵ в Мадриде с представляющей культурное наследие страны концептуально выстроенной экспозицией, оснащенной по последнему слову техники.

В автономных сообществах, напротив, повышенное внимание уделяется задачам формирования собственной национальной идентичности. Так, открытый в середине 90-х годов Музей истории Каталонии¹⁶ представляет идеологизированный нарратив о борьбе каталонского общества с косным влиянием Мадрида, о передовой каталонской экономике и национальном бизнесе. Этот музей – образец системного представления исторического нарратива, в котором политика и экономика тесно переплетены с повседневностью. Большое внимание уделено истории каталонского национализма, гражданской войне 1936–1939 гг. и росту антифранкистских настроений и протестов в 70-е гг. прошлого века. Очевидны переключки этих страниц недавнего прошлого и нынешней борьбы за автономию. Раздел, посвященный современности, организован вокруг вопроса «кто мы?», в центре – язык и идентичность, миграция и растущее культурное разнообразие. Эта проблема, особенно важная для принимающих потоки мигрантов из бывших колоний постколониальных обществ, повсеместно стала центральной для новейших экспозиций социальной истории.

Национальная идентичность на обломках империй: как представлена в музеях

В XX век вошли несколько империй, и все они исчезли в короткие по историческим меркам сроки. Форма национально-го государства стала рассматриваться как универсальный образец

¹⁵ MAN – Museo Arqueologico Nacional. Available at: <http://www.man.es/man/home.html> (accessed 23.01.2020).

¹⁶ Museu d'Historia de Catalunya. Available at: <http://www.mhcat.cat/> (accessed 23.01.2020). Автор посетил музей в январе 2019 г.

современного политического бытия. Но сегодня и эта модель оказывается не столь безусловной, а сам ее западноевропейский образец не рассматривается как универсальный. Растет несоответствие между возможностями данной модели государственности, «не обеспечивающей в должной мере суверенитет и целостность (консолидацию) политического сообщества», и потребностями развития таких сообществ в глобальном мире. Интеграционные проекты в разных регионах мира столкнулись с серьезными вызовами их политической динамике. Национализм, сепаратизм, популизм стали своего рода «идеологиями действия», идеологиями без стратегических идей.

Тем более актуальная задача – посмотреть на трудную историю империй и на споры вокруг имперского наследия. Какой отпечаток оставили бывшие империи на идентичности нынешних ее граждан, как имперское наследие сказалось на картине мира людей с разным социальным опытом и разными культурными ориентирами, жителей бывшей метрополии и бывших колоний, граждан «старой» и «новой» Европы, живущих сегодня бок о бок в одном государстве? Как ее наследие воспринимается сегодня в бывших колониях и на периферии бывших империй, в каких формах эти представления присутствуют в музейных пространствах? Как горячая тема иммиграции может быть отражена в публичном пространстве, учитывая острые политические дискуссии и разногласия в принимающих обществах? Сегодня в выросших на волнах иммиграции государствах созданы музеи иммиграции (или посвященные мигрантам экспозиции в составе национальных исторических музеев), в них неизменно присутствуют личные нарративы.

Тем интереснее малозаметное присутствие в этом ряду *Великобритании*. В Лондоне есть небольшой негосударственный Музей истории иммиграции¹⁷, который работает на общественных началах, приглашая людей к разговору об их личных историях и опыте. Есть намерение создать постоянную интерактивную площадку, но пока у музея нет постоянной прописки. Недолго, всего несколько лет проработал и негосударственный Музей империи

¹⁷ Migration Museum Project. Available at: <https://www.migrationmuseum.org/> (accessed 16.01.2020).

и Содружества¹⁸. Он был открыт в 2002 г. в Бристоле, портовом городе, куда прибывали корабли со всех концов «империи незаходящего солнца». Экспозиция пыталась «примирить чувство гордости за империю и честное признание ее жестокости», и в таком противоречивом качестве музей стал «пространством столкновения идентичностей», «отражением неоднозначности и противоречий британской национальной идентичности». Вехой в его деятельности стала посвященная истории рабства выставка, приуроченная к двухсотлетию запрета работорговли (2007 г.): Бристоль был главным портом прибытия рабов из колоний. Во многом благодаря таким проектам современные проблемы подневольного труда и торговли людьми в последнее десятилетие стали неотъемлемой частью стратегий корпоративной социальной ответственности британских компаний: с 2015 г. компаниям, подпадающим под законодательно регламентированные критерии ведения бизнеса (определенный уровень прибыли, деятельность на территории Соединенного королевства и др.), предписано публиковать ежегодные отчеты по данной теме и предлагаются ориентиры по подготовке такого документа¹⁹.

Фонды бристольского музея находились в управлении некоммерческой структуры; в 2013 г. после скандала вокруг продажи ряда экспонатов, переданных на временное хранение, и под давлением хронического недофинансирования музей был ликвидирован. Попытки воссоздать его в столице успехом не увенчались, и сегодня об отношении к имперскому наследию можно судить по фрагментам экспозиций Имперского военного музея в Лондоне²⁰, Национального морского музея²¹ и других специализированных музейных площадок, но общей картины нет. Британские музейные специалисты в личных беседах говорили об отсутствии в обществе

¹⁸ British Empire and Commonwealth Museum. О коллекциях музея см. <https://www.bristolmuseums.org.uk/tag/becc/> (accessed 18.01.2020). Сайт музея прекратил работу (еще в конце 2019 г. находился по адресу: <http://www.empiremuseum.co.uk/>).

¹⁹ Publish an annual slavery statement. Guidance. Available at: <https://www.gov.uk/guidance/publish-an-annual-modern-slavery-statement> (accessed 01.02.2020).

²⁰ Imperial War Museum. Available at: <https://www.iwm.org.uk/visits/iwm-london>; <https://www.iwm.org.uk/collections> (accessed 16.01.2020). Автор посетил музей и выставку, посвященную культурным утратам в ходе военных конфликтов, осенью 2019 г.

²¹ National Maritime Museum Available at: <https://www.rmg.co.uk/national-maritime-museum> (accessed 16.01.2020).

системной рефлексии вокруг этих страниц прошлого и о невысоком интересе конкретно к бристольской инициативе. Отчасти тему колониального прошлого покрывают коллекции самого посещаемого в стране Британского музея²², представляющие культурное наследие бывшей империи. Он ассимилировал наследие империи, политический подтекст здесь приглушен и политкорректно не выводится на первый план. На этой площадке приоритетное внимание уделяется сегодня отражению культурного разнообразия современного британского общества.

Между тем, согласно данным опросов, значительная часть граждан страны ностальгирует по империи – каждый третий британец хотел бы, чтобы она существовала и сегодня, и 60% опрошенных «скорее гордятся» ею, в том числе почти половина (48%) молодежи в возрасте 18–24 лет²³. Осмысление долговременных социальных последствий трудной памяти остается в основном уделом академической науки. Ностальгией по империи во многом объясняются нынешние реалии Брексита [64], так что отсутствие внятного постимперского музейного нарратива не должно удивлять.

В центре современных музейных экспозиций, переосмысляющих место имперского наследия в истории ушедшего века, оказывается национальная идентичность. Ставится вопрос о сочетании ее новых и традиционных ипостасей. Пример недавнего обращения в музейном пространстве к проблематике национальной идентичности представляет Австрия. К столетию Первой республики осенью 2018 г. во дворце Габсбургов на столичной Хельденплац открылся Дом австрийской истории²⁴. Сама площадка имеет символический характер: с балкона этого здания Гитлер выступил перед жителями Вены 15 марта 1938 г. с речью о вхождении Австрии в состав Третьего рейха. Сегодня вход на балкон закрыт, он выглядит нарочито заброшенным. Посетителям

²² The British Museum. Available at: <https://www.britishmuseum.org/> (accessed 23.01.2020). Автор посетил музей осенью 2019 г.

²³ The British Empire is something to be proud of. Available at: <https://yougov.co.uk/news/2014/07/26/britain-proud-its-empire/> (accessed: 03.01.2019).

²⁴ Haus der Geschichte Österreich (House of Austrian History). Available at: <https://www.onb.ac.at/museen/haus-der-geschichte-oesterreich> (accessed 17.01.2020). Автор посетил экспозицию осенью 2019 г.

музея предлагается проголосовать за принципиальное решение: открыть этот памятник *анишлуса* для посещения или оставить все как есть. Тут же на табло отражаются итоги голосования – за год работы музея подавляющее большинство высказалось за открытие балкона как музейного объекта. В примыкающем новом музейном пространстве размещена временная выставка найденных при раскопках полуистлевших предметов из разгромленной фашистами еврейской школы в Вене.

В нынешней большой музейной экспозиции переосмысливается утвердившийся в сознании австрийцев образ страны как «первой жертвы» нацизма, поднимается вопрос о массовой поддержке режима Третьего рейха, говорится об использовании подневольного труда угнанных граждан побежденных стран. Тематическая организация пространства призвана стимулировать дискуссию о путях становления австрийской демократии и австрийской идентичности в прошлом, XX в., и предложить видение перспектив развития австрийского общества.

Содержательной стороне австрийской идентичности посвящен отдельный раздел, и это не случайно. Национальная идентичность австрийцев выстраивалась на обломках империи, на переосмыслении опыта Первой республики и «красной Вены» (1919–1934), когда у руля столичной мэрии стояли социал-демократы (в то время как на федеральном уровне они были в оппозиции), последующего наследия фашизма и послевоенного возрождения под флагом политического нейтралитета. Резкие выражения политической истории страны лишь недавно стали обретать формы наглядной репрезентации в публичном пространстве. И только к середине 90-х годов Австрию признали нацией 80% ее граждан (в 1964 г. таких, согласно данным опросов, было меньше половины, в 1973 г. – 62%). При этом сегодня австрийцы – первые среди тех европейцев, которые гордятся своей страной (но не ее политическими институтами, а, в первую очередь, достижениями культуры и красотой природы). В то же время в обществе формируется запрос на позитивное осмысление ориентированного на социальные реформы политико-управленческого опыта 20-х гг. минувшего века: знаковая выставка «Красная Вена», проходившая в городском музее во второй половине 2019 г. и вызвавшая большой отклик,

открывалась разъяснением концепции экспозиции: «Представить актуальный политический потенциал динамичных лет социально-го эксперимента в столичной городской политике»²⁵.

Вопрос об уроках трудной истории и формировании позитивной, ориентированной на развитие идентичности на основе переосмысления трудного прошлого становится магистральным направлением *ответственной политики идентичности, способствующей* переводению «конфликта идентичностей» в «диалог идентичностей». При этом приглашение к «диалогу между людьми, по-разному воспринимающими...общее прошлое», должно опираться, как показывают результаты сравнительного исследования национальных моделей работы с трудным историческим наследием в контексте осмысления перспектив для России, на «конкретные формы и институты, которые могли бы решить задачи преодоления» трудного прошлого. В этом ряду музеев как «актерам публичной истории и культурной памяти» принадлежит ключевая роль; в условиях, когда ориентация на эмоциональное восприятие прошлого становится важнейшим фактором, определяющим формы репрезентации исторической памяти, изучение ее эмоциональной составляющей важно, как отмечают российские исследователи, для понимания возможностей, ограничений и перспектив реализации «политики эмоций» и «политики аффекта» в музейных пространствах. Это интегральная часть политики идентичности, поле для взаимодействия разных ее субъектов.

В российском музейном пространстве в последние годы появились отличающиеся особым эмоциональным настроением выставочные опыты работы с прошлым. В экспозиции Музея русского зарубежья²⁶ в Москве использовано аналогичное новейшим европейским опытам сочетание материальных свидетельств и мультимедийных технологий. В отличие от описанных выше это – в том числе музей памяти, большинство экспонатов которого передано представителями послереволюционной волны русской эмиграции

²⁵ Das Rote Wien 1919 - 1934. Available at: <https://www.wienmuseum.at/de/ausstellungen/aktuell/ansicht/das-rote-wien-1919-1934> (accessed 17/01.2020). Автор посетил выставку осенью 2019 г.

²⁶ Музей русского зарубежья. Постоянная экспозиция Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. Available at: <http://www.domrz.ru/exposition/> (accessed 17.01.2020). Автор посетил экспозицию весной 2019 г.

и их потомками. За пронзительным рассказом об исходе Белой армии и растекании русских людей по миру вырисовывается картина русского рассеяния и медленного размывания идентичности. Краткие очерки религиозной и культурной жизни русского зарубежья представляют историю самоотверженного русского духа, «нас в послании». Послевоенная история эмиграции показана исключительно мультимедийными средствами. В Доме русского зарубежья, при котором работает музей, создано постоянно пополняющееся архивное собрание и библиотека мемуаров русского зарубежья. Это тоже реалии «новой музеологии», в рамках которых могут идти поиски путей преодоления разделений, сложившихся в сегодняшней России вокруг трактовок недавней политической истории. В целом же история русского исхода и рассеяния лишь отчасти, через достижения культуры и религиозные искания интегрируется сегодня в общий нарратив о русской и российской идентичности.

Столичный Музей современной истории России²⁷ представляет картину уходящей повседневности, знакомую старшим поколениям россиян в контексте рассказа о вехах истории XX в. и достижениях общества и государства, которыми они были отмечены. Молодежи предлагаются интерактивные уроки и погружение в незнакомые по личному опыту социальные реалии. В Музее Победы на Поклонной горе²⁸ представлены вехи истории Великой Отечественной войны. Экспозицию открывает сегодня Зал исторической правды, где мемориальные предметы и документы свидетельствуют о цене Победы. В ряду приоритетов на сайте музея обозначены «противодействие фальсификациям истории и разработка методов формирования национально-государственной идентичности»²⁹.

Новая постоянная экспозиция «ГУЛАГ в судьбах людей и истории страны» в столичном Музее истории ГУЛАГа³⁰ предлагает

²⁷ Музей современной истории России. Available at: <https://www.sovrhstory.ru/> (accessed 24.01.2020).

²⁸ Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Музей Победы). Available at: <https://victorymuseum.ru/about/> (accessed 29.01.2020).

²⁹ Там же.

³⁰ Музей истории ГУЛАГа. Available at: <https://gmig.ru/> (accessed 24.01.2020) Автор посетил музей в начале 2020 г. Здесь работает Центр документации и лекторий. Просветительская программа запущена в регионах России, в Ассоциации музеев Памяти состоят на начало 2020 г. 35 музеев.

документированный рассказ о действовавшей в СССР репрессивной системе, о ее институтах, о трагедии сограждан, попавших под каток системы. Экспозиция выстраивается на представлении и противопоставлении «большой» истории и личных историй, на эмоциональном сопереживании сломанным судьбам и не сломленным людям. Истории узников озвучены узнаваемыми голосами артистов и дополнены документами и мемориальными предметами, в отдельном зале звучат пронзительные воспоминания детей репрессированных родителей. Известные на сегодняшний день места массовых расстрелов и захоронений представлены длинным рядом фотографий, не все они стали местами памяти... Непрерывно читаемый в последних залах список имен реабилитированных жертв репрессий – это живая Память.

Разные пространства памяти существуют в современной России обособленно друг от друга, представляя разные, не взаимодействующие друг с другом (иногда – перекликающиеся) нарративы. Между тем музейные пространства могут стать пионерными площадками для виртуального и реального диалога нарративов о трудном прошлом, для поиска путей отражения преемственности исторической памяти. Сама потребность в диалоге, готовность к диалогу – это неотъемлемая составляющая позитивной, ориентированной на развитие идентичности.

Возможности продвижения по этому пути видятся сегодня, в том числе, в реализации местных, локального масштаба инициатив, близких тем, к кому они в первую очередь обращены. Музейные и другие проекты такого рода рождаются чаще всего как творческие начинания неравнодушных людей, которые ищут и находят поддержку бизнеса и власти. И, что немаловажно для социального климата – они способствуют развитию местных, городских и негородских сообществ на основе укрепления доверия и коротких связей между людьми и между институтами. Примеров позитивного опыта здесь немало – от обустройства городского пространства в центре подмосковной Коломны до открытия Народного музея исчезнувших деревень в селе Сеп в Удмуртии. Такие новые опыты представления «своей» истории заслуживают отдельного исследования.

Радикальный мультимедийный подход в той или иной степени интегрируется сегодня во все новейшие экспозиции музеев социальной истории, в основном в сочетании с артефактами, с широким использованием приемов нарративной истории и представлением избранных эпизодов истории политической. В центре внимания в первую очередь узнаваемая повседневность. Этот ракурс призван объединять индивидуальные воспоминания в общее русло коллективной памяти, продвигать идею преемственности исторического пути общества и государства. Место больших идеологизированных нарративов все больше занимает множество малых нарративов, они выстраиваются на принципах политкорректной мозаичности. Сама идея преемственности диктует необходимость переосмысления опыта недавнего прошлого, его позитивных и негативных сторон, и возвращает к дискуссии о *новых формах бытования идей и идеологий* в информационном обществе.

Серьезным вызовом для политики памяти остается *преодоление поколенческих разрывов*: для вступившего в активную общественную жизнь на рубеже 2000-х гг. поколения и, тем более, для миллениалов, трудное наследие XX в. находится за пределами личного опыта. Изменилось отношение к политическому участию, пересматриваются приоритеты общественной активности, культурные нормы и нормы социального общежития. Восприятие политического наследия XX в. требует глубокой рефлексии, между тем, как погружение в виртуальную реальность и игровые формы коммуникации часто оказываются серьезным препятствием на этом пути. Социальная история как система научно обоснованных представлений о прошлом вытесняется его эмоциональным переживанием. Поиски новых форм репрезентации памяти и новых подходов к реализации политики идентичности призваны, в том числе, способствовать преодолению сущностных разрывов в понимании влияния трудного прошлого на мировосприятие и идентичность человека XXI в.

Политика идентичности может работать на консолидацию, а может – на углубление размежеваний в современных разделенных обществах. Попытка вовлечь новые поколения в разговор о прошлом страны и мира обращается к переосмыслению

прошлого, в которой есть место «своей», личной истории. Современный музей претендует на то, чтобы стать пространством активной вовлеченности и связанности «малых» историй и «больших» нарративов, пространством социального диалога. В этом смысле музей социальной истории оказывается сегодня важной площадкой формирования политической идентичности, и «актуальное прошлое» может стать как никогда значимым средством утверждения позитивной, ориентированной на развитие гражданской идентичности. Но такой результат отнюдь не предрешен, он во многом зависит от того, насколько сформирован общественный запрос на позитивное переосмысление трудного наследия и какими мотивациями руководствуются те, кто предлагает ответы на такой запрос. Как никогда актуален поэтому вопрос о нравственной ответственности за репрезентацию памяти.

Вопросы для обсуждения:

1. Как связаны политика памяти и музейные практики?
2. Какими средствами музей способствует эффективности политики идентичности?
3. В чем выражается борьба по поводу идентичности в музейном пространстве?
4. Удастся ли музеям справиться с трудным или неудобным прошлым?

Творческое задание

1. Выберите музей, ознакомьтесь с его сайтом, пройдите виртуальную экскурсию. Подготовьте эссе.
2. Охарактеризуйте, как в данном музее реализуется политика памяти, какие ключевые события, моменты, процессы, исторические деятели стоят в центре внимания.
3. Какие варианты и интерпретации национальной идентичности представлены в музее национальной идентичности.

Список сайтов музеев, выставок и центров документации (на государственном языке страны, где работает музей)

- Государственный центральный музей современной истории России, Москва: <https://www.sovrhstory.ru/>
- Музей истории ГУЛАГа, Москва: <https://gmig.ru/>
- Музей русского зарубежья, постоянная экспозиция Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына, Москва: <http://www.domrz.ru/exposition/>

- Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Музей Победы), Москва: <https://victorymuseum.ru/about/>
- AfricaMuseum, Tervuren, Belgique: <https://www.africamuseum.be/fr>
- British Empire and Commonwealth Museum, Bristol (упразднен; о коллекциях музея см. <https://www.bristolmuseums.org.uk/tag/becc/>)
- Das Rote Wien 1919 – 1934. Wien Museum, Wien: <https://www.wienmuseum.at/de/ausstellungen/aktuell/ansicht/das-rote-wien-1919-1934>
- Dokumentationszentrum Reichsparteitagsgelände, Nürnberg: <https://museums.nuernberg.de/documentation-center/>
- Haus der Geschichte Österreich, Wien: <https://www.onb.ac.at/museen/haus-der-geschichte-oesterreich>
- I Musei di Villa Torlonia, Roma: http://www.museivillatorlonia.it/it/il_museo/editoriale
- Il Museo del '900, Venezia: <https://www.m9museum.it/il-museo/>
- Imperial War Museum, London: <https://www.iwm.org.uk/visits/iwm-london>
- MAN – Museo Arqueológico Nacional, Madrid: <http://www.man.es/man/home.html>
- Migration Museum Project, London: <https://www.migrationmuseum.org/>
- Museo de América, Madrid: <http://www.culturaydeporte.gob.es/museodeamerica/el-museo.html>
- Musée du quai Branly - Jacques Chirac, Paris: <http://www.quaibranly.fr/fr/>
- Museo Histórico Militar de A Coruña: <https://patrimoniocultural.defensa.gob.es/es/centros/museo-a-coruna/portada>
- National Maritime Museum, Greenwich/London: <https://www.rmg.co.uk/national-maritime-museum>
- NS-Dokumentationszentrum München: <https://www.ns-dokuzentrum-muenchen.de/zentrum/ueber-uns/>
- Shanghai History Museum/Shanghai Revolution Museum 上海市历史博物馆(上海革命历史博物馆): <http://www.shh-shrhmuseum.org.cn/historymuseum/historymuseum/zh/index.html/>
- The British Museum, London: <https://www.britishmuseum.org/>
- Weltmuseum, Wien: <https://www.weltmuseumwien.at/>

Литература

1. Завадский А., Склез В., Суверина К. Политика аффекта: музей как пространство публичной истории. М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 400 с.
2. Ионин Л. Г. Восстание меньшинств. М., СПб.: Университетская книга, 2012. – 237 с.
3. Ионин Л. Г. Политкорректность: дивный новый мир. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. – 112 с.
4. Малинова О. Ю. и др. ред. Символическая политика. Выпуск 2. Споры о прошлом как проектирование будущего. М.: ИНИОН РАН, 2014. – 382 с.

5. Малинова О. Ю. и др. ред. Символическая политика. Выпуск 5. Политика идентичности. М.: ИНИОН РАН, 2017. – 356 с.
6. Малинова О. Ю. ред. Символическая политика. Выпуск 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М.: ИНИОН РАН, 2012. – 336 с.
7. Миллер А. И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти. Полития, 2016, № 1.
8. Миллер А. И., Ефременко Д. В., ред. Методологические вопросы изучения политики памяти. М., СПб.: Нестор-История, 2018. – 224 с.
9. Нора П. Всемирное торжество памяти. Неприкосновенный запас, 2005, № 2–3 (40–41).
10. Нора П. Между памятью и историей: проблематика мест памяти. Франция-Память. Под ред. Нора П. СПб.: СПбГУ, 1999. С. 17–50.
11. Панов П. В., Сулимов К. А., Фадеева Л. А., ред. Борьба за идентичность и новые институты коммуникации. М.: РОССПЭН, 2012. – 263 с.
12. Репина Л. П. Наука и общество: публичная история в контексте исторической культуры эпохи глобализации. Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2015. Т. №3. С. 55–67.
13. Семененко И. С., Лапкин В. В., Бардин А. Л., Пантин В. И. Между государством и нацией: дилеммы идентичности на постсоветском пространстве. Полис. Политические исследования, 2017, № 5. С. 54–78.
14. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. Неприкосновенный запас, 2005, № 2–3 (40–41). Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2> (accessed 17.01.2020).
15. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
16. Цумарова Е. Ю. Политика идентичности: politics или policy? Вестник Пермского университета. Серия «Политология», 2012, №2 (18). С. 5–16.
17. Шедевры смотрят на нас. Деловой завтрак с Михаилом Пиотровским. Российская газета. Вып. № 294 (8052). 26.12.2019.
18. Штомпка П. Социальное изменение как травма. Статья первая. Социологические исследования, 2001, № 1. С. 6–16.

1.3. Религия и идентичность¹

Можно зафиксировать смену познавательных акцентов в политических интерпретационных схемах: от линейной универсальности, прогресса, непрерывности к плюралистической актуализации самобытности, прерывности, традиционности, архаизации. В результате исследовательская оптика идентичности стала одной из доминирующих в современном политическом знании, а включение понятий «идентичность», «устойчивость», «традиция» в инструментарий политической теории, параметров соответствующих референтов в политическую ткань во многом фиксируют изменение политических стратегий и институтов, фундаментом и легитимацией которых выступают плюральные основания современного мира. Не случайно концептуальные модели «столкновения цивилизаций» и «диалога цивилизаций» становятся дискурсивными основаниями объяснения и интерпретации политических событий и процессов, являются смысловой нагруженностью политической риторики, а «межкультурный диалог», «политика межнационального согласия» – институционализированными управленческими стратегиями в поле публичной политики.

Вывод, что сегодня политика становится шире системы политических институтов, коррелируя с возрастающим недоверием к сложившимся институциям и акторам, свидетельствует о кризисе их легитимности и действенности. Данное положение подтверждается и включением в пул понятий, описывающих сферу политики, концепта «идентичность», операционализация которого в религиозных координатах позволяет выстраивать как теоретические схемы, так и предлагать инструментальные практические подходы: поиск идентичности становится равнозначным поиску смыслов и путей создания новых социальных структур².

¹ Мчедлова М. М. Религия в политическом процессе России: институты, ценности, управление. Учебно-методическое пособие. М.: РУДН, 2018. С. 15–22.

² Castells M. L'ère de l'information . Le pouvoir de l'identité. – Paris , Fayard, 1999. P. 53.

Кризис политического участия, потеря структурирующей роли традиционных политических и гражданских форм солидарностей и мобилизаций, кризис доверия к политическим формам организации общества и к политическим элитам предопределяют выход на первый план солидарностей социокультурного типа – конфессиональных и этнических. С другой стороны, религия как таковая становится все более важным измерением политических сообществ и значимым источником ценностей для людей. Она может играть определяющую роль в формировании позитивного отношения к другим культурам, религиям и стилям жизни, способствуя построению гармоничных отношений между ними³. Включение социокультурной компоненты в интерпретацию политической реальности, рассмотрение социокультурного фактора как одного из атрибутивных не только заставляют осмысливать современную политику в иных категориях, но и актуализирует новые методологические и идеологические построения и дискуссии. В данных координатах следует отметить масштабность исследовательского проекта REDCo⁴, изучающего влияние религиозного фактора на социальные трансформации. Проект Redco направлен на решение вопроса, как религии и ценности могут содействовать диалогу или напряженности в Европе. В проекте REDCo осуществляется междисциплинарное исследование с участием ряда академических исследовательских центров, изучения проблемы, как европейские граждане разных религиозных, культурных и политических взглядов могут жить вместе и вступать в диалог взаимного уважения и понимания.

Констатация включения религиозного параметра в политический процесс как идентичностного основания, накладывающего отпечаток на алгоритмы управленческих стратегий, индуцирует методологическую проблему введения в политический анализ внеинституциональных параметров, поскольку «религия включается в «глобальный порядок» не столько как некий

³ Альянс цивилизаций: Из Доклада Группы высокого уровня 13 ноября 2006 г.// URL: http://www.unaoc.org/repository/HLG_report_RU.pdf

⁴ Религия в образовании: вклад в диалог или фактор конфликта в трансформирующихся сообществах европейских стран, Координатор: Проф. Вольфрам Вайсе, Университет Гамбурга, Германия, <http://www.redco.uni-hamburg.de/web/3480/3481/index.html>

институт, сколько как «способ коллективной или индивидуальной идентичности»⁵.

Как свидетельствуют социологические исследования, религия выступает в современном обществе скорее не как Вера, но как цивилизационная характеристика и основание культурной самобытности. Конфессиональная идентичность может поэтому выступать как необходимым условием гармонизации социальной системы, так и фактором ее дестабилизации⁶. Именно конфессиональная идентичность, которая связана с определенным религиозным течением, оказавшим влияние на культурную традицию конкретной социальной общности, а также на специфику политических институтов и политических систем, оказывается одним из основных параметров современного политического процесса. Новое прочтение религиозного фактора как идентификационного параметра, его новые смыслы отражают политические контексты и формируют предметное поле для политических исследований.

В центр дискуссий об идентичности в политике все настойчивее помещается религия как основа самобытности, прежде всего в своей конфессиональной проекции. В условиях повышенных рисков современности религиозная тематика, религиозные идеологии, религиозные институты как аттракторы политической риторики и социальных практик, становятся актуальными и «ощущаемыми» в повседневной жизни, в социальных срезам, в межличностных отношениях, они становятся общественными доминантами и объектами пристального политического внимания. Влияние религиозно-мировоззренческого фактора на восприятие действительности, социальное самочувствие и поиск путей адаптации в обществе, теряющем привычные ориентиры, политические смыслы представляется востребованным контекстом политической теории как в свете новых угроз, так и в свете повышения социальной значимости религии в публичном пространстве и в экзистенциальной проекции. Риски международного исламистского религиозного терроризма, миграционная катастрофа, имплицитная

⁵ Robertson R., Chirico J. Humanity, Globalization, and Worldwide Religious Resurgence: a Theoretical Exploration // Sociological Analysis. – 1985. – vol. 46(3). P. 229.

⁶ Зачастую конфликт между конфессиональными идентичностями в рамках одного религиозного течения становятся основным маркером политических конфликтов. Ярким примером служит деятельность ИГ на Ближнем Востоке.

ценностные и культурные конфликты между большими группами людей, принадлежащими к различным религиозным традициям, драматические столкновения между светскими и религиозными сегментами общества, трансформируют привычные политические и ценностно-нормативные параметры социального устройства, а также актуализируют новые дискуссии относительно религиозных интенций в современном мире, религиозного потенциала международных отношений и политических стратегий. Это связано и с выявившейся линейностью утвердившейся секуляристской картины мира, настаивающей на том, что религиозное мышление, практика и церковные институты утрачивают свое значение. Религиозная идентичность становится опорой во взаимодействиях групп и сообществ, придерживающихся разных этноконфессиональных ориентаций.

Религиозная идентичность человека формируется в результате соотнесения себя с определенной религией и определяется значением веры и ролью религиозных институтов в его сознании и поведении. Религиозную идентичность можно рассматривать как результат самоотождествления личности или референтного сообщества с определенным религиозным учением или его частью. **Конфессиональная идентичность** представляется составляющей *религиозной идентичности*, результатом соотнесения, самоотождествления себя с определенным религиозным течением или конфессией.

Для политического анализа востребованность познавательной нагруженности понятия конфессиональной идентичности определяется в возможностях описания специфики современного политического процесса сквозь призму социокультурной компоненты. Среди всего спектра познавательных оттенков, следует выделить следующие: 1) оформление религиозного чувства; 2) самоотождествление себя с постулатами и особенностями вероучения определенного религиозного течения; 3) восприятие принадлежности к конфессии как важнейшей опоры культурно-цивилизационной идентичности. Последнее значение фиксирует принадлежность к определенной культурной традиции, сформировавшейся под воздействием данного религиозного течения и формирующей чувство общности, вне зависимости

от отношения к вере как таковой. На этом поле конфессиональная идентичность пересекается с этнической самоидентификацией, становится маркером этнической (этнонациональной) идентичности. В основе данного феномена лежит консолидация общностей и составляющих ее индивидов вокруг культурно-ценностной матрицы, которая на протяжении жизни многих поколений обеспечивала устойчивость и выживаемость данной общности. Она формирует национальную идентичность (в случае наличия национально-государственной общности), либо может подпитывать и поддерживать политические притязания на создание такой общности.

Понятие конфессиональной идентичности используется при описании взаимодействия между различными цивилизациями, культурами, при объяснении политических проблем миграционных трендов, современных мультикультурных обществ. Собственно в политическом пространстве значение религиозной идентификации проявляется в возможностях политической мобилизации и политического участия, основанных на религиозных референтах. Конфессиональная идентичность может выступать как консолидирующее основание для активных субъектов политики, как действующих и в правовом поле, так и экстремистского толка (четким примером является деятельность и идеология ИГ – *организации, запрещенной в РФ*), одновременно обеспечивая политическую мобилизацию, социокультурный контекст политики и высокий уровень доверия и поддержки институтам и акторам.

Религиозная идентичность, предметное поле которой описывает более широкие контексты, проявляется во внутренней и внешней религиозности. Внутренняя религиозность представляет собой личностный, определяемый во многом структурой религиозного сознания религиозный опыт, Веру как таковую. Внешняя религиозность – это соблюдение правил вероучения, свершения молитвы, посещения богослужения, церковных праздников. О характере, глубине и степени религиозности, а, следовательно, и о значении религиозной самоидентификации, можно судить не только по субъективным идентификационным оценкам, но и по уровню вовлеченности в религиозную жизнь. Отмеченные показатели,

характеризующие степень этой вовлеченности, позволяют судить не только о глубине религиозной веры и мировоззренческой убежденности, но и о том, какое место религия и ее институционализированные формы играют в жизни людей, принадлежащих к тем или иным религиозным и мировоззренческим группам. Идентификация людей с определенной религией в любом обществе неоднозначна, она меняется под влиянием экономических, политических, идеологических, субъективных факторов. Религиозная идентичность включает весь диапазон отношения людей к религии: от религиозности (разных форм и интенсивности) – через колебания в вере (неопределенность отношения к религии, индифферентность) – до агностицизма, неверия и атеизма. Религиозная идентичность вбирает духовную, *конфессиональную*, социокультурную и политико-институциональные составляющие. Методологической проблемой является разведение данных проекций и переосмысление проявлений религиозного фактора в политике и общественных сферах вследствие изменения значимости тех или иных ориентиров религиозной самоидентификации.

К механизмам формирования религиозной идентичности следует отнести культурную традицию и ментальные архетипы, поэтому во многом религия выступает в качестве основания для культурно-цивилизационной идентификации сообщества. Если для одних групп ключевым основанием их религиозной самоидентификации является вера, вовлеченность в религиозную жизнь и религиозная практика, то для других религиозная самоидентификация в первую очередь маркирует именно общую культурно-цивилизационную принадлежность членов группы, пересекаясь с конфессиональной идентичностью. Таким путем поддерживаются основания, скрепляющие общность, что и обуславливает повышение значимости религии и влияния религиозного фактора в современном социально-политическом процессе. Так высокая легитимность и авторитет Русской Православной Церкви имплицитно является ее важнейшей исторической ролью, несравнимым вкладом в формирование культуры и государственности, а также институциональной устойчивостью.

Пересечение религиозной и конфессиональных идентичностей предопределяет неоднозначный российский контекст: соотношение себя с определенной устойчивой культурной традицией, вера как составляющая онтологической идентичности, способа бытия, когда во главу угла жизненного опыта ставятся отношения человека с Богом, повышение привлекательности религии, увеличение числа причисляющих себя к православной, исламской или иной религиозной традиции и присутствия традиционных конфессий в публичной сфере, восприятие веры в массовом общественном сознании. Признание за религиозными институтами одной из ключевых ролей в социально-политической жизни как верующими, так и неверующими, авторитет церкви как социального института позволяет предполагать наличие у религиозных организаций значительного потенциала влияния, в том числе на путях развития социально-значимой, культуроохранительной и просветительской работы. С другой стороны, определенная часть общества не приемлет религиозную идентичность как важную составляющую *социальной идентичности* и саму значимость диалога светского и религиозного опыта для современной России. В то же время на социальной периферии происходит обособление религиозных групп фундаменталистского толка, абсолютизирующих свою *групповую идентичность*; такие сообщества могут стать потенциальным источником политического радикализма.

Влияние конфессионального фактора на политические и ценностные предпочтения ставит вопрос о способах и формах воздействия религиозного фактора на общественное настроение и поведения, актуализируя управленческий вопрос государственно-конфессиональной политики и возможности социальной консолидации.

Вопросы для обсуждения:

1. В чем различия между религиозной и конфессиональной идентичностью?
2. Каковы проявления внутренней и внешней религиозности?
3. Как соотносится конфессиональная идентичность с культурной традицией?

Литература

1. Мчедлова М. М. Религия, общество, государство: вызовы и угрозы современности // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 110–118.
2. Мчедлова М. М., Кудряшова М. С. Религия и политика: От секуляризации к новым теоретическим координатам исследования // Политическая наука. 2016. № S (Специальный выпуск). С. 43–58.
3. Романова А. П., Черничкин Д. А. Проблемы виртуальной религиозной идентичности // Политическая наука. 2020. №4.
4. Хабермас Ю. Против «воинствующего атеизма». «Постсекулярное» общество – что это такое? // Русский журнал. Режим доступа: <http://www.russ.ru/pole/Protiv-voinstvuyuschego-ateizma#1>

Библиографический список

Абрамов А. В. Современный российский патриотизм как маркер гражданской идентичности личности и общества // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2014. № 3.

Алос-и-Фонт Э. Языковая политика в Каталонии и националистический конфликт в Испании // Языковая политика, конфликты и согласие / под ред. Е. И. Филипповой, С. В. Соколовского. М.: ИЭА РАН. С. 162–199.

Арон Р. Мир и война между народами. М.: Nota Bene, 2000. – 880 с.

Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛО, 2018.

Ачкасов В. А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций. Режим доступа: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2013_4/Achkasov_2013_4.pdf

Байша О. Дискурсивный разлом социального поля. Уроки Евромайдана. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. – 184 с.

Баранов Н. А. Крымский фактор в формировании российской идентичности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 3 (60). С. 59–66.

Башмаков И. С. Региональная мифология как инструмент символической политики в формировании территориальной общности Краснодарского края // Теория и практика общественного развития. 2011. № 2. С. 183–186.

Блохин К. В. Политика идентичности как фактор обеспечения национальной безопасности государства // Власть. 2019. № 4.

Бондаренко С. В. Политическая идентичность в киберпространстве // Политическая наука. 2005. № 3.

Борисова Н. В. Когда языки в огне: оспаривание языковых режимов как вызов балансу в межэтнических отношениях. М., РОССПЭН, 2017. – 189 с.

Борозняк А. И. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX века и начала XXI века. М.: Политическая энциклопедия, 2014.

Борозняк А. И. Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? М.: Независимое издательство «Пик», 1999.

Борьба за идентичность и новые институты коммуникации / под ред. П. В. Панова, К. А. Сулимова, Л. А. Фадеевой. М.: РОССПЭН, 2012.

Васильев А. Memory studies: единство парадигмы – многообразие объектов // Новое литературное обозрение. 2012. № 5. Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/117_nlo_5_2012/article/18946/

Васюков О. Д. Новые меньшинства или непризнанные народы? Опыт Центральной и Восточной Европы // Полития. 2019. № 1 (92). С. 186–201.

Гаврилюк В. В., Маленков В. В. Гражданственность, патриотизм и воспитание молодежи // Социологические исследования. 2007. № 4.

Гиагури Д. И. Символические измерения политики идентичности // Теория и практика общественного развития. 2015. № 15. С. 83–87.

Девятков А. В. «Европейский выбор» Молдовы: международный и внутренний контекст // Россия и мир: анатомия современных процессов. М.: Международные отношения, 2014.

Денисов И. Е. Китайские и западные ценности в современном политическом дискурсе КНР // Политические исследования. 2015. № 6.

Дробижева Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия Реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. М.: Институт социологии РАН, 2008.

Дробижева Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 7. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 214–228.

Дробижева Л. М. Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 100–115.

Евгеньева Т. В., Титов В. В. Формирование национально-государственной идентичности современной молодежи // Полис. 2010. № 4.

Европа XXI века. Новые вызовы и риски / под общ. ред. А. А. Громыко, В. П. Федорова. М.: ИЕ РАН; СПб.: Нестор-История, 2017. – 544 с.

Евстифеев Р. В. Локальная идентичность: символическая политика и несимволические практики // Философские науки. 2016. № 1. С. 89–96.

Емельянова Н. Н., Лекторский В. А., Летняков Д. Э., Рогов А. В., Романова А. П., Сабанчиев Р. Ю., Стычинский М. С., Суханова М. И., Сяпина Т. В., Труфанова Е. О., Федорова М. М., Яковлева А. Ф. Индивидуальная и коллективная память в цифровую эпоху: Коллективная монография / под ред. Е. О. Труфановой (отв. ред.). М.: Аквилон, 2022. – 400 с.

Жовтун Д. Т., Меркушин В. И. Подходы к научному определению патриотизма // Социология власти. 2006. № 1.

Журавлев А. Л., Нестик Т. А. Психологические особенности коллективного творчества в сетевых сообществах // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 19–38.

Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семененко. ИМЭМО РАН. М.: Весь Мир, 2017. – 992 с.

Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера и М. Липман. М.: НЛО, 2012.

Казанцев А. А., Меркушев В. Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // Полис. Политические исследования. 2008. № 2.

Каневский А. А. Языковая политика как вид национальной политики государства // Философия права. 2015. № 4 (71). С. 47–51.

Капицын В. С. Теория и политика идентичности. М., 2018.

Касьянов Г. Единый учебник истории ЕС и своя правда Восточной Европы. Режим доступа: <http://www.eedialogue.org/ru/2019/06/22/edinyj-uchebnik-istorii-es-i-svoya-pravda-vostochnoj-evropy>

Корсун В. А. Идентичность с китайской спецификой // Полис. Политические исследования. 2008. № 3. С. 68–79.

Кочетков А. П. Идентичность в международных отношениях: теоретические основы и роль в мировой политике // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2010. № 1.

Кудряшов В. Н. «Украинский вопрос» в русской общественной мысли второй половины XIX в. // Вестник Томского гос. ун-та. 2014. № 384. С. 107–115.

Курилла И. И. Битва за прошлое. Как политика меняет историю. М.: Альпина Паблишер, 2021.

Ластовский А. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой. Режим доступа: <http://polit.ru/article/2010/07/19/belorus>

Левашов В. В. Патриотизм в контексте современной социально-политической реальности // Социологические исследования. 2006. № 8.

Лисенкова А. А. Идентификационные стратегии и практики в пространстве социальных сетей // Российский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 1. С. 35–41.

Ломанов А. В. Неоконсерватизм с китайской спецификой // Россия в глобальной политике. 2017. Т. 15. № 4. С. 17–31.

Лубский А. В. Патриотизм и гражданственность в российском обществе, или Как преодолеть дефицит гражданственности в российском патриотизме // Гуманитарий Юга России. 2019. № 2.

Маколи М. Историческая память и общество сограждан // Pro et Contra. Январь – апрель 2011.

Маленков В. В. Патриотизм, гражданственность в политике и идентичности молодежи // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 120–131.

Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015. – 207 с.

Малинова О. Ю. Миф как категория символической политики: анализ теоретических развилок // Полис. Политические исследования. 2015. № 4. С. 12–21.

Малинова О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. 2010. № 2. С. 90–105.

Малинова О. Ю. Символическая политика: контуры проблемного поля // Символическая политика. 2012. С. 5–16.

Малинова О. Ю. Политика идентичности как борьба за смыслы: Проблемы концептуализации // Символическая политика: Сборник научных трудов. Вып. 5: Политика идентичности / гл. ред. О. Ю. Малинова. М.: ИНИОН РАН, 2017. С. 7–20. Режим доступа: http://inion.ru/site/assets/files/1560/symbolic_politics_5_2017.pdf

Маркедонов С. М. Борьба за память в мире «бунтующей идентичности» // Новое прошлое. 2020. № 3.

Мартынов М. Ю., Фадеева Л. А., Габеркорн А. И. Патриотизм как политический дискурс в современной России // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 109–121.

Мартынова М. Ю. Босния и Герцеговина: коллизия идентичностей // Культурная сложность современных наций. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 203–222.

Мартынов Д. С. Сетевая идентичность: трансформация феномена и подходов к изучению // ПОЛИТЭКС. 2014. Т. 10. № 4.

Мирошниченко И. В. Сетевой ландшафт российской публичной политики. Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. – 295 с.

Мирошниченко И. В., Морозова Е. В., Самаркина И. В., Плотицкина Н. В. Политика и сети: трансформация субъективного пространства российской политики в XXI веке: монография. Краснодар: Перспективы образования, 2021. – 316 с.

Мисюров Д. А. Комбинаторика общественного развития: варианты трансформаций символических моделей // Полис. Политические исследования. 2009. № 5. С. 18–31.

Морозова Е. В. Дегуманизация как технология формирования образа Другого/Чужого в политике // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 6. С. 121–128.

Морозова Е. В. Образ другого/чужого в формировании внешнеполитической идентичности // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 6/2. С. 183–186.

Морозова Е. В. Сложносоставная идентичность как объект политологического анализа // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 1. С. 60–66.

Морозова Е. В., Мирошниченко И. В., Рябченко Н. В. Фронтير сетевого сообщества // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 2.

Морозова Е. В., Мирошниченко И. В., Семененко И. С. Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 56–77.

Морозова Е. В., Улько Е. В. Локальная идентичность: формы актуализации и типы // ПОЛИТЭК. 2008. № 4. С. 139–153.

Мухарямов Н. М., Януш О. Б. Режимы этноязыкового разнообразия // Этнические аспекты политических институтов и процессов: монография / под ред. О. И. Зазнаева, М. Х. Фарукшина. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2021. С. 342–385.

Мчедлова М. М. (в соавт.). Православие и лояльность: от социальной напряженности к выбору между властью и церковью // Россия реформирующаяся. 2020. № 18. С. 264–298.

Мчедлова М. М. (в соавт.). Россия в ожидании перемен: религиозный фактор и социально-политические предпочтения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 1. С. 7–21.

Мчедлова М. М., Казаринова Д. Б. Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий // Политическая наука. 2020. № 4.

Назукина М. В. Макрорегиональная идентичность и регионализм в современной Сибири // Трансформация идентичностей: Опыт Европы и России. Сб. научных статей. СПб., 2021. С. 185–191.

Новаковский Е. А. Образ Украины как врага России в сознании российских граждан // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 1. С. 149–164.

Новикова С. А. Политическая идентичность сетевых акторов интернет-пространства: методологические аспекты. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-identichnost-setevyh-aktorov-internet-prostranstva-metodologicheskie-aspekty>

Осколков П. Очерки по этнополитологии: Монография. М.: Аспект Пресс, 2021. – 176 с.

Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / под ред. А. И. Миллера и Д. В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020.

Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / отв. ред. И. С. Семененко. Редколлегия тома: И. С. Семененко, В. В. Лапкин, Л. А. Фадеева. М.: РОССПЭН, 2011. – 208 с.

Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения / отв. ред. И. С. Семененко. Редколлегия тома: И. С. Семененко, В. В. Лапкин, Л. А. Фадеева. М.: РОССПЭН, 2012. – 471 с.

Попова О. В. Политическая идентификация в условиях трансформации общества. СПб.: Изд. СПбГУ, 2002.

Поцелуев С. П. «Символическая политика»: к истории концепта // Символическая политика. 2012. С. 17–53.

Поцелуев С. П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис. 1999. С. 62–75.

Прохоренко И. Испанский опыт регулирования межнациональных отношений и инокультурной иммиграции // Мировая экономика и международные отношения. 2015. Т. 59. № 12. С. 80–89.

Пушкарева Г. В. Идеи и ценности как способ конструирования символического пространства национальной идентичности // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 156–173.

Римский В. Л. Понимание идентичности // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. № 1 (99). С. 86–96.

Романова А. П., Федорова М. М. «Советская ностальгия» несоветского цифрового поколения // Южно-российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22. № 1. С. 6–18.

Романова А. П., Черничкин Д. А. Коллективная идентичность в концепции социетальной безопасности: Каспийский акцент // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 3 (56). С. 160–167.

Романова А. П., Якушенков С. Н., Хлыщева Е. В., Топчиев М. С. Чужой и культурная безопасность: монография. М.: РОССПЭН, 2013. – 215 с.

Романова А. П., Якушенков С. Н. Чужой как объективная реальность, данная нам в ощущениях и размышлениях // Вопросы философии. 2013. № 2. С. 49–55.

Рябов О. В. «Родина-мать» в символической политике постсоветской России // *Женщина в российском обществе*. 2015. № 3/4. С. 78–79.

Садовая Е. С., Кутергин В. А. Регулирование этнополитических отношений в рамках образовательной политики: опыт стран ЕС // *Полис. Политические исследования*. 2017. № 5. С. 91–105.

Селезнева А. В. Патриотизм как политическая ценность: политико-психологический анализ // *Вестник Томского гос. ун-та. Серия: Философия. Социология. Политология*. 2017. № 38.

Селезнева А. В., Смутькина Н. В. Образы стран славянского мира в сознании российских граждан // *Русин*. 2018. № 54. С. 352–371.

Семененко И. Прошлое на переднем крае политики идентичности // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 11.

Семененко И. С. Национализм, сепаратизм, демократия... Метаморфозы национальной идентичности в «старой» Европе // *Полис. Политические исследования*. 2018. № 5.

Семененко И. С. Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. № 11.

Семененко И. С. Новые ракурсы политики идентичности: трудная память в музеях истории XX века // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. № 3.

Семененко И. С. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности // *Полис. Политические исследования*. 2008. № 3.

Семененко И. С., Лапкин В. В., Пантин В. И. Идентичность в системе координат мирового развития // *Полис. Политические исследования*. 2010. № 3.

Сергеев В. М., Казанцев А. А., Медведева С. М. Кризис конструктивизма и методологические проблемы изучения международных отношений // *Полис. Политические исследования*. 2019. № 5.

Смирнягин Л. В. Эволюция места в ходе «производства пространства» // *Символическая политика*. 2016. Вып. 4. Социальное конструирование пространства. М.: ИНИОН РАН. С. 84–105.

Сургуладзе В. Ш. Политика идентичности в реалиях обеспечения национальной безопасности: Стратегия, теория, практика: монография. М.: Аналитическая группа «С. Т. К.», 2019. – 400 с.

Тимофеев И. Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции. М.: МГИМО, 2008. – 176 с.

Титов В. В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М.: Типография «Ваш формат», 2017.

Тихонова С. В. Социальные сети: проблемы социализации интернета // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 138–152.

Травкина Н. М. США: меняющийся алгоритм развития. М.: Весь Мир, 2018.

Тренин Л. Новый баланс сил. Россия в поисках внешнеполитического равновесия. М.: Альпина Паблишер, 2021.

Трифонов Ю. Н. О патриотической идеологии в условиях идеологического многообразия // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: Философия. Социология. Политология. 2016. № 3 (35).

Фадеева Л. А. Борьба за конструирование региональной идентичности: Пермский случай // Вестник Пермского университета. Политология. 2011. № 2. С. 43–51.

Фадеева Л. А. Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность. М.: Новый хронограф, 2012.

Фадеева Л. А. Политика памяти и идентичности в Европейском союзе: сопряженные понятия, рассогласованные практики // Международная аналитика. 2022. № 2.

Фадеева Л. А. Сетевая идентичность // Идентичность. Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание. М.: Весь Мир, 2017. С. 535.

Фадеева Л. А. Современные вызовы политики идентичности в ЕС // Современная Европа. 2021. № 7.

Фадеева Л. А., Плотников Д. С. Опыт мировых войн в политике идентичности и выстраивании стратегии безопасности // Региональные стратегии международной безопасности: Россия, ЕС и Ближний Восток. М.: Научный консультант, 2019.

Фарукишин М. Х. Статус официальных языков этнических общностей в полиэтнических государствах // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 77–87.

Фарукишин М. Х. Статус языков этнических меньшинств в Российской Федерации // The Soviet and Post-Soviet Review. 2014. Vol. 41. Issue 2. P. 169–193.

Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Высшая школа, 1992. – 351 с.

Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприязни = Identity: The demand for dignity and the politics of resentment. М.: Альпина Паблишер, 2019. – 256 с.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. С. 8–27. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>

Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Транзиткнига», 2004.

Хахалкина Е. ЕС в современном мире: проблемы региональной политики и внешнеполитической идентичности // Современная Европа. 2020. № 5.

Холодковский К. Г. Самоопределение России. М.: РОССПЭН, 2013.

Шеррер Ю. Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти. Режим доступа: <https://www.perspektivy.info/print.php?ID=48576>

Шестопал Е. Б. Ценностные характеристики российского политического процесса и стратегия развития страны // Полис. Политические исследования. 2014. № 2.

Шестопал Е. Б., Смутькина Н. В. Факторы восприятия постсоветских стран в современном российском обществе // Полис. Политические исследования. 2018. № 1. С. 26–44.

Яновский Р. Г. Патриотизм: о смысле созидającego служения Человеку, Народам России и Отечеству / Рос. акад. наук, Ин-т соц.-полит. исслед. М.: Книга и бизнес, 2004. – 527 с.

Учебное пособие

**ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ:
ПОНЯТИЯ, СМЫСЛЫ, ПРАКТИКИ**

Редактор – *О. Данилова*
Оформление обложки – *Л. Пенягина*
Корректор – *И. Плотникова*
Верстка – *Л. Черных*

Подписано в печать 14.04.2023.
Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная.
Физ. печ. л. 13,5. Тираж 500 экз. Заказ № 59.

ООО «Издательский центр «Титул»
614000, г. Пермь, ул. Осинская, 2а. Тел.: (342) 237-55-25, 89124822824,
e-mail: info@tl.perm.ru